

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРАВО

ШАХКЕЛДОВ Ф.Г. ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ РЕФОРМА В РОССИИ БУКСУЕТ: КОРРУПЦИЯ КАК БЫЛА, ТАК И ОСТАЕТСЯ	3
КОЛИЕВ В.В. УЧАСТИЕ СПЕЦИАЛИСТА-КРИМИНАЛИСТА В ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ	11
МИХАЙЛОВ Э.М. ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ЭКСТРЕМИЗМУ И ТЕРРОРИЗМУ	16
ТУРИЦЫН А.В. ВНЕДОГОВОРНЫЕ СПОСОБЫ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ НА ЗЕМЕЛЬНЫЕ УЧАСТКИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО НАЗНАЧЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАН	25
КОЛИЕВА А.Э. ФИДУЦИАРНОСТЬ В ДОГОВОРНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ	30
НЕФЕДОВСКИЙ Г.В. К ВОПРОСУ ОБ ИССЛЕДОВАНИИ МЕХАНИЗМОВ ДОСТИЖЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СТАБИЛЬНОСТИ	36
МАКСИМЕНКО Э.А. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МЕХАНИЗМА РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ФУНКЦИИ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА В РОССИИ	43
ПРОВОЗИН А.В. ПОЛНОМОЧИЯ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ БЕЗОПАСНЫХ УСЛОВИЙ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ	49
КАЛАШНИКОВ Р.В. ПОЛНОМОЧИЯ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО РЕГУЛИРОВАНИЮ МУНИЦИПАЛЬНО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ	54
ЗАХАРОВ А.К. ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ЗАКРЫТЫХ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЯХ И ГОРОДАХ-НАУКОГРАДАХ	58
ЗОРИНА Т.А. ОБЩЕСОЦИАЛЬНЫЕ ПРИЧИНЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ В УСЛОВИЯХ ПРИРОДНЫХ БЕДСТВИЙ И ТЕХНОГЕННЫХ КАТАСТРОФ	62
ЛУКОВ М.М. ОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЕ НА СОСТОЯНИЕ ОПЬЯНЕНИЯ В СИСТЕМЕ МЕР АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ	68
МАКСИМОВ Г.Б. ФОРМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА	75
ЛАРИН В.А. СОСТОЯНИЕ И СТРУКТУРА ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ В СИТУАЦИЯХ ОСТРОЙ СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ	81

АДАМЕНКО И.Е. К ВОПРОСУ О ПРАВАХ ЛИЧНОСТИ, КАК СПОСОБЕ РАЗРЕШЕНИЯ ПРАВОВЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ СФЕРЕ	87
--	-----------

ФИЛОСОФИЯ

БЕРЕТАРЬ Н.Г. КРИЗИСНЫЕ ЧЕРТЫ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ И АКТУАЛЬНЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ	93
САВИНА С.В. ДИНАМИКА ВЛИЯНИЯ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ И ИНТЕРНЕТ НА ТРАНСФОРМАЦИЮ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ МОЛОДЕЖИ	96

ПСИХОЛОГИЯ

СЁМИК А.А. СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА И ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ	105
ЗОЛОТОВЕРХОВА Ю.С. КОНСТРУКТ МУЖЕСТВЕННОСТИ В МЕЖКУЛЬТУРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ	113

УДК 343.358

**ШАХКЕЛДОВ Ф.Г.
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ РЕФОРМА В РОССИИ БУКСУЕТ:
КОРРУПЦИЯ КАК БЫЛА, ТАК И ОСТАЕТСЯ**

Ключевые слова: правоохранительная система, судебная система, уголовная ответственность, коррупция, рейдеры, общественное мнение

В статье исследуется проблема коррупции в правоохранительной и судебной системе Российской Федерации, отмечается значение позитивного международного опыта борьбы с этим явлением. Констатируя неблагоприятные изменения, в частности, распространение коррупционных явлений в суде и правоохранительных органах, практики посреднических услуг бизнесу и гражданам через так называемых «черных адвокатов», автор показал, что на место «классической» коррупции 1990-х годов пришла системная коррупция.

**SHANKELDOV, F.G.
LAW REFORM IN RUSSIA BUCS:
CORRUPTION AS SHE WAS, AND REMAINS**

Keywords: law enforcement system, the judicial system, criminal responsibility, corruption, raiders, public opinion

The article deals with the problem of corruption in law enforcement and judicial system of the Russian Federation, notes the importance of positive international experience in dealing with this phenomenon. Stating adverse effects, in particular, the spread of corruption in court and law enforcement practice of mediation services to business and citizens through the so-called "black lawyers", the author showed that the place of the "classic" corruption of the 1990s came to systemic corruption.

По мнению граждан России, лидерами по уровню коррупции являются полиция, прокуратура, следственный комитет и суды. Именно на них чаще всего жалуются россияне, обвиняя в участии в рейдерских захватах, вымогательствах, укрывательстве и фабрикации уголовных дел.

Граждане жалуются на сговор прокуроров и судей, прокуроров и следователей. Правоохранительные органы обвиняются в различных коррупционных правонарушениях: участии в рейдерских захватах, вымогательствах, укрывательстве и фабрикации уголовных дел. Заявители сообщают об отсутствии реакции на заявления о преступлениях госслужащих, попытках увода их от уголовной ответственности. Часто сообщается о неформальных взаимоотношениях прокуроров, судей и руководителей администрации на местном уровне власти, отсутствии реакции

ПРАВО

правоохранительных органов на материалы средств массовой информации (СМИ). Сигналы общественности и СМИ относительно подобных контактов не влекут за собой какой-либо реакции прокуратуры или следственного комитета. Порой отсутствует даже изучение обнародованных фактов.

При этом часто правоохранительные органы защищают интересы недобросовестных представителей привилегированной части общества, что является одной из причин низкого уровня доверия в стране к правоохранителям и судьям. Именно поэтому россияне боятся сообщать о фактах вымогательства взяток и о других коррупционных преступлениях в правоохранительные органы.

Меры борьбы с коррупцией в судах, которые направлены на повышение прозрачности системы и увеличение денежного содержания судей являются не адекватными уровню коррупции в этой сфере. Судебная система превратилась в замкнутую систему, не способную к самоочищению, а председатели судов наделены чрезмерно широкими правами по отношению к судьям. То, кого назначают в судьи вызывает глубокий интерес общества. Но оно отстранено от участия в решении этих вопросов.

На наш взгляд, следует согласиться с выводом И.В. Упорова о том, что в постсоветский период: «Особенно явно в законотворчестве и уголовной политике проявилась боязнь принятия важных решений в сфере противодействия коррупции (по ст. 20 Конвенции ООН против коррупции). В результате, ценность изменений в УК РФ снижается» [1].

Наряду с этим, в последние годы стало ясно, что не сбылись все наши надежды на самоочищение судебной системы и устранение коррупции в судебной власти. Более того, ситуация в данной сфере неуклонно ухудшается. В настоящее время во многих квалификационных коллегиях судей в регионах необоснованно установлена «такса» за сдачу квалификационного экзамена и сдать квалификационный экзамен можно комиссии только в том случае, если кандидатура сдающего предварительно согласована с председателем суда конкретного региона. Такая же ситуация сложилась при сдаче квалификационного экзамена в органах прокуратуры.

Кроме того, обращаем особое внимание на проблему круговой поруки между правоохранителями и судьями. Сегодня получила распространение система посреднических услуг бизнесу и гражданам через так называемых «черных адвокатов» - родственников, друзей судей, которые берутся «уладить дело» с конкретным судьей за определенное вознаграждение, или через самих судей, а также распространена практика, когда судьи непосредственно вступают в сговор с гражданами для получения взятки.

Вертикаль власти коррумпирована сверху-донижу. В восприятии граждан и экспертов уровень коррупции, несмотря на усилия властей, законодателей и общества по его снижению, продолжает только увеличиваться, размеры взяток только растут, чувствуется полное отсутствие страха, вседозволенность, безнаказанность и беспредел.

ПРАВО

«Системная» коррупция разрушает «принцип справедливости». Коррупция, которая в 1990-е годы была «классической», теперь все больше приобретает «системный» характер.

В первую десятилетку формирования государственных институтов и правовой базы Российской Федерации - с 1991-го по 2000-е гг. - инициаторами коррупционных отношений выступали, как правило, бизнесмены или граждане, а выгоду получали обе стороны: бизнес пользовался незаконными преимуществами или уходил от наказания и налогов, а бюрократ приобретал материальные или иные блага и выгоды для себя и близких.

Согласно опросу, проведенному Общественной палатой (ОП), большинство россиян (63%) считает, что в 2012 году уровень коррупции в стране только вырос, а 85% опрошенных сами, так или иначе были вовлечены в коррупционные отношения. Самое большое количество мздоимцев, по версии Общественной палаты, работает в правоохранительных органах (особенно в ГИБДД) и судах, а также в структурах ЖКХ. С другой стороны, общественники рапортуют об увеличении количества уголовных дел с коррупционной составляющей, в том числе, в отношении высокопоставленных чиновников [2].

Правда, результатов такой бурной деятельности обыватели не видят: бюрократы по-прежнему вымогают взятки, министры «уводят» из бюджета миллионы и даже миллиарды, при этом ни одной громкой «посадки» еще не последовало.

В последние годы предметом коррупционных отношений стало получение доступа к реализации прав граждан и предпринимателей, сопровождающееся частыми случаями использования властных полномочий для фабрикации уголовных дел с целью активного наступления на права граждан и бизнеса и, прежде всего, на права собственности и перераспределения права на бизнес. Это разрушает принцип справедливости, усиливает социальную напряженность и неравенство в обществе. Реальная борьба с коррупцией невозможна без всеобщего гражданского контроля за деятельностью всех органов исполнительной власти и правоохранительных органов сверху донизу. При отсутствии независимых средств массовой информации, за исключением интернета, данная проблема в России все больше усугубляется, так как многие факты скрываются, замалчиваются. Либо же, под угрозой закрытия, СМИ вынуждены не обращать на них внимание.

Коррупция в своих нынешних масштабах разрушает экономику, снижает действенность законов, убивает веру в справедливость и ведет к расслоению общества. Общественные блага получают все более узкие группы лиц, что создает разрыв между декларируемыми и существующими ценностями, формируя двойные стандарты поведения у граждан.

Однако подавляющее большинство всех нормативных предписаний в сфере противодействия коррупции, в значительной степени, посвящены одним и тем же вопросам, регулируют применение одних и тех же

антикоррупционных средств. При этом отсутствует должная эффективность их применения.

Настоятельно необходимо провести систему мер, которые приведут к тому, что быть честным правоохранителем и судьей в России станет в тысячи раз выгоднее, почетнее, престижнее, спокойнее, чем быть взяточником в форме или в мантии [3]. Честная работа должна обеспечивать достойную жизнь, уважение и почет не только для правоохранителя, но и для членов его семьи, а нечестная – тюрьму на длительные сроки, позор и разрушение всего будущего.

В целом ситуация с коррупцией в России в последние годы только ухудшается. Должный демократический контроль над судами, следственным комитетом и полицией отсутствует.

Почему реформа борьбы с коррупцией в полиции в России провалилась? Может просто не хотят экстренных реформ, а обойтись только минимальными изменениями или полумерами сегодня невозможно. Отметим, что в России не учитывается положительный опыт реформы полиции наших соседей. Между тем, к примеру, бывшему Президенту Грузии Саакашвили удалось уничтожить коррупцию в полиции, реализовав несколько простых ключевых идей.

1. В Грузии почти полностью был обновлен личный состав. В течение двух лет из 85 тыс. старых сотрудников МВД были уволены 75 тыс. Весь состав ГАИ - 14 тыс. человек уволили в один день. В течение некоторого времени в МВД оставались немногие из профессионалов, занятых непосредственно расследованием преступлений и преподаватели, обучающие новых сотрудников, теперь уже полицейских.

2. Одновременно с этим установили драконовскую ответственность за коррупцию. К примеру, за взятку в 50 долларов полицейскому грозит 10 лет тюрьмы.

3. Организован постоянно идущий процесс провоцирования полицейских на взятку сотрудниками службы собственной безопасности. Сотрудники специально созданной инспекции регулярно устраивали проверки. Давали взятки, притворяясь обычными гражданами, или же, в качестве напарников, совершали правонарушения, проверяя - напишет ли полицейский служебный рапорт.

4. Взятки фиксировались скрытыми камерами, дела о взятках громко освещались в различных СМИ, причем за недонесение на коллегу на полицейского также могли завести уголовное дело.

5. На этом фоне в несколько раз повысили зарплату полицейских, доведя ее до уровня гораздо выше среднего по стране.

6. В назидание другим, видеозаписи коррупционных дел крутили по телевидению.

Одновременно с принятием этих мер, в Грузии проводилась широкая кампания по популяризации реформированной полиции среди грузинского народа. За основу вышеназванных реформ был взят богатый опыт полиции в США.

ПРАВО

Говоря о коррупции правоохранительных органов и судебной власти, необходимо проанализировать, что было сделано государством и законодателями для того, чтобы ее изменить в корне и какие итоги обнаружились от проводимых реформ. Уровень коррупции в нашей стране носит запредельный характер.

К сожалению, несмотря на принятые с 2008 года антикоррупционные законы, вместо демократизации законодательства, мы видим только «закручивание гаек» и элементы авторитаризма при дальнейшем усилении коррупции. «Точечные» удары в ходе борьбы с коррупцией, наличие в обществе касты неприкасаемых не являются эффективными. Они меньше всего затрагивают органы следствия и прокуратуры, а тем более судей.

Наглядными примерами в данном плане служат: уголовное дело в станице Куцевской, уголовное дело по подпольным казино в Подмосковье, уголовное дело Минобороны, уголовное дело в Анапе и т.д. Причем в них сотрудники правоохранительных органов вообще оказались непричастными ко всему происходившему и были «уведены» от ответственности. Фактически это свидетельствует о том, что сегодня нет воли государства и государственной власти для полного искоренения коррупции.

Как следует из положительного опыта борьбы с коррупцией в таких странах как Швеция, Сингапур и Гонконг, эффективность такой борьбы была достигнута посредством проявленной политической воли, имеющей последовательный и систематический характер с реализацией комплексного стратегического плана действий. Он состоял, в первую очередь, из мер по противодействию такому уродливому явлению, как коррупция, с одновременным воспитанием всего общества.

К примеру, в Израиле государство предоставляет чиновникам значительные социальные льготы и беспощадно наказывает их при обнаружении фактов взяточничества. Потому «низовая» коррупция в Израиле практически отсутствует. Но если чиновник оказывается замешанным в такого рода преступлении, то он практически навсегда лишается возможности работать в государственных структурах.

Сложилось такое мнение, что в России давно действует не принцип законности и справедливости, а так называемое «ордынское право». Население страны, его настроения – не учитываются. К его мнению не прислушиваются. Важную роль в обществе играют только его правители – «ханы». Именно они не хотят кардинальных изменений в обществе. Их все устраивает.

Так, например, в газетах и в других источниках появляется много сообщений по фактам нарушений в сфере ЖКХ., по которым правоохранительные органы должны проводить проверки. Но вот только после обращения жительницы Омска Алевтины Рапацевич к Президенту России и без предварительной проверки Генеральный прокурор России Чайка возбудил уголовное дело, произошли обыски. А где другие уголовные дела?

Заметим, что мы против огульного «террора».

ПРАВО

Важно видеть, что Государственной думой России в уголовно-процессуальное законодательство было внесено много изменений, выводящих из-под юрисдикции судов присяжных рассмотрение многих уголовных дел, что существенно нарушает право на защиту, право на справедливое судебное разбирательство и демократические принципы. В последнее время много говорится о гуманизации уголовного законодательства. Однако принимаемые меры в этой связи меры не эффективны. «Гуманизация» не имеет ничего общего с действительностью.

Самое интересное то, что недостатки и пробелы уголовно-процессуального законодательства влияют также на рассмотрение дел судом присяжных. Когда председательствующий по делу судья необъективно отказывает в удовлетворении многих ходатайств, имеющих существенное значение по делу, с шуткой поясняет, что вы можете обжаловать все это, но после вердикта присяжных в апелляционной инстанции. Получается, что государство тратит большие деньги, чтобы обеспечить право граждан на справедливый суд, обвиняемый умышленно выбирает суд присяжных, но здесь снова от профессионального судьи зависит, как повернуть дело, какие можно представить присяжным доказательства. Отклоненные ходатайства могут иметь существенное значение. Определить это может только суд высшей инстанции, дело может вернуться на новое судебное рассмотрение, но никакой ответственности в последующем судья за это не несет.

Уголовные дела, рассматриваемые профессиональными судьями, для многих судей превратились в бизнес, инструмент получения денег от лиц, привлеченных к уголовной ответственности. Многие судебные процессы проходят таким образом, что судьи во время выступлений прокуроров в суде просто заглядывают им в рот, «глотают» утверждения прокуроров в суде и, недолго думая, преподносят их как свои выводы. Никакого установления истины в данном случае не требуется, так как дело находится в суде и судье нужно принять по делу обвинительное решение (оправдательное как исключение).

Сложилось мнение, что для следователя главное - подписать дело у прокурора и направить его в суд. Когда уголовное дело принято к судебному разбирательству, следствие считает, что обвинительный приговор ему обеспечен, так как теперь основные проблемы возникают у прокурора и судьи, ориентированных на вынесение обвинительного вердикта. Оправдательные приговоры в России скоро войдут в красную книгу.

О независимости суда и справедливом правосудии стоит только мечтать. Правосудие давно стало подконтрольным государственной власти [4]. Конечно, не по всем делам, но многие судебные решения выносятся с оглядкой на государственную власть. Как может быть такое, когда близкие родственники, а нередко отец, мать и их дети, могут работать судьями не только в одном крае или области, а даже в одном городе. Неужели об этих фактах не было известно квалификационной коллегии судей и администрации Президента при их

ПРАВО

назначениях? Особый уголовно-процессуальный статус судей и прокуроров препятствует эффективному выявлению и привлечению к уголовной ответственности коррумпированных должностных лиц из их числа.

Необходимо принятие эффективных мер в судебной системе. Так, в Сингапуре для борьбы с коррупцией были резко подняты зарплаты судей. На судейские должности были привлечены «лучшие адвокаты». Зарплата сингапурского судьи достигла нескольких сот тысяч долларов в год (в 1990-е годы – свыше 1 млн. долл.). Были жестко подавлены мафиозные группировки.

К сожалению, не изжиты в стране вопросы приема на работу в правоохранительные органы и суды преимущественно лиц коренной национальности, существует даже нередко неофициальный запрет на прием на работу в некоторые органы лиц определенной национальности. Хотя прямо в законе нет запретов на этот счет, однако многие руководители правоохранительных органов и государственной власти неофициально ставят такие задачи перед кадровым составом. Получается, что все мы граждане России, вместе поднимаем экономику, принимаем участие в развитии общества, однако имеется необоснованное деление на разные виды «сортов» населения. Профессионализм в данном случае не требуется. Важно: пусть лицо будет не очень профессиональным, но главное – своим [5].

Конечно, в данной сфере есть позитивные подвижки. Так, с 14 июля 2013 г. соответствующие изменения внесены в закон «О занятости населения», где в вакансиях запретили указывать следующие характеристики: имущественное и семейное положение, расу, цвет кожи, национальность, родной язык, происхождение, принадлежность к общественным объединениям, а также другие качества и характеристики кандидата, не связанные непосредственно с деловыми качествами.

Необходимо и далее ужесточить законодательство по данному вопросу, и в случае обнаружения таких фактов не просто позорно увольнять работников, но и привлекать их к уголовной ответственности, приравняв данные преступления к коррупционным и экстремистским преступлениям. Для устранения таких ситуаций, необходимо при приеме на работу в правоохранительные органы использовать итоги анкетирования при прохождении их в несколько этапов (не более трех). На наш взгляд, все процедуры следует производить через интернет на сайте принимающей организации без отправки даже фотографий, полного имени соискателя и его национальности (анкетные данные соискателя в этой части могут быть обезличены на данных этапах). В случае прохождения соискателем предварительных этапов, о чем ему сообщается через интернет, на заключительном этапе приема на работу производится собеседование с ним лично, по итогам которого принимается окончательное решение о приеме на работу соискателя.

Слияние криминала и правоохранительных органов носит повальный характер. Основываясь на информации, как от простых граждан, так и

ПРАВО

действующих сотрудников правоохранительных органов, для назначения на ключевые посты в правоохранительных органах, в первую очередь, нередко необходимо пройти согласование с криминалом. Не секрет, что должности в правоохранительных органах, которые покупаются для того, чтобы «посадить» туда своего человека, который потом «безвозмездно» будет эту должность отрабатывать, сегодня становится в России, чуть ли, не эпидемией безнравственности.

Трудоустройство стало бизнесом правоохранительных органов. Например, устройство помощником прокурора в одну из районных прокуратур или следователем в один из отделов следственного комитета России может обойтись не менее 10-15 тысяч долларов США, а устройство федеральным судьей в районный суд престижного или курортного города может обойтись не менее 100 тысяч долларов США. Соискателей не пугает крайне низкое материальное обеспечение сотрудников правоохранительных органов, загруженный график работы, так как фактически, правоохранительная деятельность превращена в так называемый «правоохранительный бизнес», где можно сколотить капитал. Критерием престижности профессии стала не правоохранительная деятельность, а коррупционная стабильность и престиж выбранной профессии.

В России принят закон, запрещающий высокопоставленным чиновникам, госслужащим, депутатам, сенаторам, судьям, следователям, прокурорам, сотрудникам МВД иметь иностранные счета и ценные бумаги в банках за рубежом. Однако почему этот запрет распространяется только на супругов и несовершеннолетних детей и не учитывает детей совершеннолетних? Информация об имуществе и покупках совершеннолетних детей также должна учитываться при отчетах о доходах и расходах чиновников. В последние годы у чиновников такого уровня стал модным тренд, когда вдруг супруга или совершеннолетние дети в период их работы становятся вполне благополучными бизнесменами и попадают в списки самых богатых людей России. Довольно часто чиновники оформляют фиктивные разводы со своей супругой, соответственно, оформляя на ее имя и имущество.

Не удивительно, что в России все чиновники и государственные служащие мечтают быть несменяемыми. Прямо как в авторитарных режимах стремятся работать пожизненно. Государственная власть и законодатели просто не хотят подавляющей замены состава судей, опираясь на проверенные руководящие кадры судебной системы, а тем более установить так необходимую выборность судей. Раньше боролись, чтобы председатели судов осуществляли свои полномочия не более двух сроков подряд, теперь данное ограничение снято.

Получается проводимая правоохранительная реформа и ужесточение борьбы с коррупцией в России остались больше на словах. Коррупция только проявляется в других формах и объемах. И надежд изменить это остается все меньше.

Литература и источники

1. Упоров И.В. Конституция России 1993 года и уголовный закон: двадцать лет спустя // Современная научная мысль. 2014. №1. С.81.
2. orpf.ru// дата обращения 26 ноября 2014г.
3. Новоселов М.Е. Актуальные вопросы повышения привлекательности правоохранительной службы в условиях реформирования правоохранительной системы // Право и практика. 2012. №2. С. 84-92; Мустафина С.А. Повышение эффективности стимулирования на государственной гражданской службе // Современная научная мысль. 2014. №1. С.115-119.
4. См. напр.: Турицын И.В., Дубинин М.Г. Основные проблемы реализации советской судебной реформы в условиях нэпа (1922-1925 гг.) // Современная научная мысль. 2013. №4. С.112-126.
5. Шахкелдов Ф.Г. Использование специальных знаний в уголовном процессе // Современная научная мысль. 2014. №1. С.70-75.

Шахкелдов Ф.Г. - доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса Краснодарского университета МВД России (ashach@mail.ru)

Shahkeldov, F.G. - Doctor of Law, Professor, Department of Criminal Procedure Professor of the Krasnodar University of Ministry of Internal Affairs of Russia.

УДК 343.982.325

КОЛИЕВ В.В.

**УЧАСТИЕ СПЕЦИАЛИСТА-КРИМИНАЛИСТА В ПРОИЗВОДСТВЕ
СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ**

Ключевые слова: судебная экспертиза, следователь, эксперт, следственный действия, судебное разбирательство

В статье раскрывается порядок участия специалиста-криминалиста в производстве следственных действий по уголовным делам, которые во многом зависят от процессуальной ситуации. Автор предлагает ряд мер, которые будут способствовать совершенствованию правоохранительной, а также судебной практики, предотвратят путаницу в терминологии, более четко определяют компетенции участников уголовного процесса.

KOLIEV, V.V.

**PARTICIPATION FORENSIC SPECIALIST IN THE PRODUCTION OF
INVESTIGATIVE ACTIONS**

Keywords: forensics investigator, expert, investigative action litigation.

In this article the order of participation in professional forensic investigative actions in criminal cases, which largely depends on the procedural situation. The author proposes a number of measures that will contribute to the improvement of law enforcement and judicial practice, prevent confusion in terminology, to define more clearly the competence of participants in criminal proceedings.

Как показывает опыт развития института экспертизы [1], исследование особенностей участия специалиста-криминалиста в ряде следственных действий исключительно важно для конкретизации правового статуса данной процессуальной фигуры. В частности, обратимся к таким действиям как следственный осмотр (осмотр места происшествия, осмотр трупа), допрос, обыск, следственный эксперимент.

Участие специалиста – криминалиста в осмотре трупа.

В соответствии со ст. 178 УПК РФ, следователь производит осмотр трупа с участием понятых, судебно-медицинского эксперта, а при невозможности его участия - врача. При необходимости, для осмотра трупа могут привлекаться другие специалисты [2]. Ряд современных исследователей предлагают также нормативно закрепить участие в таких действиях уже на стадии экспертизы и представителей защиты [3].

Наполняя иным смыслом используемый в ч. 1 ст. 178 УПК РФ термин «судебно-медицинский эксперт», отличный от первого, можно предположить, что законодатель подразумевал аттестованного работника государственного судебно-экспертного учреждения, производящего судебную медицинскую экспертизу в порядке исполнения своих должностных обязанностей.

Участие эксперта как должностного лица, по нашему мнению, законодатель вложил в интерпретацию данной статьи, однако ни первый, ни второй вариант не может легитимно использоваться в данной норме. Только специалист согласно ст. 58 УПК РФ может привлекаться к участию в процессуальных действиях для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию. Эксперт, с точки зрения уголовно-процессуального законодательства, имеет право только на производство экспертизы и дачу заключения по нему, но никак не на выезд на место происшествия и участие в качестве эксперта [4].

Следует заметить, что неточности в формулировках на этом в первом предложении ч.1 ст. 178 УПК РФ не исчерпываются. В данной норме законодатель говорит о том, что, при невозможности участия судебно-медицинского эксперта, следователь производит осмотр трупа с участием врача, забывая о том, что такого участника нет в уголовном процессе. А если не предусмотрен в УПК РФ данный участник, значит, он не обладает надлежащим процессуальным статусом, т.е. не имеет ни прав, ни обязанностей. Тем более не предусмотрена ответственность за неисполнение обязательств.

В Словаре русского языка С.И. Ожегова [5], как и в Словаре русского языка под редакцией А.П. Евгеньевой [6], врач определяется как лицо с высшим медицинским образованием, лечащее больных.

Таким образом, согласно ст. 178 УПК РФ осмотр трупа может производиться с участием лица, занимающегося лечением больных. Рассматриваемое предложение ч.1 ст.178 УПК РФ имеет заведомо неправильную конструкцию и требует структурной переработки.

Мы можем сделать вывод, что используемый термин «врач» не может быть употреблен при разъяснении упомянутой выше статьи.

Не совсем ясно, что под собой подразумевает и следующее предложение данной части, говорящее, что при необходимости для осмотра трупа могут привлекаться другие специалисты.

Обращаясь к доктринальному толкованию указанной нормы, мы можем констатировать, что содержание указанной нормы в некоторых комментариях совершенно незаслуженно почти не разъяснено [7].

По нашему мнению, целесообразней было бы переформулировать ч. 1 ст. 178 УПК РФ и изложить ее следующим образом: «Следователь производит осмотр трупа с участием понятых, специалиста, состоящего на должности судебно-медицинского эксперта, а при невозможности его участия - специалиста, имеющего знания в области судебной медицины. При необходимости для осмотра трупа могут привлекаться другие специалисты».

Рассматриваемая статья в предложенной редакции будет неуклонно способствовать совершенствованию правоохранительной, а также судебной практики, предотвратит путаницу в терминологии, расставит участников уголовного процесса по своим местам.

Участие специалиста-криминалиста в производстве допроса.

Допрос - это следственное действие, имеющее своим основным содержанием получение от лица в устной форме и закрепление в установленном законом порядке сведений об обстоятельствах, подлежащих доказыванию (ст. ст. 73, 97, 99, 421, 434 и др. УПК РФ), а также позволяющее допрашиваемому лицу выразить свою позицию по делу (ч. 1 ст. 120, ч. 2 ст. 173, ч. 5 ст. 189 и др. УПК РФ). В результате допроса образуются как доказательства показания подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, эксперта, специалиста. В литературе высказывалось мнение о целесообразности «предусмотреть комплекс следственных действий, аналогичных допросу, обыску, выемке и следственному эксперименту, но связанных с изучением машинной информации, использующих интеллект вычислительных систем» [8].

Доказательствами в уголовном процессе служат именно показания, а не протоколы допроса, в котором они зафиксированы. Однако, по справедливому замечанию П.Д. Баренбойма, допрос «не есть просто приобщение «готового» доказательства следователем. Показания представляют собой двойное отражение события преступления - во-первых, некоего фрагмента

ПРАВО

действительности в сознании допрашиваемого и, во-вторых, полученного сообщения об этом событии в сознании следователя - перенесенное затем в протокол, т.е. как «отражение отражаемого». Тем самым показание в конечном итоге имеет характер двойного и даже тройного отражения» [9].

В рамках допроса, кроме процессуальных требований, должны быть выяснены и некоторые частные вопросы: обстоятельства, при которых потенциальный опознающий видел лицо или предмет, связанные с событием преступления; проверка возможности наблюдения объекта, о внешних признаках которого допрашиваемый дает показания; проверка возможности опознания допрашиваемым наблюдавшегося им объекта.

На наш взгляд, специалисты при допросе могут содействовать следователю в обнаружении и фиксации доказательств, в частности, помочь ему:

- лучше, точнее и полнее понять допрашиваемого, употребляющего в речи специальные термины;
- разобраться в действующих специальных правилах, инструкциях и других документах;
- собрать материалы для направления на экспертизу;
- установить способ совершения преступных действий;
- немедленно пресечь ложные показания, касающиеся специальных вопросов;
- зафиксировать с помощью технических средств ход и результаты допроса.

Как представляется, преимущества участия в допросе специалиста-криминалиста очевидны. И для доказательства этого вряд ли требуются дополнительные аргументы. Между тем из изученных нами 200 уголовных дел, рассмотренных различными судебными инстанциями Краснодарского края [10], следует, что к производству допроса специалист не был привлечен ни разу. Скорее всего, такое положение может быть объяснено отсутствием должного уровня взаимодействия между службами, обеспечивающими процесс расследования; устоявшимися приемами работы, например, когда специалист приглашается только для участия в осмотре места происшествия.

Фактически вопрос об участии специалиста-криминалиста в допросе не может быть поставлен под сомнение, поскольку, в соответствие со ст. 168 УПК РФ, следователь может принять такое решение без какого-либо специального обоснования. При этом, в соответствие с ч. 4 ст. 58 УПК РФ, специалист не вправе уклоняться от явки по вызовам дознавателя, следователя или в суд. Однако реальность принятия такого решения, и это надо признать, обусловлена ведомственным порядком, сложившейся практикой. Думается, что данная проблема может и должна быть решена.

Мы не ставим вопрос о том, что для участия специалиста в допросе или иных следственных действиях недостаточно указаний на это в законе, но для согласованных действий, как представляется, требуется ведомственная

регламентация, например внесение соответствующих дополнений в перечень должностных обязанностей специалистов, экспертов.

В целом, характеризуя участие специалиста-криминалиста в производстве отдельных следственных действий, необходимо отметить, что подобная мера является не только желательной, но и необходимой для достижения целей уголовного судопроизводства и правильного уяснения спорных обстоятельств произошедших событий [11].

Литература и источники

1. См.: Колиев В.В. Становление и развитие института судебной экспертизы в России // Современная научная мысль. 2014. №1. С.94-98.
 2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 28.06.2014) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
 3. Стройкова А.С. О равенстве возможностей реализации прав потерпевших и обвиняемых при производстве экспертизы // Современная научная мысль. 2013. №6. С.191.
 4. Семенов Е.А. Участие специалиста в осмотре трупа: пути совершенствования законодательства // Эксперт-криминалист. 2009. № 1. С. 17/
 5. Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 57000 слов / Под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. 17-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1985. С. 89.
 6. Словарь русского языка: В 4 томах / АН СССР; Ин-т рус. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981. Т. 1. С. 226.
 7. Статья 178. Осмотр трупа. Эксгумация // Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. В.М. Лебедева; науч. ред. В.П. Божьев. М.: Юрайт-Издат, 2007. С.197 - 198; Статья 178. Осмотр трупа. Эксгумация // Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. В.И. Радченко; науч. ред. В.Т. Томин, М.П. Поляков. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт-Издат, 2006. С. 196 – 197.
 8. См.: Пашин С.А. Применение электронно-вычислительной техники и доказательственное право // Право и информатика / Под ред. Е.А. Суханова. М.: Изд-во МГУ, 1990. С. 84.
 9. Баренбойм П.Д. Как предотвратить пытки. Применение психологических знаний для защиты граждан. М.: Белые альвы, 1997. С. 29.
 10. Материалы уголовных дел из архива Краснодарского краевого суда за период 2007-2009гг.
 11. Шахкелдов Ф.Г. Использование специальных знаний в уголовном процессе // Современная научная мысль. 2014. №1. С.70-75.
-

Колиев В.В. - кандидат юридических наук старший преподаватель кафедры криминалистики Краснодарского университета МВД России. (vadimkoliev1979@mail.ru)

Koliev V.V. - PhD in Law, Senior Lecturer, Department of Criminology of the Krasnodar University of Ministry of Internal Affairs of Russia.

УДК 347.963

МИХАЙЛОВ Э.М.

**ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ ПО
ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ЭКСТРЕМИЗМУ И ТЕРРОРИЗМУ**

Ключевые слова: *прокурорский надзор, терроризм, экстремизм, права человека, экстремистские материалы, экстремистская атрибутика, религиозная литература*

В статье рассмотрены актуальные проблемы деятельности прокуратуры в сфере противодействия экстремизму и терроризму. На основе анализа текущей деятельности органов прокуратуры, показано, что ее работа по данному направлению требует серьезного совершенствования механизма реагирования и контроля. Автор также обосновал вывод о том, что следует в законном порядке устранить противоречия между содержанием антиэкстремистского законодательства и другими правовыми актами, в частности, касающимися свободы мысли, религии, совести и т.д.

MIKHAILOV, E.M.

**PROBLEMS OF PROSECUTOR'S SUPERVISION OVER THE ACTIVITIES
OF EXECUTIVE AUTHORITIES IN COMBATING EXTREMISM AND
TERRORISM**

Keywords: *public prosecutor's supervision, terrorism, extremism, human rights, extremist materials, extremist paraphernalia, religious literature*

The article deals with urgent problems the Prosecutor's Office in combating extremism and terrorism. Based on the analysis of the current activities of the prosecution, it is shown that its work in this area requires a serious improvement of the mechanism of response and control. The author has also substantiated the conclusion that it is necessary to legally resolve the contradiction between the content of anti-extremist legislation and other legal acts, in particular relating to freedom of thought, religion, conscience, etc.

ПРАВО

В многонациональной России, где соседствует множество религиозных, национальных и культурных течений экстремистская и террористическая деятельность наносит серьезный ущерб государству, его конституционно-правовым основам [1]. Следует отметить, что многие исследователи указывают на значительные проблемы в области борьбы с терроризмом и экстремизмом, которые связаны с высокой динамикой и неравномерностью развития мирового сообщества, что создает препятствия для координации действий антитеррористических сил. Так, О.В. Нардина отмечает, что «популярность террористических методов сегодня связывается с тем, что окончание «холодной» войны и глобализация социальных и экономических процессов существенно изменили военно-политическую ситуацию современного мира. Сложившаяся к настоящему времени система обеспечения международной и национальной безопасности пока что не позволяет достаточно эффективно противостоять терроризму» [3].

Фиксируемый в последнее время рост экстремистских течений (см. рис. 1), которые являются основным ресурсом террористических организаций, обусловлен тем, что в современной России сформировалась благоприятная почва для возникновения радикальных идеологий, в частности этому способствует институциональный коллапс, отсутствие конкретных механизмов формирования общественной солидарности. Скрытность экстремистской деятельности крайне затрудняет обеспечение законности и правопорядка в данном направлении. По сути, в настоящее время внутренние службы осуществляют реагирование по факту уже совершенных деяний экстремистов, тогда как профилактические действия имеют низкие показатели эффективности.

В частности: «Практика прокурорского надзора показывает, что отмеченный рост числа зарегистрированных преступлений обусловлен как повышением активности со стороны экстремистски настроенных граждан и объединений (сообществ, организаций), так и активизацией работы правоохранительных органов, направленной на выявление и пресечение преступлений экстремистской направленности» [4].

Между тем, буквально с первых дней воссоздания прокуратуры, еще в советской России, главная задача ее состояла в том, чтобы возглавить борьбу с криминалитетом. Она должна была обеспечить единство правоохранительной политики, направленной на стабилизацию внутривнутриполитического положения, укрепление государственного и общественного строя, «взять на себя роль координатора борьбы с достигшей небывалых масштабов преступностью» [4]. Актуальны эти задачи и в настоящее время [5].

Обращаясь к процессам последнего времени, мы видим, что динамика преступлений экстремистской направленности имеет устойчивый восходящий тренд, тогда как количество преступлений, квалифицированных как «терроризм», согласно официальной статистике, остается практически на одном уровне (см. рис. 1).

Рис. 1. Сравнительный график динамики преступлений террористического и экстремистского характера в период с 2007 по 2013 гг. [6]

Борьба с терроризмом и экстремизмом является интегральной установкой российского государства на пути построения эффективной системы безопасности в России [7]. И в данных условиях роль органов, осуществляющих надзор за исполнением законов о противодействии экстремизму и терроризму, является крайне важной и неоценимой. Однако по состоянию законодательной базы можно сделать вывод, что система прокурорского надзора в данном направлении требует значительных усилий по совершенствованию механизма реагирования и контроля.

В последнее время все чаще стали поступать сигналы о неправомерном применении антиэкстремистского законодательства органами прокуратуры. Основная проблема, на наш взгляд, это противоречия, которые кроются на понятийном, концептуальном уровне и связаны с нечеткой трактовкой в российском законодательстве понятий «экстремизм» и «экстремистская деятельность».

Например, в Приказе №362 Генеральной прокуратуры РФ от 19 ноября 2009 г. «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии экстремистской деятельности» в п. 1.3 отмечается: «Исходя из законодательного определения понятия «экстремизм», по каждому факту противоправной деятельности общественных и религиозных объединений, иных организаций, редакций средств массовой информации, физических лиц принимать обоснованные меры реагирования» [8].

Понятие «экстремизм» закреплено в законе (Федеральный закон №114-ФЗ от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 02.07.2013) «О противодействии экстремистской деятельности») как синоним понятия «экстремистская деятельность», сущность которой раскрывается простым перечислением

признаков, по которым действия следует квалифицировать как противоправные. Однако, на наш взгляд, определенное законом понятие экстремизма не раскрывает принципиального момента, на который должны опираться надзорные органы в процессе принятия решений: где заканчивается свобода слова, вероисповедания и начинается экстремизм? Четких границ нет, что влечет за собой множество спорных ситуаций.

Так, 20 сентября 2013 Совет муфтиев России обратился с официальным заявлением к президенту РФ в связи с признанием экстремистским материалом популярного перевода Корана на русский язык. Мусульмане требуют пересмотра решения Октябрьского районного суда Новороссийска, вынесенного 17 сентября 2013 года, признавшего экстремистским текст Корана в переводе Эльмира Кулиева (опубликован в Саудовской Аравии в 2002 году) [9].

Владимир Лукин, уполномоченный по правам человека в РФ, в докладе от 2010 года отметил, что проблемы с соблюдением права на свободу мысли и слова во многом связаны с применением антиэкстремистского законодательства. По его мнению: «Едва ли не главная причина возникновения проблемы – неопределенность используемого в нем понятия «экстремизм» и, как следствие, отсутствие сколько-нибудь четких критериев квалификации публичной информации как экстремистской» [10].

В докладе от 2012 года омбудсмен отмечал, что практика проверки канонической религиозной литературы на предмет наличия в ней положений и призывов экстремистского толка превратилась в системную проблему. Суть ее в том, - отмечает Уполномоченный, что в соответствии со ст. 13 Федерального закона от 25.07.2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» все дела о признании религиозной литературы экстремистской рассматриваются судами в процедуре особого производства, то есть по представлению органов прокуратуры, в отсутствие второй процессуальной стороны. В рамках такой процедуры религиозные организации фактически лишены возможности защитить в суде свои сакральные ценности, оспорив мнения экспертов со стороны обвинения. По мнению Уполномоченного, в делах о признании религиозной литературы экстремистской изначально имеется правовой конфликт, спор об ограничении прав и свобод граждан и юридических лиц» [11].

Другая проблема, на которую указывают аналитики, – противоречия антиэкстремистского законодательства некоторым нормам закона РФ. Так, М. Розальская заметила, что «в первой половине 2011 года резко выросло количество проблем у директоров школ и библиотек, интернет-провайдеров, случайных пользователей интернета, журналистов, не принадлежащих к основным группам риска. Сами же проблемы стали гораздо серьезней. Лучшее всего это видно на примере библиотек... Если раньше главными санкциями в отношении их руководства за отсутствие в библиотеке копии Федерального списка экстремистских материалов или наличие в фондах запрещенных книг

были представления и дисциплинарные взыскания, то теперь прокуратуры все чаще возбуждают дела об административных нарушениях и добиваются штрафов» [11].

В настоящее время, в рамках программы совершенствования государственного управления в сфере борьбы с экстремизмом, уже предпринимаются попытки внести изменения в последнюю редакцию закона №114-ФЗ. Так, 22 января 2014 года в Государственную Думу РФ был внесен законопроект № 434186-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу уточнения признаков экстремистской деятельности», который был подготовлен депутатами А.А. Журавлевым (фракция «Единая Россия», председатель партии «Родина») и С.А. Жигаревым (фракция ЛДПР) [12].

Изменения касаются трактовки экстремистской деятельности, которая связывается с конкретными статьями Особенной части УК РФ. В частности с действиями, предусмотренных статьями 141 части второй, 149, 205, 205.1, 205.2, 206, 207, 208, 211, 212, 215.1, 215.2, 215.3, 277, 278, 279, 280, 281, 282, 282.1, 282.2, 282.3, 282.4, 353, 354, 355, 357, 359, 360. То есть фактически они сводится к перечню определенных уголовно-наказуемых действий.

Кроме того, авторы документа предлагают внести существенные дополнения в УК РФ, в частности ввести новые статьи 282.3 – 282.4 следующего содержания: «Статья 282.3. Пропаганда и публичное демонстрирование нацистской или экстремистской атрибутики и символики (пропаганда, публичное демонстрирование атрибутики или символики, использовавшейся Национал - социалистической партией Германии и фашистской партией Италии либо публичное демонстрирование атрибутики или символики организаций включенных в опубликованный федеральный список экстремистских организаций). Статья 282.4. Распространение экстремистских материалов (распространение экстремистских материалов, включенных в опубликованный федеральный список экстремистских материалов)» [13].

Следует сразу заметить, что под запретной символикой (статья 282.3) в законопроекте понимаются «символы, использовавшейся Национал-социалистической партией Германии и фашистской партией Италии...», атрибутика или символика «организаций включенных в опубликованный федеральный список экстремистских организаций...». По сравнению с предыдущей версией закона (ФЗ от 25.07.2002 N 114-ФЗ (ред. от 02.07.2013) «О противодействии экстремистской деятельности») из формулировки исключается фраза «символики, сходной с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения».

Здесь кроется принципиальный момент, поскольку существует множество религиозных символов, сходных с нацистскими, но при этом диаметрально отличающихся по смысловой нагрузке. Например, можно вспомнить правостороннюю нацистскую свастику (визуально движение

символа направлено по часовой стрелке) и славянский коловорот (движение визуально направлено против часовой стрелки). По ныне действующей версии закона коловорот также может быть отнесен к символике экстремистского толка, что с нашей точки зрения является ошибкой. Предложенные в законопроекте изменения в трактовке устраняют данную неточность, что повышает правовую эффективность данного закона.

На описанную законотворческую инициативу тут же последовала реакция в виде критики. Так, специалисты Аналитического центра «Сова» отмечает следующее: «мы считаем неправильными поправки в УК, которые предложили депутаты Журавлев и Жигарев... Они (*разработчики законопроекта – прим. авт.*) полагают, что предлагаемая ими формулировка для ст. 282 УК уменьшит произвол при ее применении. Но мы не видим, чем предлагаемая формулировка – «Пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности, а также действия, в том числе высказывания, обосновывающие или утверждающие необходимость совершения преступлений, предусмотренных Особенной частью настоящего Кодекса»- в этом смысле лучше действующей – «Действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства». Скорее предлагаемая формулировка чревата еще большими злоупотреблениями: она скопирована из нынешнего определения экстремистской деятельности, и именно этот пункт не раз приводил к злоупотреблениям, например, в том, что касается «утверждения превосходства» в связи с религиозными различиями, что само по себе присуще очень многим религиозным текстам...». «Мы уже не раз приводили аргументы в пользу того, что Федеральный список экстремистских материалов является совершенно непригодным инструментом (не зря его нет ни в одной европейской стране), и он должен быть просто упразднен. Тем более не может быть и речи о криминализации распространения внесенных в список материалов, хотя бы уже потому, что никакой гражданин не в силах свериться с огромным и нечитабельным Федеральным списком. Это не значит, что каталогизация подстрекательских материалов вовсе не имеет смысла, просто механизм ее должен быть совершенно другим... само по себе распространение материала без доказательства противозаконной цели этого действия не может считаться нарушением закона» [12].

Позволим себе не согласиться с данной критикой по некоторым пунктам. Так, изменение формулировки в ст. 282 УК РФ «Действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства...» на «Пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности...», предлагаемое разработчиками, с нашей точки зрения, является попыткой привести в соответствие ст. 282 УК РФ и интерпретацию экстремистской деятельности, существующей в ФЗ-114 (в ред. от 02.07.2013), что само по себе устраняет возможные правовые противоречия, связанные с различиями в формулировках в отдельных правовых документах. Кроме того, «унижение достоинства» и «утверждение превосходства» это, по сути, равнозначные

понятия, но во втором случае подчеркивается неприемлемость именно публичной пропаганды своей согласительной позиции с религиозными текстами, где присутствуют признаки «утверждения превосходства в связи с религиозными различиями».

Мы также не согласны с необходимостью упразднения Федерального списка экстремистских материалов. Он выполняет очень значимую функцию профилактики распространения информации, признанной экстремистской на основании конкретных судебных решений. Что касается массового распространения данной информации, то на основании закона данное деяние может рассматриваться как противоправное, поскольку направлено на привлечение сторонников экстремистских течений и является подстрекательством к негативному поведению. Можно согласиться с тем, что «никакой гражданин не в силах свериться с огромным и нечитабельным Федеральным списком», однако чем меньше граждан будет иметь доступ к подобной информации, тем меньше сторонников волеется в ряды экстремистов. На основании Федерального списка экстремистских материалов осуществляется работа по ограничению доступа граждан к информации негативного характера.

Однако, можно согласиться с аналитиками центра «Сова», что необходимо оптимизировать процесс каталогизации информации экстремистской направленности, выделить отдельный интернет-ресурс по форме электронных каталогов библиотек, где любой желающий мог бы с легкостью по автору или названию информационного материала, определить относится ли данный материал к этому списку или нет.

Также мы видим существенные пробелы надзорных органов в работе с образовательными и библиотечными учреждениями, что влечет за собой последствия, описанные выше. Действительно практически не производится работа по обеспечению условий по исполнению законодательства в сфере борьбы с экстремизмом среди ответственных лиц, занятых в образовании и библиотечном деле. Прокурорский надзор в данном случае должен включать разъяснительную работу с уполномоченными ответственными лицами. На деле факты нарушения законодательства, касающиеся отсутствия регулярной сверки библиотечного фонда со списком экстремистских материалов, либо сверки, произведенной по устаревшему списку, во многом связаны с информационной неграмотностью и отсутствием четких инструкций со стороны Прокуратуры по работе со списком экстремистских материалов.

Это даже вызвало необходимость разработки собственных инструкций со стороны библиотек, что, в свою очередь, делает процесс сверки хаотичным и рассогласованным. Единственным документом, на который ориентируются библиотечные работники, является работа, выпущенная Государственной публичной исторической библиотекой России. В последней отмечается следующее: «Российские библиотеки оказались фактически в ситуации, когда, с одной стороны, в соответствии с Законом о противодействии

экстремистской деятельности» прокуратура требует избавиться от литературы, внесенной в «Федеральный список экстремистских материалов», с другой стороны, в соответствии со статьей 12 Федерального закона «О библиотечном деле», «не допускаются государственная или иная цензура, ограничивающая право пользователей библиотек на свободный доступ к библиотечным фондам»... «несколько федеральных библиотек, чтобы не допустить массового распространения экстремистских материалов, приняли свои регламентирующие документы (также на основе материалов круглого стола). Инструкция Российской национальной библиотеки [14] была опубликована в профессиональной библиотечной печати... ситуация с наличием в библиотеках изданий, включенных в «Федеральный список экстремистских материалов», остается достаточно острой. Фактически санкции органов прокурорского надзора могут быть применены к любой библиотеке» [14, с.6-7]. Следует заметить, что указанная инструкция не имеет юридической силы. Согласно Заклчению Министерства Юстиции, на которое также ссылаются авторы «Работы со списком экстремистских материалов»: «Министерству культуры Российской Федерации не предоставлено право утверждать нормативный правовой акт по рассматриваемому вопросу» [15, с.8].

Таким образом, исходя из вышеизложенного, можно представить следующие рекомендации по совершенствованию антиэкстремистского законодательства и практики прокурорского надзора защите последнего:

1. Необходим принципиально иной подход к интерпретации понятия «экстремизм» в российском законодательстве. Перечисление признаков экстремистской деятельности, присутствующих в действующем законе №114-ФЗ, не отвечает требованиям однозначности и четкости.

2. Следует в законном порядке устранить противоречия между содержанием антиэкстремистского законодательства и другими правовыми нормами, в частности, касающихся свободы мысли, религии, совести и убеждений, права на объединение, права на судебную защиту.

3. Со стороны Прокуратуры необходимо разработать четкие рекомендации по работе со списком экстремистских материалов для библиотек и образовательных учреждений.

Литература и источники

1. Турицын И.В. Власть, общество и терроризм: размышления о российской исторической традиции // Современная научная мысль. 2014. №1. С.6-35.
2. Нардина О.В. Формирование общегосударственной антитеррористической системы. СПб.: Юридический центр пресс, 2011. С. 7.
3. Состояние законности и правопорядка в Российской Федерации и работа органов прокуратуры. 2012 год:информ.-аналитич. записка / под общ. ред. ректора Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации д-ра юрид. наук, проф. О.С. Капинус. М.: Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации, 2013. С. 39.

4. Турицын И.В., Пустынников А.Ю. К вопросу о приоритетах деятельности советской прокуратуры в 1922-1925 гг. // Современная научная мысль. 2014. №4. С.102.
5. Михайлов Э.М. Проблемы координации деятельности прокуратуры и органов исполнительной власти в сфере противодействия терроризму и экстремизму // Право и практика. 2012. №2. С.40-45.
6. Общие сведения о состоянии преступности за период с 2007 по 2013 гг. // Официальный сайт МВД России, раздел «Статистика и аналитика». URL: <http://mvd.ru/Deljatelnost/statistics/reports/item/209676/> (дата обращения: 03.12.2013)
7. См.: Турицын И.В. Власть, общество, терроризм: размышления о российской исторической традиции // Современная научная мысль. 2014. №1. С.6-35.
8. Приказ №362 Генеральной прокуратуры РФ от 19 ноября 2009 г. «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии экстремистской деятельности» // СПС «Консультант плюс»
9. Совет муфтиев требует пересмотра решения о запрете популярного перевода Корана // Информационно- аналитический центр «Сова». URL: <http://www.sova-center.ru/misuse/news/counteraction/2013/09/d27967/> (дата обращения: 16.01.2014)
10. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2010 год // Официальный сайт Уполномоченного по правам человека в РФ. URL: <http://ombudsmanrf.ru/doklady/5381-доклад-уполномоченного-по-правам-человека-в-российской-федерации-за-2012-год>
11. Розальская М. Неправомерный антиэкстремизм // Аналитический интернет-портал «Полит.ру» URL: http://polit.ru/article/2011/09/22/misuse_firsthalf2011/#_ftn2 (дата обращения: 12.02.2014)
12. Законопроект № 434186-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу уточнения признаков экстремистской деятельности» // Автоматизированная система обеспечения законодательной деятельности официального сайта Государственной Думы РФ. URL: [http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)?OpenAgent&RN=434186-6](http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=434186-6) (дата обращения: 15.02.2014)
13. Комментарий к законопроекту об уточнении признаков экстремистской деятельности // Сайт информационно- аналитического центра «Сова». URL: <http://www.sova-center.ru/misuse/publications/2014/01/d28854/>
14. Инструкция о работе с изданиями, включенными в «Федеральный список экстремистских материалов» [Утверждена Приказом Генерального директора ФГБУ «Российская национальная библиотека» В.Н. Зайцева № 109 от 29 марта 2010 г.] // Информационный бюллетень Российской библиотечной ассоциации. 2010. №55. С.30-32.
15. Работа библиотек с «Федеральным списком экстремистских материалов»// Гос. публ. ист. б-ка России. М., 2011.

Михайлов Э.М. - консультант Департамента молодежной политики Администрации Краснодарского края (emix@mail.ru)

Mikhailov, E.M. - Consultant, Department of Youth Policy of the Administration of Krasnodar Region

УДК 347.243

ТУРИЦЫН А.В.
**ВНЕДОГОВОРНЫЕ СПОСОБЫ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВА
СОБСТВЕННОСТИ НА ЗЕМЕЛЬНЫЕ УЧАСТКИ
СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО НАЗНАЧЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАН**

***Ключевые слова:** земельные участки сельскохозяйственного назначения, ограничения права собственности, землепользование, невостребованные земельные участки, права субъекта Российской Федерации на земельные участки, права муниципального образования на земельные участки*

В статье комплексно проанализированы внедоговорные способы ограничения права собственности на земельные участки сельскохозяйственного назначения в законодательстве Германии, Швеции, Дании и ряда других европейских стран. Автором сделан вывод о том, что положительный опыт регулирования ограничений права собственности в этих странах возможно применять в Российской Федерации.

TURITSYN, A.V.
**NON-CONTRACTUAL WAY TO LIMIT OWNERSHIP OF THE LAND
PLOTS OF AGRICULTURAL PURPOSE TO SAMPLE LEGISLATION
EUROPEAN COUNTRIES**

***Keywords:** agricultural land, restrictions on the right of ownership, land use, unclaimed land, the rights of the Russian Federation for the land rights of the municipality on land*

The paper comprehensively analyzed non-contractual ways to limit the ownership of agricultural land in the legislation of Germany, Sweden, Denmark and other European countries. The authors concluded that the positive experience of regulating ownership restrictions in these countries may apply in the Russian Federation.

Земли сельскохозяйственного назначения являются основным средством производства в сельском хозяйстве. Они имеют особый правовой режим и требуют особой охраны, которая должна быть направлена на сохранение их

площади, предотвращение развития негативных процессов и повышение плодородия почв.

Россия занимает первое место в мире по площадям земель, находится в пятерке лидирующих стран по площади пашни и природным ресурсам, имея необходимые природные условия для обеспечения продовольственной безопасности страны. Однако по эффективности использования земельных ресурсов, по продуктивности пашни она в 2-3 раза отстает от стран с сопоставимыми площадями (США, Китай) и от среднего мирового уровня. Согласно официальным источникам, в настоящее время в России выведено из оборота и не используется от 30 до 40 млн. гектаров пашни. Она переведена в залежь и трансформируется под влиянием естественных и антропогенных процессов: почвообразования, саморазвития почв, зарастания лесом, задернения, залужения, заболачивания и др. [1].

Специфика земельных участков сельскохозяйственного назначения требует введения в законодательство норм, регламентирующих публично-правовые ограничения права собственности на такие участки для бережного и эффективного использования земли [2].

Предметом исследования в настоящей статье являются публично-правовые внедоговорные способы ограничения права собственности на примере законодательства ряда европейских стран.

Внедоговорные способы ограничения права собственности на земельный участок сельскохозяйственного назначения устанавливаются на основании и в соответствии с законом.

Публично-правовые внедоговорные ограничения права собственности на земельный участок сельскохозяйственного назначения многообразны. В конечном счете, они направлены на охрану земель сельскохозяйственного назначения. Вместе с тем, действующие законодательные нормы не обеспечивают эффективного использования и сохранности сельхозземель, и, прежде всего, – сельскохозяйственных угодий. На данный момент отсутствует законодательно определенная единая система охраны земель сельскохозяйственного назначения.

Ограничивая свободу усмотрения собственника земельного участка, публично-правовые внедоговорные ограничения могут относиться либо к ограничениям, связанным с использованием сельхозземли для производства сельскохозяйственной продукции, либо к ограничениям, связанным с переходом земельного участка к новому собственнику.

В соответствии с п. 2 ст. 260 ГК РФ использование земель сельскохозяйственного назначения для других целей не допускается или ограничивается [3]. Пользование земельным участком, отнесенным к таким землям, может осуществляться в пределах осуществляемых его назначением.

Согласно ст. 78 ЗК РФ земли сельскохозяйственного назначения могут использоваться для ведения сельскохозяйственного производства, создания

ПРАВО

защитных насаждений, научно-исследовательских, учебных и иных связанных с сельскохозяйственным производством целей [4].

В законодательстве иностранных государств осуществление права собственности на земельные участки сельскохозяйственного назначения также подвергается ряду публично-правовых ограничений.

В Швеции с целью предотвращения спекуляции землями сельскохозяйственного назначения и их несельскохозяйственного использования покупатели, желающие приобрести земельный участок из земель сельскохозяйственного назначения, не являющиеся родственниками продавцу, обязаны обратиться в государственную инспекцию за разрешением на сделку купли-продажи. В случае отказа в совершении данной сделки инспекция должна выкупить данный участок по цене, установленной между продавцом и покупателем [5].

В Дании лицо, желающее получить в аренду земельный участок сельскохозяйственного назначения, равно как и покупатель, должны отвечать определенным требованиям. Они должны проживать в сельской местности не менее 8 лет, а если размер фермы превышает 30 га, то необходим диплом о специальном образовании, а также условие, что арендатор обязуется проработать на ней не менее 8 лет [6].

В приведенных примерах правомочие распоряжения собственника земельного участка не ограничено, а требования предъявляются к другой стороне сделки.

В Венгрии и Румынии действует 3-5-летний мораторий на продажу земли сельскохозяйственного назначения.

По законодательству Италии, лицам, получившим в собственность землю сельскохозяйственного назначения в результате земельной реформы, запрещено продавать принадлежащий им земельный участок в течение 30 лет (кроме органа, проводившего реформу) или сдавать его в аренду в течение этого срока.

В данном случае, по итальянскому, венгерскому и румынскому законодательству ограничение оборота земли сельскохозяйственного назначения выступает одновременно ограничением права собственности на нее. Здесь ограничение права собственности установлено в форме ограничения на переход земельного участка к новому собственнику определенным сроком.

Германское законодательство допускает возможность ограничения прав собственников земельных участков в интересах общества. Оборот сельскохозяйственных земель находится под административным контролем.

Законной задачей государства является регулирование землепользования таким образом, чтобы при использовании земельного участка были гарантированы всеобщие интересы. По германскому законодательству ограничения могут осуществляться только на основании законов, в достаточной степени конкретно регулирующих ограничения и при необходимости предусматривающих экономическую компенсацию этих ограничений. Для

ПРАВО

подобного ограничения использования сельскохозяйственных угодий возможны следующие основания: а) ограничение путем запрета на изменение формы использования сельскохозяйственных угодий с сохранением права на получение соответствующего разрешения; б) ограничение разведения лесов на пахотных землях; в) ограничение на приобретение сельскохозяйственных предприятий лицами, не являющимися работниками сельского хозяйства; г) ограничение пользования в интересах охраны окружающей среды и природы, например, ограничение использования удобрений в водоохраных районах; д) ограничения в отношении строительства зданий на территории сельскохозяйственных угодий; е) введение обязательной разрешительной процедуры на покупку и продажу сельскохозяйственных угодий.

В соответствии с германским Законом о мероприятиях по улучшению аграрной структуры и защите сельскохозяйственных и лесохозяйственных предприятий от 28 июля 1961 отчуждение земли посредством совершения сделки и относящийся к этому отчуждению договор, создающий соответствующие обязательственные права, требуют разрешения.

В § 2 указанного закона предусмотрено, что реализация сельскохозяйственных угодий требует наличия разрешения. В разрешении может быть отказано, или оно может быть ограничено определенными условиями только в том случае, если происходит ненадлежащее распределение земли, если уменьшение или разделение земельного участка влечет за собой уменьшение его экономического эффекта, либо если предполагаемая цена в существенной мере диспропорциональна по отношению к фактической стоимости земельного участка.

Разрешения выдаются органами государственной исполнительной власти, уполномоченными на это законодательством Федеральных земель.

В отдельных случаях, установленных в § 4 Закона о земельном обороте, не требуется получения разрешения на отчуждение земельного участка. В разрешении нет необходимости, если:

1) стороной в договоре об отчуждении является Федерация или Федеральная земля (административная единица);

2) земельный участок приобретает наделенная правами корпорации публичного права религиозная организация при условии, что этот участок поступит в сельскохозяйственное или лесохозяйственное предприятие;

3) отчуждение или реализация преимущественного права покупки служит осуществлению землеустроительного процесса, процесса заселения земельных участков, а также процедуры, осуществляемой в соответствии с § 37 Федерального закона о продажах;

4) будет отчужден земельный участок, территориально расположенный в сфере действия плана застройки при условии, что он перейдет сельскохозяйственному или лесохозяйственному предприятию либо при условии, что он будет использован именно как сельскохозяйственный земельный участок;

ПРАВО

5) отчуждение разрешено баварским Законом об альпийских лугах от 28 апреля 1992 года.

Если для отчуждения не требуется разрешения, то учреждение по выдаче разрешений по ходатайству обязано выдать свидетельство об этом. Такое свидетельство равнозначно разрешению.

Если есть основания опасаться, что, в результате выдачи разрешения на совершение сделки, может произойти нездоровое распределение земель. Либо из-за отчуждения земельный участок или несколько земельных участков, территориально или экономически взаимосвязанных и принадлежащих лицу, отчуждающему земельный участок, будут бесхозяйственно уменьшены или распределены.

Если «эквивалент» (цена продажи) окажется в грубом несоответствии с ценой земельного участка, то разрешение может быть выдано с возложением обязанностей, либо под условием.

В таких случаях на приобретателя может быть возложена обязанность:

- 1) сдать приобретенный земельный участок в аренду земледельцу;
- 2) по отчуждению приобретенного земельного участка (всего или части) соответственно либо земледельцу, либо указанному учреждением по заселению предпринимателю;
- 3) в течение определенного разумного срока передать земельный участок в другом месте, но не большего по размеру или стоимости, чем размер или стоимость приобретенного земельного участка;
- 4) в целях сохранения надлежащего лесного хозяйствования заключить договор о б условиях хозяйствования с экспертом по лесам либо с лесным ведомством либо хозяйствовать по согласованному хозяйственному плану

В соответствии с Земельным кодексом Республики Молдовы № 828 от 25.12.1991г. [7], на земельных участках для огородничества из состава земель сельскохозяйственного назначения возведение капитальных строений и посадка многолетних насаждений запрещаются. При необходимости могут возводиться временные постройки индивидуального пользования для хранения огородного инвентаря и других хозяйственных целей.

Согласно ст. 73 ЗК Республики Молдовы изменение назначения использования пахотных земель, а также строительство новых дорог сельскохозяйственного назначения осуществляются только с разрешения органов местного публичного управления.

Знание зарубежного опыта полезно для совершенствования правового регулирования отношений собственности на земельные участки сельскохозяйственного назначения. Однако природные, культурные, исторические, политические и иные условия обуславливают специфику регулирования земельных отношений в различных странах, вследствие чего невозможно механическое перенесение сформировавшихся в той или иной стране моделей правового регулирования земельного оборота. В то же время изучение зарубежного законодательства о земельном обороте позволяет нам

внедрять соответствующие российским условиям элементы правового регулирования [8].

Литература и источники

1. См.: Агроэкологическое состояние и перспективы использования земель России, выбывших из активного сельскохозяйственного оборота / Под редакцией акад. Г.А. Романенко. М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2008. С. 3.
2. См.: Турицын А.В. К вопросу о принципах ограничений права собственности на земельные участки сельскохозяйственного назначения // Современная научная мысль. 2013. №1. С.61-68.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации.
4. Земельный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ (ред. от 22.07.2013 г.) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 44. Ст. 4147.
5. См.: Коробейников М.А. Земельные отношения в России: мифы и реальность. М.: ФГНУ «Росинформагротех». С. 179.
6. Кресникова Н. Регулирование землепользования в Дании и Норвегии // Международный сельскохозяйственный журнал. 2006. № 1. С. 41.
7. Monitorul Oficial Nr. 107 статья №: 817 от 04.09.2001 года.
8. См.: Турицын А.В. Ограничение и прекращение права собственности на земельные участки сельскохозяйственного назначения: Дисс. канд. юрид. наук. Владикавказ, 2010. С 84-94.

ТУРИЦЫН АЛЕКСАНДР ВИКТОРОВИЧ – кандидат юридических наук, федеральный судья. Россия, Краснодарский край (aleksandruricyn@rambler.ru)
TURITSYN, ALEXANDER V. - PhD in Law, Federal Judge. Russia, Krasnodar Region

УДК 347.44

КОЛИЕВА А.Э. ФИДУЦИАРНОСТЬ В ДОГОВОРНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ

Ключевые слова: фидуциарность, фидуциарный договор, фидуциарность сделок, право доверителя, принципы фидуциарности, правоприменение, институт договора, договорные правоотношения

В статье рассматриваются проблемы реализации фидуциарности в качестве принципиального положения в договорных правоотношениях; приводятся дискуссии об обязанностях фидуциара, об обеспечении соблюдения интересов

доверителя; предлагаются меры по закреплению фидуциарности в гражданском праве.

KOLIEVA, A.E.

THE FIDUCIARITY IN CONTRACTUAL LEGAL RELATIONSHIP

Keywords: the fiduciarity, the fiducial contract, the fiduciarity of transactions, the right of the principal, the principles of fiduciarity, the right application, the institute of the contract, the contractual legal relationship.

In this article problems of realization of fiduciarity in quality of basic situation in contractual legal relationship are considered; discussions about duties of the fiduciary, about ensuring compliance with interests of the principal are given; measures for fixing of fiduciarity in civil law are offered.

Как известно, фидуциарность в отечественном праве предполагается в нормативных положениях о представительстве, агентских договорах, нормах о простом товариществе, доверительном управлении. Негласно считается, что вопросы фидуциарности сводятся к исполнению обязательств и не требуют отдельного регулирования, а злоупотребление доверием в качестве гражданско-правового деликта влечет ответственность в рамках возмещения вреда, а не надлежащего выполнения обязательств.

Е.В. Белоусова [1] выражает мнение о наибольшей важности вменения принципа добрых намерений, поскольку нормальное развитие имущественных отношений невозможно без добросовестности контрагентов и правильной эквивалентности обмена. Однако она обращает внимание на оценочные категории и правовые модальности, вызывающие недоверие у правоприменителей и споры среди правоведов [2: 3 и др.]. Автор делит договорные соглашения на фидуциарные, где фидуция представляет собой доминирующий признак, и договоры, в которых преобладает имущественная сторона, и которые не следует относить к договорам фидуциарным.

Фидуциарными в собственном смысле слова, по ее мнению, являются те договоры, которые зародились в сфере услуг и конкретно в сфере представительства. Ею заявляется, что в результате исторического развития, континентальная система права сформулировала иное от англосаксонской системы понимание фидуциарных отношений, предполагающее расщепление правосубъектности фидуциара, а не расщепление права на вещь, как в странах общего права. По мнению рассматриваемого исследователя фидуциарность – есть комплексное свойство, сущность которого заключается в наличии между сторонами особых доверительных отношений, с передачей определенного комплекса прав, вплоть до создания фиктивной личности.

Автором указывается, что такими договорами являются договор поручения и договор доверительного управления имуществом. При этом,

правовой целью основанных на фидуциарности сделок, является передача соответствующих полномочий, а целью экономической – возмездное оказание услуг, при нежелательности их смещения, поскольку это приводит к снижению значимости их фидуциарного характера. Таким образом, действия в интересах фидуциара, являются предметом договора.

Подвергается сомнению закрепленное в нормах право доверителя расторгнуть договор без объяснения причин. По ее мнению в качестве оснований для расторжения договора при вынесении судом причин утраты доверия должна быть совокупность нарушений договорных обязательств.

С последним доводом нельзя согласиться в силу специфики фидуциарности, где внутренняя сторона отношений не проявляется вовне. Доверитель, являясь слабой стороной, имеет полное право использовать свои субъективные предпочтения, основанные на жизненном опыте. При этом, в скрытой внутренней стороне доверительных отношений, доверитель может руководствоваться не только совокупностью нарушений, которых может в текущий момент и не быть, а своими интуитивными предпочтениями неюридического характера, вместе с совокупностью элементов внешнего поведения фидуциара, из которых, при правильной оценке, может сделать вывод о скрытом потенциале недобросовестности последнего.

Усматривается противоречивость автора в ее позиции, согласно которой, как она полагает работы отечественных правоведов убедительно показывают «нежизнеспособность» доверительной собственности в российских условиях. В то же время заявляет о наметившейся тенденции, которая вследствие глобализации приводит к возможности использования по рассматриваемому поводу зарубежного опыта.

Рассматривая вопрос реализации принципов фидуциарности, обратимся к исследованию В.А. Сырбо [4].

Указанный автор проводит исследование доверительных отношений в историческом содержании, после чего выводит правовую природу фидуциарных договоров, которая, по его мнению, в отличие от мнения Е.В. Белоусовой, строится на признании целевой направленности фидуциарных договоров в качестве создания отношений расщепленной собственности подобно англосаксонской системе права, а не фиктивной личности.

В.А. Сырбо, исследуя вопрос фидуциарности, обращает внимание на обилие научных разработок, результат которых не дает оснований для особого оптимизма, поскольку, несмотря на необходимость разработки данного вопроса, количество монографий явно не приводит к качественной общей теории.

Несмотря на иную позицию в отношении предмета фидуциарных договоров указанный автор дает определение фидуциарности, из смысла которого можно сделать вывод о схожести его позиции в отношении содержательной стороны по поводу передачи соответствующих полномочий поверенному.

В государствах континентальной системы права, которая в наибольшей

ПРАВО

степени испытала влияние Римского права, институт фидуциарных отношений получал развитие в договорных и корпоративных направлениях. При этом договорные направления, практически, в полном объеме были реципированы из Римского права, развиваясь по тождественной модели во всех странах Запада.

В то же время система Общего права использовала различные формы правового регулирования фидуциарных отношений не только в договорной, но также в иных сферах правоприменения, даже в семейно-правовой [5].

Однако позднее развитие экономических отношений в России способствовало практически полному отсутствию рецепции Римского права относительно института доверительности, как в период царской России, так и в последующую послереволюционную эпоху, несмотря на то, что договорные отношения развивались в основном по западноевропейской схеме. В советский период основным сущностным признаком доверительных отношений являлось право оперативного управления, где доверенные лица участвовали в обороте как бы от своего имени, но в интересах государства, как единого экономического собственника. В настоящее время такая система сохранилась в отношении государственных и муниципальных унитарных предприятий с наделением таковых правом хозяйственного ведения, а также казенных предприятий и учреждений с правом оперативного управления и тем самым лицо, наделенное таким правом, являлось фидуциаром-носителем чужого права.

В силу приведенных обстоятельств, как результат, в отечественной правовой науке отсутствуют существенные научные разработки в отношении фидуциарных отношений. Правовое регулирование является в большей степени фрагментарным и противоречивым, не способствуя дальнейшему развитию этих отношений [6].

В настоящее время нет механизма разрешения противоречий между сторонами, имеют место существенные различия в правовом регулировании различных видов фидуциарных отношений. Так, по договору поручения фидуциар обязан лично исполнить обязательство; в агентском договоре возможен договор с субагентом; в договоре комиссии с субкоммиссионером. В одних случаях фидуциар обязан действовать исключительно в интересах доверителя, в других случаях законодательство умалчивает об этом, что может привести к вольному толкованию обязательств фидуциара. То же самое касается обязательств поверенного знакомить доверителя с информацией о своей деятельности, представлять отчеты. Все это, в зависимости от различий в категории договоров, имеет место, когда в установленный законом срок, когда по окончании договора и пр.

По мнению указанного правоведа, и с этим следует согласиться, приведенные обстоятельства является причиной неосознанности законодателем единой природы фидуциарных отношений, независимо от степени их разновидности.

Мы предлагаем создать систему гарантий по обеспечению соблюдения интересов доверителя, независимо от характера возникновения фидуциарных

отношений в силу ли закона или договора. Предлагается создание единого института правового регулирования доверительных отношений.

В.А. Сырбо полагает необходимым переработать 10 главу Гражданского кодекса посредством внесения в нее изменений и дополнений, дав ей наименование: «деятельность в чужих интересах». Далее автор излагает содержание института фидуциарности, оформив его в форме проекта из шести статей, где дается перечень лиц, осуществляющих деятельность в чужих интересах, в том числе поверенного комиссионера, агента, иных лиц, совершающих юридические действия в пользу доверившегося лица; излагаются права и обязанности фидуциара, в том числе обязательства личного исполнения поручения доверителя; регулируется исполнение обязанностей единоличным исполнительным органом юридического лица; обязанность предоставления необходимой информации доверителю; право последнего отказаться от осуществления фидуциаром своих полномочий [7].

С нашей точки зрения предложение указанного автора вполне разумно и обоснованно. Вопрос восходит к проблеме восприятия и последующей оперативности внедрения указанных положений со стороны законодательных органов.

По нашему мнению необходимость создания института фидуциарности не подлежит сомнению. Но, в первую очередь необходима разработка вопроса фидуциарности в качестве презюмируемого принципиального положения. В качестве принципа фидуциарность признается гражданским правом лишь косвенно, посредством особого выделения принципа добросовестности, однако этот принцип представляет собой лишь оценку результата исполнения фидуциарных отношений. Все эти категории подвержены различным оценкам, и вводятся в качестве основополагающих начал в форме декларативности, в то время, как необходимы надлежащие гарантии их соблюдения.

Поэтому представляется при дефиците научных разработок провести меры по закреплению, как в институте договора, так и в ст. 1 ГК РФ фидуциарности в качестве общегражданского правового принципа.

Проанализировав научные исследования [2; 3; 4 и др.] в отношении проблем реализации фидуциарности в качестве принципиального положения в договорных правоотношениях, мы можем заключить, что требуется законодательное закрепление принципиальных положений отношений доверительности с наличием системы четких гарантий, обеспечивающих интересы собственника, доверившего свое имущество поверенному, что должно оказать позитивное влияние на экономическую деятельность страны.

Мы видим, что современная отечественная доктрина неоправданно откладывает внедрение в договорные правоотношения фидуциарности в качестве принципиального положения. В то же время, доверие в гражданском праве и в частности в его подотрасли - договорном праве должно иметь характер общего правила регулирования, при том, что обратная ситуация – недоверие, является исключением. Однако в гражданском праве России фидуциарные

отношения не выделяются, а в гражданско-правовой науке категория доверительных отношений не разработана.

В этих целях предлагается отразить в гражданском законодательстве в качестве принципа фидуциарность, поставив таковую на ведущее место, поскольку добросовестность стороны является производной категорией от оказанного ей доверия, и является следствием доверительности.

Мы бы предложили отразить п. 3 ст. 1 Гражданского кодекса в следующей редакции: «При установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать на основе взаимного доверия и добросовестности».

При этом предлагается исключить п. 4 ст. 1 ГК РФ: «Никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения» как презюмирующую незаконное и недобросовестное поведение.

Кроме этого предлагается на стратегическом уровне осуществить меры по разработке принципа фидуциарности в качестве общеправовой теории и специфического института гражданского законодательства, после чего разработать систему юридических мер, обеспечивающих интересы в первую очередь доверителя как слабой стороны фидуциарных правоотношений, а также, в зависимости от характера и содержания договора, других сторон доверительных отношений.

Литература и источники

1. Белоусова Е.В. Правовое регулирование фидуциарных договоров по гражданскому праву России: Автореф. ...дисс. канд. юрид. наук. Владикавказ. 2011. - 24 с.
3. Ковалев С.И. Доверительное управление имуществом в зарубежном и российском праве: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1999. - 162 с.
4. Подгорнов Д.А. Правовое регулирование доверительного управления недвижимым имуществом как вида предпринимательской деятельности: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2009. - 218 с.
5. См.: Колиева А.Э. Некоторые юридические коллизии доверительных отношений в договорном праве // Современная научная мысль. 2013. №6. С.169-175.
6. См.: Мустафин Р.Ф. Элементы типового договора и порядок их формирования // Современная научная мысль. 2014. №1. С.109-115.
7. Сырбо В.А. Отечественный и зарубежный опыт гражданско-правового регулирования фидуциарных отношений: история и современность: Автореф. дисс. ...канд. юрид. наук. М., 2008. - 26 с.

Колиева А.Э. – кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского и трудового права Северо-Кавказского горно-

металлургического института (государственного технологического университета) (akolieva@mail.ru)

Kolieva, A.E. - PhD in Law, Associate Professor of business and labor law, North-Caucasian Mining and Metallurgical Institute (State Technical University).

УДК 342.415

НЕФЕДОВСКИЙ Г.В.

**К ВОПРОСУ ОБ ИССЛЕДОВАНИИ МЕХАНИЗМОВ ДОСТИЖЕНИЯ
СОЦИАЛЬНОЙ СТАБИЛЬНОСТИ**

Ключевые слова: государственная безопасность, преступность, социальная стабильность, социальный контроль, предупреждение преступлений

В статье рассмотрены теоретические проблемы обеспечения социальной стабильности, в частности, такой ее ключевой элемент как уровень преступности. Автор показывает, что основным стабилизирующим фактором в социуме выступает общественное согласие - консенсус между властвующими политическими группировками, общественными организациями и представителями всех ветвей власти. При этом, помимо механизмов изоляции, обособления и реабилитации, социальный контроль может быть реализован во множестве форм.

NEFEDOVSKIY, G.V.

**TO THE QUESTION OF STUDYING MECHANISMS
TO ACHIEVE SOCIAL STABILITY**

Keywords: public safety, crime, social stability, social control, crime prevention

The article deals with the theoretical problems of social stability, in particular, a key element of its crime rate. The author shows that the main stabilizing factor in society advocates social harmony - the reigning consensus between political groups, non-governmental organizations and representatives of all branches of government. At the same time, in addition to the mechanisms of isolation, separation and rehabilitation, social control can be implemented in a variety of forms.

Политика каждого цивилизованного государства нацелена на то, чтобы обеспечить своим гражданам стабильную жизнь [1]. При этом стабильным является общество, в сознании представителей которого надежно закреплены нормы морали и общепризнанные человеческие ценности [2].

Проблематика социальной стабильности общества, реализующего целенаправленные изменения в своей структуре, в методах функционирования и развития, вызывает большой научно-практический интерес. В целях

сохранения социальной идентичности общественные системы обеспечивают осуществление своевременных и адекватных историческим условиям изменений в экономической, политической, юридической, культурной и других сферах.

Ключевым показателем социальной стабильности следует признать низкий уровень преступности. Однако необходимо отметить, что данные понятия имеют взаимозависимый характер. Социальная стабильность влияет на количество преступлений, и, в свою очередь, от числа свершаемых правонарушений зависит стабильность в обществе.

Не случайно в настоящее время, когда размеры кризиса многими экспертами оцениваются как угрожающие целостности России, актуальным становится исследование проблем внутригосударственной безопасности в их взаимосвязи с социальной стабильностью [3].

Общественная система остается стабильной, если ее развитие базируется на внутренних факторах, противодействующих изменению равновесия в ней [4].

Уголовное право, делающее ставку на силовые методы борьбы с преступностью, представляет собой эффективный механизм, противодействующий изменению равновесия в социальной системе.

В этой связи широкое распространение получил термин «предупреждение преступлений», под которым принято понимать целенаправленное воздействие на условия и причины, вызывающие преступность. Основным доводом критиков данного подхода, к числу которых следует отнести, например, С.И. Курганова, является то, что невозможно предупредить уже свершившийся факт [5].

Отдельные авторы полагают, что более адекватным является такое понятие, как «профилактика преступности», охватывающее возможность выявления преступных замыслов и предотвращение их реализации [6].

Несмотря на то, что среди российских юристов не утихают споры относительно понятийного аппарата предупреждения преступности, существуют средства, обеспечивающие противодействие противоправной деятельности. К их числу следует отнести:

- реализацию эффективной государственной политики в сфере правоохранительной деятельности;
- совершенствование законодательных норм;
- проведение некоррупцированной экономической и социальной политики;
- пропаганду антикриминогенной культуры;
- укрепление правопорядка и социальной стабильности.

Таким образом, достигнуть снижения количества свершаемых преступлений можно, обеспечив стабильное развитие общества и отношений внутри него.

Факторы социальной стабильности

В любом государстве, независимо от формы правления и устройства, социальная стабильность обеспечивается благодаря определенным механизмам

ПРАВО

и факторам, которые соотносятся с различными сферами жизнедеятельности: духовной, экономической, культурной, правовой, политической, социальной, нравственной. Одним из ключевых факторов, способствующих укреплению стабильности, признается социальный контроль.

По мнению известного авторитета социальной мысли Т. Парсонса, в процессе разработки парадигмы конфликтного дисфункционализма повышенное внимание необходимо уделять именно социальному контролю, как одному из факторов, обеспечивающих противодействие общественным столкновениям и развязыванию конфликтов. В данном контексте под социальным контролем следует понимать процесс, позволяющий с помощью санкций предотвратить и нейтрализовать девиантное поведение граждан, дестабилизирующее обстановку внутри государства [7].

Функция социального контроля реализуется за счет применения специальных механизмов воздействия. Так, в работах Т. Парсонса выделено три основных механизма: изоляция, обособление и реабилитация [8].

Первый из них предусматривает полную изоляцию девианта от общества с лишением его права на реабилитацию. Данный механизм воздействия в большинстве случаев применяется к закоренелым преступникам, которые осуждены за особо опасные деяния. Личности преступников отличаются от личностей законопослушных людей общественной опасностью, наличием негативных социальных интересов, эмоционально-волевых деформаций, преступных потребностей и мотиваций. Поскольку на подсознательном уровне преступник стремится к свободе, любое ее ограничение вызывает попытку преодоления возникающей преграды. Удачной реализации этих попыток может способствовать техническое отставание систем безопасности пенитенциарных учреждений, человеческий фактор и т.д. Недостаточно надежная изоляция девианта может стать причиной дестабилизации обстановки в обществе.

Второй механизм воздействия, с помощью которого реализуется функция социального контроля, представляет собой обособление. В данном случае происходит ограничение контактов девианта с обществом (но не его полная изоляция), на определенный, законодательно установленный срок. Данный механизм допускает исправление девианта и его возвращение в общество, когда он будет готов следовать общепринятым нормам и осознает аморальность совершенного деяния.

Реабилитация представляет собой третий механизм воздействия, посредством которого реализуется функция социального контроля. С помощью данного механизма обеспечивается подготовка лица, совершившего правонарушение и вследствие этого понесшего ответственность, к возвращению к нормальной жизни и исполнению своей социальной роли. Использование механизма реабилитации получило широкое распространение в различных социальных структурах и органах государственной власти: пенитенциарных учреждениях, общественных организациях, больницах. В целях реализации механизма реабилитации используются не санкции, а

специальные социально-психологические программы, способствующие проявлению милосердия, оказанию поддержки и позитивного воспитательного воздействия, выявлению и устранению причин социального неблагополучия и девиантного поведения.

Исторический опыт свидетельствует, что, помимо механизмов изоляции, обособления и реабилитации, социальный контроль может быть реализован во множестве иных форм. Так, у носителей разных правовых культур широкое распространение получил взаимный общественный контроль, сущность которого заключается в оказании воздействия одним из представителей социальной группы на другого в виде отпора неправомерному поведению. Подобный контроль осуществляется в отсутствие посредников, обладающих специальными властными полномочиями для разрешения конфликта (полиции, суда и т.д.).

Широко распространенной, обладающей специфическим характером формой социального контроля признаются обычаи. Они представляют собой элементы социально-культурного наследия, сохраняющиеся в обществе в течение продолжительного времени. В качестве обычаев выступают стереотипные способы регулирования социального поведения, закрепленные с течением времени [9]. Такая форма социального контроля, как обычай, связана с принуждением индивидов к соблюдению моральных норм, преобладающих в обществе.

Еще одним фактором, способствующим укреплению социальной стабильности, признается четкая стратификация общества. Под ней понимается деление общества на страты посредством объединения разных социальных позиций с примерно одинаковым социальным статусом (половозрастными характеристиками, уровнем образования, индикаторами власти, благосостояния, образования, досуга, потребления, достатка). При этом финансовые возможности граждан признаются одним из ключевых условий стратификации населения. С точки зрения укрепления социальной стабильности важно, чтобы в государстве существовало достаточно значительное число представителей среднего класса, которым присущ определенный уровень достатка.

Традиционно, именно представители среднего класса выступают в качестве центристской силы, сглаживающей пропасть между величиной доходов самой богатой и самой бедной части общества. При этом нивелирование социально-экономических различий является залогом укрепления социальной стабильности. Центристские силы выступают основой для организации политических структур, деятельность которых направлена на стабилизацию общественных отношений. Неоказание средним классом поддержки центристским политическим структурам становится причиной прихода к власти экстремистских группировок, что обуславливает возникновение социальной напряженности и рост преступности.

К нарушению равновесия в социальной системе и, как следствие, к ее дестабилизации, ведет рост прослойки люмпенов - лиц, не имеющих постоянного заработка и частной собственности. Практический опыт свидетельствует: отсутствие стабильного дохода у этой категории населения может повлечь за собой слияние люмпенов с криминальными элементами, что станет импульсом для роста правонарушений и возникновения социальной нестабильности [10].

Стабилизирующим фактором выступает общественное согласие - консенсус между властвующими политическими группировками, общественными организациями и представителями всех ветвей власти. В качестве яркого примера отсутствия консенсуса можно привести события, произошедшие на Украине в феврале - апреле 2014 года. Проводимый украинским правительством политический курс негативно оценивался населением, что привело к дестабилизации внутренней обстановки, к распространению влияния экстремистских организаций, а также к столкновениям, приведшим к многочисленным жертвам. Общественный консенсус способствует укреплению демократических устоев, прав и свобод личности, развитию гражданского общества и становлению правового государства.

Обеспечение социальной нестабильности

Обеспечить поддержание социальной стабильности в государстве на постоянно высоком уровне практически невозможно. Поэтому поиск нетривиальных приемов, способствующих нейтрализации социальной нестабильности в различных сферах общественной жизни (экономической, правовой, политической) следует признать очень актуальным.

Реализация экономических механизмов предполагает разработку программ, нацеленных на защиту экономических свобод граждан [11], осуществление поддержки населения (выплату пособий по безработице, индексацию заработной платы, льготное кредитование и другие виды финансовой помощи) [12]. Это способствует увеличению численности среднего класса и минимизации такого явления, как люмпенизация граждан. Для российского общества подобные изменения особенно важны, поскольку рост численности среднего класса идет слишком медленно. В соответствии со статистическими данными за период 2004-2011 годы, к среднему классу может быть отнесено не более 18% населения [13]. При этом прирост численности среднего класса в 2013 года не превысил 2%, что, по международным оценкам, является низким показателем [14].

Целям укрепления среднего класса служит активная деятельность общественных организаций (фондов милосердия, обществ потребителей, армий спасения), а также развитие отношений социального партнерства. Этот вид общественных отношений подразумевает гармонизацию интересов простого населения и «элиты» (представителей властных и религиозных структур, работодателей, предпринимателей, деятелей искусства и т.д.). Гармонизация

интересов различных социальных групп является залогом успешного разрешения наиболее важных социальных проблем: криминализации общественного сознания, бедности, проституции, сиротства.

Научные исследования доказывают, что эффективное противодействие криминалу сможет оказать только общество, обладающее сформированной правовой культурой. Целью реализации правовых механизмов является приобщение граждан к правовым знаниям, что предполагает соблюдение законодательных норм и развитие полноценной политической культуры общества. Осмысленное участие населения в правовой жизни способствует формированию цивилизованного правового поля и табуированию выхода за его рамки. Для российского общества подобные изменения очень важны, поскольку многолетний опыт деятельности правоохранительных органов доказывает, что в настоящее время у граждан отсутствуют необходимые юридические знания. Подобному положению дел в немалой степени способствовали низкий уровень образования населения, романтизация криминалитета, засекречивание сведений о совершаемых преступлениях. Правоохранительным органам необходимо развеять миф о непобедимости преступных группировок и их недоступности для правосудия ввиду наличия «связей» во всех структурах власти. Кроме того, имеется необходимость организации занятий по самообороне граждан, что позволит противодействовать преступности на бытовом уровне и обеспечит стабильность в будущем.

По мнению ряда авторов, например, А.О. Ярославцевой, А.И. Юрьева, А.Н. Шарова, большое значение для нейтрализации социальной нестабильности имеют политические механизмы [15]. Именно политический курс государства обеспечивает формирование необходимых условий и предпосылок для создания единого валютного и экономического пространства. Меры государственной политики позволяют нивелировать противоречия между отдельными регионами, способные нарушить социальную стабильность. Залогом равновесия системы является грамотное и сбалансированное разделение властных полномочий [16], соблюдение прав национальных меньшинств.

С помощью мер государственной политики необходимо добиться точного соблюдения основных принципов свободных демократических выборов: они должны быть всеобщими, открытыми, равными и прозрачными. Очень важно, чтобы властные полномочия осуществлялись представителями, которые действительно были избраны народом на основе добровольного волеизъявления [17].

Практический опыт доказывает, что применение в целях достижения социальной стабильности отдельных стабилизирующих механизмов не способно оказать глобальное долговременное воздействие на общественные отношения. Обеспечить социальную стабильность способна только всесторонняя системная деятельность органов власти [18].

Литература и источники

1. Упоров И.В., Эфрикян Р.А. Уголовная ответственность за нецелевое расходование бюджетных средств в России и зарубежных странах: сравнительно-правовой анализ // Современная научная мысль. 2014. №6. С.173-182.
2. Иосс Ж., Джосефф Д. Элементарная теория устойчивости и бифуркаций. М.: Мир, 1983.
3. Паутова Л.А. Проблема стабильности социальных систем // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук. СПб., 1998.
4. Конфликты и согласие в современной России. / Семёнов В.С., Степанян Ц.А. и др. М.: Институт философии РАН, 1994.
5. Курганов С. И. Криминология. М., 2007.
6. Криминология: Учебник для вузов / Под общ. ред. А. И. Долговой. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2007.
7. Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // Современная западная теоретическая социология. М., 1994.
8. Парсонс Т. Функциональная теория изменения // Структурно-функциональный анализ в современной социологии. Вып. 2., М., 1969.
9. Российский социум: некоторые проблемы безопасности: Тематический сборник / РАН.ИНИОН; Редкол: Пархалина Т.Г. (гл. ред.) и др. М.: ИНИОН, 1997.
10. Кульпин Э.С. Генетические коды цивилизаций// Генетические коды цивилизаций. Материалы третьей научной конференции "Человек и природа проблемы социоестественной истории" сентябрь 1994 г. Феодосия. М.: Московский лицей, 1995.
11. См.: Рухтин С.А. Правовые аспекты экономической свободы личности: юридический смысл конструкций «предприятие» и «банкротство» // Современная научная мысль. 2013. №2. С.95-107.
12. Рычкалова Л.А., Эртель А.Г. К вопросу о системе показателей финансовой безопасности государства// Современная научная мысль. 2013. №5. С.108-113.
13. Доноцов А.И., Перелыгина Е.Б. Социальная стабильность: От психологии до политики: Монография. М: Эксмо, 2011.
14. Жеребцова А.А. Концепция и механизм налогообложения объектов роскоши в Российской Федерации // Налоги и налогообложение. 2013. № 3-4
15. Ярославцева А.О. Политическая стабильность: современные параметры и коннотации // Политическая стабильность: новые вызовы, методологические аспекты анализа и прогнозирования, региональные исследования. М.: РУДН, 2012.
16. Шевцов В.С. Разделение властей в Российской Федерации. М.: ПолиграфОпт, 2004.

17. См. напр.: Уповор И.В. Особенности правового регулирования выборов муниципальных депутатов в актах законодательных органов субъектов Российской Федерации // Современная научная мысль. 2014. №3. С.141-147.

18/ Турицын И.В. Власть, общество и терроризм: размышления о российской исторической традиции // Современная научная мысль. 2014. №1. С.6-35.

Нефедовский Г.В. – адвокат, член Московского областного отделения Ассоциации юристов России, соискатель НИИ истории, экономики и права (г. Москва) (gvnefedovsky@mail.ru)

Nefedovskiy, G.V. - lawyer, a member of the Moscow regional branch of the Association of Lawyers of Russia, applicant for scientific degree, History, Economics and Law Research Institute (Moscow).

УДК 340.130.56

МАКСИМЕНКО Э.А.

**ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МЕХАНИЗМА РЕАЛИЗАЦИИ
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ФУНКЦИИ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА
В РОССИИ**

Ключевые слова: государство, правовая политика, правоохранительные органы, социалистическое государство, функции государства

В статье рассмотрены вопросы защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации. Решение данной задачи, прежде всего, осуществляется посредством правоохранительной функции правового государства. Автор показал, что механизм реализации правоохранительной функции выступает в качестве сложного образования, имеющего в своем составе элементы как юридического, так и иного социального порядка.

MAKSIMENKO, E.A.

**GENERAL CHARACTERISTICS OF THE MECHANISM FOR
IMPLEMENTING THE LAW ENFORCEMENT FUNCTION RULE OF LAW
IN RUSSIA**

Tags: government, legal policy, law enforcement agencies, the socialist state, the functions of the state

The article deals with the protection of the rights and freedoms of man and citizen in the Russian Federation. The solution to this problem primarily carried out by law enforcement functions of the rule of law. The author showed that the mechanism for implementing the law enforcement function acts as a complex entity which has in its composition elements of both legal and other social order.

Современное российское общество своим курсом избрало построение правового государства, что конституционно установлено в качестве основных принципов общественного строя и российской государственности. Статья 2 Конституции РФ закрепляет принцип гуманизма как приоритета прав и свобод человека и гражданина в российском обществе и государстве. Права и свободы человека и гражданина признаются высшей ценностью, в соответствие с чем, государство, реализуя свои функции, обязано обеспечивать их защиту. Решение данной задачи, прежде всего, осуществляется посредством правоохранительной функции правового государства.

В.Ю. Пиотровский отмечает, что глубокие экономические и социально-политические преобразования, которые происходят в последнее время в России, все более раскрывают государственное и общественное стремление, направление правовой науки и правоохранительной практики отказаться от сведения целей и задач правоохранительной системы к борьбе с преступлениями, и их желание обеспечить непосредственную охрану прав и свобод личности.

Соответственно одним из основных направлений в правовой политике российского государства выступает защита прав и свобод человека и гражданина. И есть все основания считать это направление приоритетным и рассматривать защиту прав и свобод человека и гражданина в качестве важнейшей правоохранительной подфункции правового государства.

Учитывая важность данного направления функционирования правового государства, представляется необходимым на официальном уровне разработать и принять Концепцию защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации.

В условиях формирования российской правовой государственности особую значимость приобретает общий теоретико-правовой анализ понятия механизма реализации правоохранительной функции. Вместе с тем термин «механизм реализации правоохранительной функции» не получил пока достаточно широкого и должного распространения в юридической науке.

Применительно к теме данного исследования близкими, до известной степени, к категории «механизм реализации правоохранительной функции» будут понятия «государственный механизм», «механизм правового регулирования», механизм обеспечения прав и свобод человека и гражданина», «правоохранительная (правозащитная) система» и т.п. Безусловно, что все перечисленные понятия тесно взаимосвязаны и дополняют друг друга. Но вместе с тем существует необходимость разграничения указанных категорий друг от друга.

Так, отдельные ученые определяют механизм осуществления функций как целостность системы всех государственных органов и общественных организаций, которые осуществляют функции государства, включая при этом в механизм кроме того формы и методы их деятельности.

ПРАВО

С точки зрения Е.В. Рябовой, под механизмом осуществления государственных функций должны рассматриваться взятые в единстве субъекты осуществления функции, а также их деятельность, которая осуществляется на основе установленных принципов, форм, методов и средств ее осуществления.

Представляется, что механизм реализации правоохранительной функции требуется рассматривать как данную социальную систему, которая в своем функционировании взаимодействует с другими социальными системами, а также необходимо признать в качестве самостоятельного юридического института.

Механизм реализации правоохранительной функции может характеризоваться как специфическая социальная система частного порядка, охватывающая значительно меньшее число отношений, институтов и структур в сравнении с такими глобальными системами, как общество, государство, правовая система и т.п.

Категория «механизм» дает возможность объединить все явления в правоохранительной сфере, представляя их в динамичном виде, раскрыв структуру с учетом взаимосвязи и взаимодействия элементов данного механизма в процессе правовой охраны посредством эффективного решения вопросов процедур и мер правовой охраны.

Понятие «социального механизма», определяемого как упорядоченная, сбалансированная и устойчивая совокупность (то есть система) средств достижения поставленных социальных целей определенными методами, достаточно разработано в философской, социологической и правовой литературе.

При этом необходимо учитывать, что социальному механизму свойственна как внутренняя, так и внешняя стороны функционирования. Внешнюю сторону социального механизма определяют как цели, ради которых он создан, так и методы и средства достижения этих целей.

Применительно к внутренней стороне существования социального механизма следует указать три основных момента: во-первых, в каждом социальном механизме можно наблюдать взаимодействие объективных и субъективных факторов; во-вторых, любой социальный механизм предусматривает сочетание динамических и статических элементов; в-третьих, в любом социальном механизме имеют место как системообразующие, так и системосоставляющие элементы.

К системообразующим факторам механизма реализации правоохранительной функции могут быть отнесены принципы реализации правоохранительной функции, которые находят свое выражение в правоохранительной политике, имея характер исторического явления. Так, в советской юридической литературе к основным принципам охранительной функции государства были отнесены социалистический демократизм,

ПРАВО

руководящая роль партии, социалистическая законность, пролетарский интернационализм, планирование и некоторые другие.

В качестве принципов правоохранительной системы периода формирования правового государства и гражданского общества в России предлагается рассматривать: согласованность нравственности и права; разумная иерархия ценностей права; равенство всех субъектов перед законом; ответственность государственной власти за разработку и реализацию социальной политики; установление границ правового регулирования общественных отношений; уменьшение числа субъектов, имеющих право ограничивать права и свободы; наличие факторов сдерживающих репрессивную власть государства.

Представленные принципы получили достаточное освещение в современной юридической литературе.

При этом, исходя из целей реализации функций, можно выделить три группы принципов механизма реализации правоохранительной функции: 1) принципы, посредством которых осуществляется социально-нравственная оценка целей, поставленных обществом; 2) принципы, которые определяют функционирование используемых средств в соответствии с поставленными целями и которые должны адекватно отражать взаимосвязь целевых установок и средств их достижения и идеологии правового государства; 3) принципы, определяющие построение самого механизма реализации правоохранительной функции, исходя из которых он должен быть стабильным и сбалансированным.

Среди системосоставляющих элементов особое место в структуре механизма реализации правоохранительной функции занимает система специальных правовых средств.

В качестве правовых средства в современной юридической науке, как правило, рассматриваются «правовые явления, выражающиеся в инструментах (установлениях) и деяниях (технологии), с помощью которых удовлетворяются интересы субъектов права, обеспечивается достижение социально полезных целей».

Соответственно, правовые средства реализации правоохранительной функции государства это правовые явления, посредством которых возможно достижение цели данной функции – охрана правопорядка. А к правовым средствам реализации правоохранительной функции следует относить, прежде всего: 1) правовые установления, регламентирующие формы и методы реализации правоохранительной функции, а также закрепляющие объект правоохраны; 2) юридические технологии с соответствующими формами правореализации, обеспечивающие реализацию правоохранительной функции.

Сложность и специфичность механизма реализации правоохранительной функции, как было отмечено выше, дают возможность вести речь о наличии статической и динамической сторон этого механизма.

Статическую сторону механизма реализации правоохранительной функции характеризуют следующие элементы:

ПРАВО

1) объект механизма реализации правоохранительной функции – охранительные общественные отношения;

2) субъекты механизма реализации правоохранительной функции: а) правоохранительные органы; б) органы государственной власти и государственные органы, участвующие в реализации правоохранительной функции; в) государственные органы и институты гражданского общества, содействующие реализации правоохранительной функции;

3) система правовых средств реализации правоохранительной функции инструментального порядка.

Характеризуя объект правоохранительной функции в качестве элемента механизма реализации исследуемой функции, следует заметить, что частично данная проблематика была рассмотрена в третьем параграфе первой главы данного диссертационного исследования при обосновании правоохранительной функции и определении ее места в системе функций государства.

Требуется напомнить, что в качестве объекта исследуемой функции предлагается рассматривать охранительные (правоохранительные) отношения как разновидность общественных отношений, возникающих в связи с необходимостью проведения профилактических мероприятий или по поводу разрешения конфликтных ситуаций, в рамках которых реализуются меры государственного принуждения.

Необходимость определения ряда критериев (оснований), посредством которых классифицируются охранительные правоотношения, обусловлена многообразием отношений, которые составляют предмет правового регулирования, а также широким кругом методов правового воздействия

Соответственно, исходя из особенностей предмета и метода отраслевого правового регулирования все охранительные правоотношения подразделяются на: публично-правовые и частноправовые; на материальные и процессуальные; на конституционно-правовые, уголовно-правовые, гражданско-правовые, трудовые правоотношения и т.д.

В соответствии с функциями охранительные правоотношения можно классифицировать на профилактические и в сфере реализации мер юридической ответственности; в сфере правосудия; в сфере надзора и контроля.

Охранительные правоотношения по структуре подразделяются на простые и сложные. Когда реализация правоохранительной функции предполагает отношение урегулированное одной нормой права, тогда охранительное правоотношение выступает в качестве простого. Сложное охранительное отношение характеризуется в качестве комплекса отношений, которые урегулированы различными правовыми нормами, но объединенных единством смыслового содержания.

С точки зрения вида государственного участия следует различать профессиональные и непрофессиональные правоохранительные отношения.

ПРАВО

Научный интерес представляет проблематика субъектного состава механизма реализации правоохранительной функции государства. С учетом места в механизме реализации правоохранительной функции можно предложить следующую классификацию субъектов механизма реализации исследуемой функции: 1) правоохранительные органы как специальные субъекты реализации данной функции; 2) органы государственной власти и государственные органы, участвующие в реализации правоохранительной функции; 3) государственные органы и институты гражданского общества, содействующие реализации данной функции.

В заключении требуется признать, что механизм реализации правоохранительной функции выступает в качестве сложного образования, имеющим в своем составе элементы как юридического, так и иного социального порядка.

Литература и источники

1. Братко А.Г. Правоохранительная система: понятие и основные элементы содержания // Проблемы развития правоохранительных органов. Труды Академии. М., 1994. С. 8-23.
2. Малько А.В. Правовые средства: вопросы теории и практики // Журнал российского права. 1998. №8. С. 66-67.
3. Пиотровский В.Ю. Правоохранительная система в условиях формирования правового государства в России (историко-правовой и теоретико-правовой аспекты): Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. СПб., 2003. С.9.
4. Пехов В.Н. Деятельность милиции в механизме реализации прав и свобод граждан. Дисс. ... канд. юрид. наук. Одесса, 1992. С. 80.
5. Рябова Е.В. Функция обеспечения правопорядка в период формирования правового российского государства. Дисс. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2005. С. 387.
6. Фоменко А.Н. Защита прав потерпевшего: российский и зарубежный опыт // Современная научная мысль. 2012. №1. С.87-92.
7. Синюков В.Н. Российская правовая система: Введение в общую теорию. Саратов, 1994. С.400.
8. Дашин А.В. Особенности трансформации частного права в условиях реформирования правовой системы России // Современная научная мысль. 2013. №3. С.129-1135.

Максименко Э.А. - начальник факультета заочного обучения Краснодарского университета МВД России (eduard_maksimenko@mail.ru)

Maksimenko, E.A. - Head of the Faculty of distance learning Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

УДК 342.553

**ПРОВОЗИН А.В.
ПОЛНОМОЧИЯ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ПО
ОБЕСПЕЧЕНИЮ БЕЗОПАСНЫХ УСЛОВИЙ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ
НАСЕЛЕНИЯ**

Ключевые слова: органы местного самоуправления, субъект Российской Федерации, органы государственной власти, муниципальные образования, полномочия

В статье проводится анализ законодательства, регулирующего полномочия органов местного самоуправления по обеспечению безопасных условий жизнедеятельности населения на примере Краснодарского края. По мнению автора, федеральный законодатель таким образом прописывает обязанности органов местного самоуправления в данной сфере, что, в ряде случаев, для самостоятельности места почти не остается.

**PROVOZIN, A.V.
THE POWERS OF LOCAL AUTHORITIES TO ENSURE SAFE LIVING
CONDITIONS OF THE POPULATION**

Keywords: local government, a subject of the Russian Federation, state authorities, municipalities, powers

In article the analysis of the legislation governing the powers of local authorities to ensure safe living conditions of the population on the example of Krasnodar region. According to the author, the federal legislator thus prescribes the responsibilities of local governments in this area that, in some cases, for the independence of space is almost gone.

Органы местного самоуправления непосредственно включены в общегосударственную систему обеспечения безопасных условий жизнедеятельности населения в муниципальных образованиях [1]. Перечень вопросов местного значения, которые предусмотрены в этой сфере в ст. 14-16 ФЗ «Об общих принципах...». Указанные в этих статьях вопросы местного значения определяют и соответствующие полномочия органов муниципальной власти. При этом, на наш, целесообразно вопросы местного значения в области защиты от ЧС исключить из перечня вопросов местного значения. Соответственно представляется целесообразным полномочия органов местного самоуправления, которые вытекают из этих вопросов местного значения, полагать полномочиями органов госвласти, которыми

наделяются органы местного самоуправления согласно нормам, содержащимся в главе 4 ФЗ «Об общих принципах...».

Такой подход довольно остро высвечивает проблему разграничения полномочий между органами государственной власти с органами муниципальной власти, где в теории муниципального права наблюдается разнообразие взглядов. Рассмотрим подробнее данный аспект, поскольку он имеет важное методологическое значение для формулирования нашей позиции по перечню и содержанию полномочий органов местного самоуправления в сфере создания условий жизнедеятельности населения, обеспечивающих их безопасность.

По мнению известного ученого в области науки муниципального права В.И. Васильева, разграничение полномочий нужно начинать с ревизии правовых актов, которыми регулируется компетенция местного самоуправления, после чего требуется устранить правовые коллизии [2, с. 18]; в другой работе этот автор ставил вопрос о том, чтобы вопросы местного значения, связанные с обеспечением безопасности, были тесно и непосредственно связаны с государственными полномочиями [3, с. 29-39]. Эта точка зрения была высказана несколько лет назад. Еще ранее предлагалось создать отдельные реестры полномочий органов государственной власти федерального и регионального уровней и реестр полномочий органов местной власти в сферах их совместного ведения, и тогда каждый уровень власти мог бы определять, какие из своих полномочий делегировать, а какие реализовывать самостоятельно [4, с. 31]. Однако в этом плане подвижек пока нет практически никаких.

Некоторые авторы считают, что для более четкого разграничения полномочий региональных органов государственной власти и органов местного самоуправления необходимо издать соответствующие региональные законы. При этом подчеркивался такой аспект, как институт совместного ведения региональных органов госвласти и органов местного самоуправления. В настоящее время законодательно такой институт не имеет своего закрепления - в отличие от совместного ведения федерального центра (Российской Федерации) и субъектов Российской Федерации.

М.Ю. Дитятковский указывает, что такое положение в определенной мере противоречит Конституции России. Так, согласно ч. 2 ст.40 Конституции России как органы госвласти, так и органы муниципальной власти обязаны создавать условия для осуществления гражданами права на жилище. Равным образом это касается и других конституционных прав [5]. Эти примеры свидетельствуют о фактическом закреплении института совместного ведения органов госвласти и органов местного самоуправления на уровне Конституции России и о необходимости законодательного регулирования этого аспекта [6, с. 40]. И М.Ю. Дитятковский отмечает, что умалчивание о существовании этой проблемы может привести к негативным последствиям, поскольку со временем проблема совместного ведения органов государственной власти и органов

местного самоуправления только обострится [6, с. 40]. Добавим к этому еще несколько примеров.

Например, согласно ч. 2 ст. 132 Конституции России допускается возможность наделения органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями, при этом обозначено четкое условие - с передачей необходимых для их осуществления финансовых и материальных средств (это условия имеет важнейшее значение в контексте рассматриваемой проблематики, и ниже мы к этому еще обратимся). Данное конституционное положение находит отражение в главе 4 ФЗ «Об общих принципах...», и мы об этом ранее говорили, указывая на целесообразность полагать полномочия, вытекающие из вопроса местного значения, связанного с защитой от ЧС, отдельным государственным полномочием, передаваемым для реализации органам местного самоуправления.

Однако при этом законодатель не указывает на то, что, собственно, является материальным основанием (формальным основанием может быть законопроект) для издания закона субъекта Российской Федерации (или, теоретически, федерального закона) о наделении органов местного самоуправления государственными полномочиями. Мы полагаем, что речь должна идти прежде всего о целесообразности такого решения. При этом издание соответствующего закона невозможно без согласованности действий органов госвласти и местного самоуправления.

Между тем в изданном в 2005 г. труде, подготовленном известными и авторитетными конституционалистами [7], указанная совместность ведения субъектов госвласти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления вполне признается. При комментировании одного из постановлений Конституционного Суда Российской Федерации [8] здесь, в частности, отмечается, что, как следует из ч. 1 ст. 130 Конституции России, вопросы местного значения решаются органами местного самоуправления (либо непосредственно населением), а не органами госвласти, поскольку возможность передачи органам госвласти полномочий местного значения в федеральном законодательстве отсутствует. При этом конституционный принцип самостоятельности института местного самоуправления не может быть ограничен законодателем субъекта Российской Федерации согласно ст. 55 Конституции России. Однако этим не исключается взаимодействие органов местного самоуправления и органов госвласти области (в том числе на договорной основе) с целью решения общих проблем на соответствующей территории, связанных, разумеется, с вопросами местного значения [9, с. 214]. Законодательство ряда зарубежных стран также предусматривает совместную компетенцию местного самоуправления с субъектами федерации.

Анализ целевых программ, принимаемых в субъектах Российской Федерации, показывает, что в них также находит отражение то обстоятельство, что органы местного самоуправления практически всегда участвуют в реализации таких программ. Это касается, в частности, целевых программ

Краснодарского края по сельскому хозяйству [10], по территориальному планированию [11], по подготовке кадров [12], по жилищу [13], по занятости населения [14], по газификации [15] и др. Как отмечает Р.М. Усманова, это происходит в форме совместного участия региональных и муниципальных структур [16, с. 53]. Соответственно, чтобы муниципальное образование стало участвовать в региональной целевой программе, нужно, по меньшей мере, согласовать этот вопрос [17]. И поэтому предметы совместного ведения могут и должны иметь все три уровня публичной власти, а не только уровни федеральной и региональной власти.

Между тем как в сфере защиты населения от чрезвычайных ситуаций, так и в других сферах, связанных с обеспечением безопасных условий жизнедеятельности населения в муниципальных образованиях, имеется противоречие. Суть его заключается в следующем – с одной стороны, коль скоро имеются соответствующие вопросы местного значения в данной сфере общественных отношений, то, следовательно, должны быть и вытекающие из этих вопросов местного значения собственные полномочия органов местного самоуправления, необходимые для решения этих вопросов. А с другой стороны, федеральный законодатель таким образом прописывает обязанности органов местного самоуправления в данной сфере, что, в ряде случаев, для самостоятельности места почти не остается.

И тогда как раз и возникает необходимость определиться в том, чтобы данные полномочия муниципальной власти считать полномочиями органов государственной власти, либо полномочиями, находящимися в совместном ведении органов госвласти (прежде всего, уровня субъектов Российской Федерации) и муниципалитетов. Но поскольку института совместного ведения между ними, как мы отмечали, в настоящее время в федеральном законодательстве нет, то остается как наиболее целесообразный вариант отнесения полномочий в данной сфере к полномочиям госвласти субъектов Российской Федерации.

Литература и источники

1. Провозин А.В. Проблемы формирования правовых основ для реализации органами местного самоуправления вопроса местного значения в виде участия в предупреждении и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций // Современная научная мысль. 2013. №1. С.74-76.
2. Васильев В.И. Законодательная основа муниципальной реформы. М., 2005. С. 250; Шевчик Н.А. Государственная власть и местное самоуправление: правовые проблемы взаимодействия. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2001. С. 18.
3. Васильев В.И. Организационно-правовые проблемы местного самоуправления // Журнал российского права. 2008. № 11. С. 29-39.

4. Игнатюк Н.А. Полномочия: делиться или делегировать? // Российская Федерация сегодня. 1998. № 24. С.31.
5. Ковалев В.В. Права и обязанности человека и гражданина в условиях чрезвычайного и военного положения // Современная научная мысль. 2013. №3. С.123-128.
6. Дитятковский М.Ю. О предметах ведения органов государственной власти и органов местного самоуправления // Журнал российского права. 2007. № 11. С. 40.
7. Лазарев Л.В., Морщакова Т.Г., Страшун Б.А. и др. Конституция Российской Федерации в решениях Конституционного Суда России (постатейный). М.: Институт права и публичной политики, 2005.
8. Постановление Конституционного суда Российской Федерации «По делу о проверке конституционности отдельных положений Устава (Основного Закона) Курской области в редакции Закона Курской области от 22 марта 1999 года «О внесении изменений и дополнений в Устав (Основной Закон) Курской области» от 30.11.2000 г. № 15-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 50. Ст. 4943.
9. Лазарев Л.В., Морщакова Т.Г., Страшун Б.А. и др. Конституция Российской Федерации в решениях Конституционного Суда России (постатейный). М.: Институт права и публичной политики, 2005. С. 214.
10. Закон Краснодарского края «Об утверждении краевой целевой программы «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия в Краснодарском крае» на 2008 - 2012 годы» от 29.12.2007 № 1354-КЗ // Кубанские новости. 2008. 17 января.
11. Закон Краснодарского края «О краевой целевой программе "Государственная поддержка муниципальных образований Краснодарского края по обеспечению подготовки документов территориального планирования" на 2008 - 2010 годы» от 25.07.2007 № 1300-КЗ // Кубанские новости. 2007. 16 августа.
12. Закон Краснодарского края «Об утверждении краевой целевой программы "Система кадрового обеспечения органов управления Краснодарского края" на 2009 - 2011 годы» от 29.12.2008 № 1669-КЗ // Кубанские новости. 2008. 31 декабря.
13. Закон Краснодарского края «О краевой целевой программе "Жилище" на 2009 - 2010 годы» от 29.12.2008 N 1665-КЗ // Кубанские новости. 2008. 31 декабря.
14. Закон Краснодарского края «О краевой целевой программе "Содействие занятости населения Краснодарского края" на 2008 - 2010 годы» от 27.09.2007 № 1333-КЗ // Кубанские новости. 2007. 11 октября.
15. Закон Краснодарского края «О краевой целевой программе "Газификация Краснодарского края" на 2007 - 2011 годы"» от 25.07.2007 № 1297-КЗ // Кубанские новости. 2007. 20 сентября.

-
16. Усманова Р.М. Муниципально-правовое регулирование: предмет и объекты // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 12. С. 53.
17. Воронов А.М. Система обеспечения общественной безопасности: проблемы оптимизации // Право и практика. 2012. №.2. С.56-71.
-

Провозин А.В. - аспирант кафедры конституционного права ЧОУ ВПО «Институт международного права, экономики, гуманитарных наук и управления имени К. В. Россинского» (тел. 8 (861) 233 64 48)

Provozin A.V.-postgraduate student of the chair of constitutional law, PRIVATE higher education institution "Institute of international law, Economics, Humanities and management name of the Kronstadt Rossinsky".

УДК 347.193.3

**КАЛАШНИКОВ Р.В.
ПОЛНОМОЧИЯ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО
РЕГУЛИРОВАНИЮ МУНИЦИПАЛЬНО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ**

Ключевые слова: органы местного самоуправления, субъект Российской Федерации, органы государственной власти, муниципальные образования, полномочия, муниципально-правовые отношения

В статье проводится анализ полномочий законодательных и исполнительных органов субъектов Российской Федерации в области местного самоуправления в соответствии с Федеральным законом о местном самоуправлении от 6 октября 2003 г. Автором обоснован вывод о том, что, прежде чем расширять полномочия субъектов Российской Федерации в сфере местного самоуправления, необходимо добиться того, чтобы они более полно реализовали имеющиеся возможности, заложенные в муниципальном законе 2003 года.

**KALASHNIKOV, R.V.
THE POWERS OF SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION ON
REGULATION OF MUNICIPAL LEGAL RELATIONS**

Keywords: local government, a subject of the Russian Federation, state authorities, municipalities, authorities, municipal law relation

In article the analysis of the powers of the legislative and Executive bodies of subjects of the Russian Federation in the sphere of local self-government in accordance with the Federal law on local self-government on October 6, 2003.

Author justified the conclusion that before expanding the powers of the Russian Federation in the sphere of local government, it is necessary to ensure that they are more fully realized the opportunities inherent in the Municipal Act, 2003.

Осуществляемая в настоящее время реформа местного самоуправления касается практически всего спектра муниципально-правовых отношений. Не являются исключением и полномочия субъектов РФ по регулированию сферы местного самоуправления. Следует заметить, что эти полномочия, определенные ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 6 октября 2003 г. (здесь и далее данные о правовых актах взяты из системы «Консультант плюс» и официальных сайтов органов госвласти субъектов РФ), существенно отличаются от тех, которые имели место пятнадцать лет назад. Так, в ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» 28 августа 1995 г. таких полномочий было больше.

Сделаем сравнение на примере регулирования субъектами РФ правового статуса депутата представительного органа и иного выборного лица местного самоуправления. В ст. 28 закона о местном самоуправлении 1995 г. указывалось следующее: «1. Депутату, члену выборного органа местного самоуправления, выборному должностному лицу местного самоуправления гарантируются условия для беспрепятственного и эффективного осуществления полномочий, защита прав, чести и достоинства. 2. Срок полномочий депутата, члена выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления не может быть меньше двух лет. Установленный срок полномочий не может быть изменен в течение текущего срока полномочий. 3. Полномочия депутата, члена выборного органа местного самоуправления начинаются со дня его избрания и прекращаются с момента начала работы выборного органа местного самоуправления нового состава... 4. Глава муниципального образования, депутат, член выборного органа местного самоуправления, другие выборные должностные лица местного самоуправления в соответствии с уставом муниципального образования могут осуществлять свои полномочия на постоянной основе. 5. Уставами муниципальных образований в соответствии с законами субъектов Российской Федерации может быть предусмотрена возможность отзыва населением депутата, члена выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления. 6. Статус депутата, члена выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления и ограничения, связанные со статусом этих органов и лиц, устанавливаются Конституцией Российской Федерации, федеральным законом, законами субъектов Российской Федерации ... Депутатам и членам выборных органов местного самоуправления, осуществляющим свои полномочия на постоянной основе, выборным должностным лицам местного

самоуправления социальные гарантии, связанные с пребыванием на этих должностях, устанавливаются законами субъектов Российской Федерации».

Если сравнить содержание данной статьи 28 закона 1995 г. со статьей 40 закона 2003 г., то общая же тенденция новелл в законе 2003 г. заключается в суживании пределов регулирования статуса депутата представительного органа местного самоуправления и иного выборного лица муниципального образования законодательными органами субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления, поскольку закон 2003 г. устанавливает более жесткие требования (например, установление 10%, свыше которых не может быть численность депутатов, работающих на постоянной основе, в то время как закон 1995 г. не определяет такого лимита, который, по логике федерального законодателя того времени, должен был определяться либо законом субъекта Российской Федерации, либо самим муниципальным образованием).

Если говорить в более общем плане, то следует заметить, что в ст. 6 ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» 2003 г. к полномочиям органов государственной власти субъектов Российской Федерации в области местного самоуправления относятся: а) правовое регулирование вопросов организации местного самоуправления в субъектах Российской Федерации в случаях и порядке, установленных настоящим Федеральным законом; б) правовое регулирование прав, обязанностей и ответственности органов государственной власти субъектов Российской Федерации и их должностных лиц в области местного самоуправления в случаях и порядке, установленных федеральными законами; в) правовое регулирование прав, обязанностей и ответственности органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления по предметам ведения субъектов Российской Федерации, а также в пределах полномочий органов государственной власти субъектов Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации; г) правовое регулирование прав, обязанностей и ответственности органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления при осуществлении отдельных государственных полномочий, которыми органы местного самоуправления наделены законами субъектов Российской Федерации в порядке, установленном настоящим Федеральным законом.

Формулировки, как видно, довольно объемные, однако, по сути, они означают сужение полномочий субъектов РФ. Тем не менее, как представляется, в субъектах РФ не используются в достаточной мере и полномочия, предоставляемые субъектам РФ федеральным законодателем, согласно ст. 6 ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» 2003 года.

Так, федеральный законодатель не определяет полномочий депутатов представительных органов местного самоуправления, хотя процедуру их

выборов описывает очень подробно. Более того, мы полагаем, что, поскольку федеральный законодатель не закрепляет виды и содержание полномочий депутата представительного органа местного самоуправления, то региональный законодатель просто обязан это сделать. Анализ законов о местном самоуправлении различных регионов показывает, что в них вопросы правомочий депутатов представительных органов местного самоуправления не находят достаточного отражения.

В этой связи, в литературе справедливо отмечается, что в региональных законах о статусе депутатов и других выборных лиц местного самоуправления могут содержаться дополнительные к федеральным гарантии трудовых прав этих выборных лиц, определяться права на обращение к должностным лицам органов государственной власти субъектов Федерации по делам, связанным с решением вопросов местного значения, и обязанность этих органов предоставлять выборным лицам местного самоуправления необходимую им информацию [1]. Если относительно распределить весь нормативный материал, регулирующий правовой статус выборного лица местного самоуправления, по уровням регулирования, на долю региональных органов власти останется немного. Поэтому сами нормативные региональные акты по этому вопросу вряд ли стоит называть законами о статусе выборных лиц. Скорее, это нормативные акты по некоторым вопросам их статуса.

Так или иначе, совершенствование нормативного регулирования данного вопроса, безусловно, назрело. Его оптимальное решение неоправданно затянулось. И хотя потребуются усилия, чтобы совместить разные точки зрения на содержание правового статуса выборного лица местного самоуправления и правовые способы его определения, предпринять эти усилия необходимо, не откладывая дело в долгий ящик. В противном случае применение Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» 2003 г., и без того затрудненное, еще больше усложнится [2, с.17].

К сожалению, этот тезис актуален и до сих пор [3]. В этой связи, мы полагаем, что прежде чем расширять полномочия субъектов РФ в сфере местного самоуправления (а это, на наш взгляд, вытекает из федеративного устройства нашей страны), необходимо добиться того, чтобы субъекты РФ более полно реализовали имеющиеся возможности, заложенные в муниципальном законе 2003 г.

Литература и источники

1. См.: Упоров И.В. Особенности правового регулирования выборов муниципальных депутатов в актах законодательных органов субъектов Российской Федерации // Современная научная мысль. 2014. №3. С.141-147.
2. Васильев В.И. О полноте статуса муниципального выборного лица // Журнал российского права. 2005. № 5. С. 17.

3. Эртель А.Г. Институты регионального развития // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2010. №3. С.316-317.

Калашников Р.В. - аспирант кафедры конституционного права ЧОУ ВПО «Институт международного права, экономики, гуманитарных наук и управления имени К. В. Россинского». (Тел. 8 (861) 233 64 48)

Kalashnikov R.V. - postgraduate student of the chair of constitutional law, PRIVATE higher education institution "Institute of international law, Economics, Humanities and management name of the Kronstadt Rossinsky". Phone 8 (861) 233

УДК 342.553

ЗАХАРОВ А.К.
ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ МЕСТНОГО
САМОУПРАВЛЕНИЯ В ЗАКРЫТЫХ АДМИНИСТРАТИВНО-
ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЯХ И ГОРОДАХ-НАУКОГРАДАХ

Ключевые слова: закрытые административно-территориальные образования, города-наукограды, муниципальное образование, территориальная организация, местное самоуправление

В статье автором раскрывается правовое регулирование территориальной организации местного самоуправления в закрытых административно-территориальных образованиях и городах-наукоградах как разновидностей муниципальных образований в отношении которых территориальное устройство не регулируется Федеральным законом о местном самоуправлении 2003 года.

ZAKHAROV, A.K.
PECULIARITIES OF LEGAL REGULATION OF TERRITORIAL
ORGANIZATION OF LOCAL SELF-GOVERNMENT IN THE CLOSED
ADMINISTRATIVE-TERRITORIAL FORMATIONS AND CITIES-CITIES

Keywords: closed administrative-territorial formation, city science city, municipality, territorial organization of local self-government

In the article the author reveals the legal regulation of territorial organization of local self-government in the closed administrative-territorial formations and cities-the cities as varieties of municipalities in respect of which the territorial unit is not regulated by the Federal law on local self-government in 2003.

Говоря о территориальной организации городских округов, необходимо заметить еще, что по-прежнему остается ряд разновидностей муниципальных образований, в отношении которых территориальное устройство не регулируется Федеральным законом о местном самоуправлении 2003 г.: речь идет, прежде всего, о закрытых административно-территориальных образованиях (ЗАТО) и городах-наукоградах. Следует заметить, что правовой статус ЗАТО регулируется Законом Российской Федерации «О закрытом административно-территориальном образовании» [1].

Статус ЗАТО предусматривает, что такое муниципальное образование управляется федеральными органами госвласти по определенным в законе вопросам. Кроме того, решение о создании ЗАТО принимается Президентом Российской Федерации. Еще один особый статус муниципальных территорий касается наукоградов, особенности правового регулирования и порядок создания которых также определяются специальным законодательством [2]. Статус наукограда означает, что он получает финансирование за счет федерального бюджета, и его органы местного самоуправления подконтрольны в своей деятельности федеральным органам госвласти.

Как видно, наличие территориальных образований в виде ЗАТО и наукоградов означает расширение на федеральном уровне числа субъектов, формально имеющих право регулировать полномочия местного значения. Вместе с тем, такой статус ЗАТО представляется оправданным, учитывая необходимость решения проблем федерального уровня, связанных с обособлением особых территорий. В силу особой специфики мы не будем подробно анализировать данные вопросы.

Таким образом, изложенное позволяет констатировать, что территориальная организация городских округов нуждается в более совершенном правовом регулировании. В частности, представляется неоправданным запрет на наличие на территории городского округа другого муниципального образования в виде отдельного населенного пункта, поскольку в реальности по своему составу территории городских округов представляют собой зачастую довольно сложные образования, куда помимо собственно городского населенного пункта (города) как территориальной основы городского округа входят пригородные населенные пункты. Причем по площади территории населенных пунктов и их количеству городские округа нередко соразмерны с муниципальными районами. И только относительно недавно федеральным законом от 27 мая 2014 г. в Федеральный закон о местном самоуправлении 2003 г. были внесены изменения, согласно которым на территории городского округа, в соответствии с законом субъекта Российской Федерации, могут формироваться внутригородские районы как самостоятельные муниципальные образования. Однако такой шаг законодателя по отношению к городским округам явно недостаточен. В этой связи представляется необходимым допускать возможность наделения компактно расположенных населенных пунктов на территории городского округа статусом

поселения, которое целесообразно обозначать как «поселок в составе городского округа».

Однако это должно быть возможным при соблюдении следующих условий. Во-первых, должна быть выражена инициатива самого этих поселков. Это может быть выявлено путем опроса жителей населенного пункта в рамках ст. 32 Федерального закона о местном самоуправлении 2003 г., для чего необходимо внести в эту статью соответствующие коррективы, связанные с возможностью проведения опроса по инициативе самого населения, чего в настоящее время действующий Федеральный закон о местном самоуправлении 2003 г. не предусматривает.

Во-вторых, решение субъекта Российской Федерации о наделении населенного пункта статусом муниципального образования может состояться только при наличии согласия на это представительного органа городского округа. При этом такие муниципальные образования, в отличие от поселений муниципального района, должны иметь более ограниченный перечень вопросов местного значения (с целью обеспечения единства инфраструктурного хозяйства городского округа), и такой перечень должен утверждать также представительный орган городского округа.

Соответственно предлагается абз. 2 ч. 1 ст. 10 Федерального закона о местном самоуправлении изложить в следующей редакции: «В городских округах в соответствии с законами субъекта Российской Федерации местное самоуправление может осуществляться также на территориях внутригородских районов и поселков в составе городского округа». А второй абзац ч. 6. 2 ст. 13 предлагается изложить в следующей редакции: «Поселение, присоединяемое к городскому округу с внутригородским делением, наделяется законом субъекта Российской Федерации статусом внутригородского района или поселения в составе городского округа». Такой подход позволяет, во-первых, более гибко учитывать своеобразие сложившихся исторически территорий населенных пунктов, входящих в состав городского округа; во-вторых, будет способствовать повышению уровня гражданской активности населения; в-третьих, позволит сохранить имеющиеся традиции, когда такого рода населенные пункты имели свои выборные органы местной власти.

В связи с этой неопределенностью и нечеткостью регулирования ситуаций, связанных с возможным преобразованием муниципальных районов в городские округа, целесообразно внести соответствующие коррективы в ст. 11 Федерального закона о местном самоуправлении 2003 г., в частности, п. 14 ч. 1 ст. 11 следует изложить в такой редакции: «территория городского округа не входит в состав муниципального района и не может быть сопредельной с территорией другого городского округа».

Требует своего более четкого регулирования также вопрос о статусе административного центра муниципального района в связи с городским округом. Муниципальная практика дает основание для корректировки соответствующих норм Федерального закона о местном самоуправлении 2003

г. в том отношении, что административный центр муниципального района не должен наделяться статусом городского округа, поскольку муниципальное образование должно быть самодостаточным для решения вопросов местного значения, в том числе это должно касаться места расположения административно-управленческих структур – если таковые располагаются на территории другого муниципального образования, то это свидетельствует о несостоятельности данного муниципального образования. Если же этот город будет развиваться активнее всего района, то следует ставить вопрос о преобразовании муниципального района в городской округ. Соответственно, предлагается закрепить указанное предложение в законе, изложив п. 10 ч. 1 ст. 11 Федерального закона о местном самоуправлении 2003 г. в следующем виде «административный центр муниципального района не может наделяться статусом городского округа».

Следует также уточнить законодательное положение в части учета мнения населения при преобразовании муниципальных образований. Так, объединение поселения с городским округом по действующему закону осуществляется без проведения голосования населения поселения, которое в результате преобразования может утратить статус муниципального образования. А с учетом предложения о том, что в составе городского округа может находиться муниципальное образование в виде поселка в составе городского округа., абз. 1 ч. 3.1 ст. 13 Федерального закона о местном самоуправлении 2003 г. предлагается изложить в следующей редакции: «Объединение поселения с городским округом осуществляется с согласия населения поселения, выраженного путем голосования, и городского округа, выраженного представительным органом городского округа, а также с учетом мнения населения муниципального района, выраженного представительным органом соответствующего муниципального района».

Литература и источники

1. О закрытом административно-территориальном образовании: Закон Российской Федерации от 14 июля 1992 г. № 3297-1 (в ред. 22 ноября 2011 г.) // Справочно-правовая система «Консультант+» (дата обращения – 16. 04. 2013 г.).
2. О статусе наукограда в Российской Федерации: Федеральный закон от 7 апреля 1999 г. № 70-ФЗ (в ред. 02 июля 2013 г.) // Справочно-правовая система «Консультант+». 2007 (дата обращения – 30.09. 2013 г.).
3. Павловская В.Ю. Местный бюджет в экономической системе муниципального образования и его законодательное регулирование // Современная научная мысль. 2013. №1. С.71-74.
4. Жамборов А.А. Глава муниципального образования в системе властеотношений на местном уровне // Современная научная мысль. 2013. №1. С.77-80.

5. Эртель А.Г. Институты регионального развития // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2010. №3. С.316-317.

Захаров А.К. - помощник межрайонного прокурора г. Анапы Краснодарского Края. Тел. 8 9181111444

Zakharov A.K. - assistant Interdistrict Prosecutor, Anapa, Krasnodar Territory. Phone 8 9181111444

УДК 343.97

ЗОРИНА Т.А.
**ОБЩЕСОЦИАЛЬНЫЕ ПРИЧИНЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
СОВЕРШАЕМЫХ В УСЛОВИЯХ ПРИРОДНЫХ БЕДСТВИЙ И
ТЕХНОГЕННЫХ КАТАСТРОФ**

Ключевые слова: причины преступности, общесоциальный уровень, детерминация преступности, техногенные катастрофы, природные бедствия, инфляция, идеологические причины, псевдоидеологизация, криминализация мигрантов

Автор исследует общесоциальные причины преступлений, совершаемых в условиях природных бедствий и техногенных катастроф, рассматривает некоторые общесоциальные причины преступлений. Особое внимание уделяется политическим и экономическим факторам, процессам криминализация мигрантов из зарубежных стран. В статье рассматриваются также идеологические причины и условия, порождающие преступления.

ZORINA, T.A.
**GENERAL SOCIAL CAUSES OF CRIME COMMITTED IN THE CONTEXT
NATURAL DISASTERS AND MAN-MADE DISASTERS**

Keywords: causes of crime, social level, determination of crime, man-made disasters, natural disasters, inflation, ideological reasons, psevdoidologizatsiya, criminalization of migrants

The author investigates the general social causes of crime committed in the context of natural and technological disasters, considers some general social causes of crime. Particular attention is paid to the political and economic factors, processes criminalization of migrants from foreign countries. The article also discusses the ideological causes and conditions that give rise to crime.

Причины преступности – это детерминанты, которые непосредственно порождают и воспроизводят преступность и преступления, как свое закономерное следствие [1].

Под причинами преступности следует понимать такие явления общественной жизни, которые порождают преступность, поддерживают ее существование, прирост или снижение. К условиям же следует отнести природные, социальные и техногенные факторы, не порождающие, а способствующие совершению преступлений [2].

Вместе с тем, как справедливо подчеркивал В.Н. Кудрявцев: «причины и условия иногда могут меняться местами; одно и то же явление (например, бесхозяйственность) может в одних случаях порождать преступления, а в других только содействовать им. Причины и условия, ей способствующие, объединяются общим понятием детерминации преступности, т.е. объективной зависимостью причинной обусловленности её от других явлений природы и общества» [3].

Анализ причин и условий изучаемых преступлений особенно актуален вследствие обострения социально-экономической и политической обстановки в стране, роста преступности, урбанизации населения, упадка нравственности и морали.

В процессе детерминации преступности, по мнению В.В. Панкратова, участвует множество взаимосвязанных факторов, не обладающих прямым воздействием на совершение преступлений, а действующих опосредованно, через накопленный в подсознании материал, поэтому причины преступности нужно понимать как результат развития взаимосвязанных и взаимообусловленных криминообразующих факторов разных уровней [4].

Преступность в условиях природных бедствий и техногенных катастроф можно считать частью политической, экономической и корыстно-насильственной и экстремальной преступности, поэтому на них распространяются практически все процессы, характерные для перечисленных видов преступности [5].

На общесоциальном уровне к ним можно отнести масштабные социально значимые экономические, политические, идеологические, социально-психологические и иные причины и условия в зависимости от содержания и сфер деятельности.

По мнению А.В. Щербининой, к факторам общесоциального уровня, свойственным изучаемым преступлениям, относятся:

- экономические, появляющиеся в форме спада производства, сокращения рабочих мест, срыва договорных поставок, налогового бремени, низкого уровня потребительского рынка, экономического диктата банков, монополизме;

- экологические, включающие опасность экологических катастроф локального характера из-за работы на изношенной или устаревшей технике;

ПРАВО

– кадровые, заключающиеся в низком уровне профессионализма руководителей и исполнителей, недостаточной трудовой мотивации, слабой дисциплине, низком уровне заработной платы, текучести кадров, несоблюдении правил техники безопасности;

– социальные, характеризующиеся снижением уровня жизни, социальной незащищенностью, вынужденным уменьшением затрат на социальную сферу;

– организационные, включающие неэффективные вертикальные и горизонтальные связи руководителей подразделений, безответственность, недоработки в организации информационной основы деятельности, в не должном контроле за реализацией решений, невозможность качественного планирования, частые конфликты;

- организационно-управленческие, заключающиеся в нарушениях договорных обязательств, нечестности партнеров, стремлении определенных кругов взять под свой контроль производство в ущерб работающим лицам, низкой правовой культуре и несоблюдении законов;

– индивидуальные, направленные на конкретную личность и заключающиеся в недостаточном уровне развития личностно-деловых и профессионально важных качеств, умениях и знаниях, неумении предвидеть изменения в ситуациях управления, низкой стрессоустойчивости, возникновении ощущения опасности и угрозы здоровью личности [6].

По мнению А.Г. Мусейдова: «вся преступность антипедагогична. Дефекты, диспропорции, недостатки, просчеты в воспитательной работе являются существенными слагаемыми причинного комплекса преступности. Это, прежде всего, относится к преступности несовершеннолетних и молодежи, в сфере семейно-бытовых отношений, в условиях экологических и техногенных катастроф и др.» [7].

К политическим причинам и условиям на общесоциальном уровне, детерминирующим изучаемые преступления, мы относим:

- бездействие правового механизма разрешения острых социальных конфликтов;

- игнорирование реальных потребностей человека в формировании политических интересов государства.

Следующим общесоциальным политическим фактором, порождающим изучаемые преступления, является игнорирование реальных потребностей человека в формировании политических интересов государства.

Политические интересы являются основополагающим в преобразовании российского общества и государства. Они являются также средством защиты от беззакония со стороны государства при осуществлении власти, обеспечения самостоятельности общества и его самоориентировании в системе политического существования.

К экономическим причинам и условиям нами отнесены: инфляция, разрыв в уровне материального обеспечения населения, дороговизна товаров и услуг, ограничение прав собственности [8], криминализация мигрантов из

зарубежных стран.

В связи с этим, Р.Н. Хатыпов справедливо отмечает, что существенное увеличение внутренних цен на энергоносители, мировой и внутрисоссийский кризис ликвидности, беспрецедентное наращивание бюджетных расходов являются слагаемыми социально-экономической детерминации, грозящей инфляцией и, как следствие, увеличением корыстно-насильственной преступности [9].

На наш взгляд, инфляция опасна тем, что она активно детерминирует:

- расхождение между государственными доходами и расходами, покрываемое новыми эмиссиями денег и увеличивающиеся денежные массы;
- милитаризацию экономики в связи с опасными инвестициями;
- наличие «грязного» рынка и вынужденной конкуренции;
- сокращение производства и предложений на товары, влекущие дефицит и поднятие цен на них;
- повышение курса национальной валюты по отношению к валютам других стран (международным счётным денежным единицам, золоту), способствующее импорту и затрудняющее экспорт товаров;
- самогенерация инфляции за счет смирения граждан с постоянным ростом цен, повышением потребительских интересов, откладыванием денежных средств.

Следовательно, чем интенсивнее инфляция, тем интенсивнее преступность в условиях природных бедствий и техногенных катастроф, соответственно, и тем чаще совершаются убийства, хищения, теракты, захваты заложников, хулиганства другие преступления.

Вторым активным фактором, детерминирующим изучаемые преступления, является разрыв в уровне материального обеспечения населения, что особенно порождает социальную напряженность в обществе и общее недовольство населения. Разница в уровне материальной обеспеченности вызывает неуверенность в возможности улучшения гражданами своего материального положения, деформирует их сознание и приводит к совершению изучаемых преступлений.

Не менее активным в детерминации изучаемых преступлений является дороговизна товаров и услуг для населения. В целом по России прожиточный минимум на душу населения составляет за IV квартал 2010 г. на душу населения 5902 рубля, для трудоспособного населения - 6367 рублей, пенсионеров - 4683 рубля, детей - 5709 рублей [10].

Следующей активной общесоциальной причиной изучаемых преступлений является криминализация мигрантов из зарубежных стран.

Реальную угрозу национальной безопасности России представляет преступность мигрантов из стран ближнего зарубежья, в особенности находящихся на нелегальном положении.

ПРАВО

На наш взгляд, совершению мигрантами преступлений в условиях природных бедствий и техногенных катастроф, способствует отсутствие их нормального социального положения в РФ, а именно:

- соразмерного распределения лиц, временно пребывающих в РФ и средств на их содержание по субъектам РФ;
- механизма реализации бюджетных средств, предназначенных для обустройства мигрантов;
- условий для их социально-бытовой, трудовой, культурной и языковой адаптации, вступления в профсоюзы, реализации конституционных прав и свобод, налаживания отношений с местными жителями;
- региональных и межрегиональных систем обмена информацией о мигрантах.

К идеологическим причинам и условиям, порождающим изучаемые преступления, на общесоциальном уровне можно отнести отсутствие единой позитивной идеологии и непонимание гражданами истинных ценностей общества. На наш взгляд, в России отсутствует единая идеология государства, определяющая правильные ориентиры поведения граждан в обществе.

На наш взгляд, отсутствие идеологии или псевдоидеологизация общества, вредна тем, что:

- негативно влияет на общественные отношения;
- развивает инакомыслие;
- лишает политику нормальной правовой основы;
- оправдывает любые средства для достижения целей;
- определяет неправильное понимание гражданами истинных ценностей жизни.

К психологическим факторам изучаемых преступлений можно отнести: острую социальную напряженность; отсутствие у граждан социально-правовой защищенности; нежелание граждан участвовать в борьбе с преступностью; виктимное поведение потерпевших; негативное влияние СМИ на сознание и поведение людей.

Выявленные обстоятельства обуславливают социальную напряженность в обществе, являющуюся определяющим фактором при анализе общего состояния нашего государства и порождающим преступность в условиях природных бедствий и техногенных катастроф. К тому же кризисное состояние общества может направить его развитие в сторону глобальной социальной катастрофы, а, следовательно, в сторону ослабления устойчивости системы национальной безопасности.

На наш взгляд, социальная напряженность во многом обуславливает возникновение экстремально-криминогенных ситуаций в условиях природных бедствий и техногенных катастроф, приводящих к совершению таких опасных преступлений, как убийства, хищения, террористические акты, захват заложников, вандализм, уничтожение или повреждение имущества.

Следующим общесоциальным психологическим фактором,

детерминирующим изучаемые преступления, является отсутствие у граждан уверенности в социально-правовой защищенности, негативно влияющей на их внутреннее психо-эмоциональное состояние [11].

Кроме того, низкая раскрываемость преступлений порождает неверие граждан в способность правоохранительной системы противостоять преступлениям, совершаемым в условиях природных бедствий или техногенных катастроф.

Нежелание граждан участвовать в борьбе с преступностью является еще одним психологическим фактором, детерминирующим рост преступлений, совершаемых в условиях природных бедствий и техногенных катастроф. В их механизме количество очевидцев всегда многочисленно.

При совершении преступлений в условиях природных бедствий или техногенных катастроф опасения окружающих за свою жизнь и здоровье, по нашему мнению, вызвано инстинктом самосохранения. Оно сопровождается привычным отношением к повседневным неординарным ситуациям жизни.

На оценку обществом угроз безопасности граждан в условиях природных бедствий и техногенных катастроф влияет информация о них в СМИ, поэтому, в частности, сотрудники полиции должны сопровождать свою работу научно обоснованными или аналитически продуманными комментариями о экстремально-криминогенных проблемах в обществе, связанных с природными или техногенными катастрофами.

Литература и источники

1. Криминология / под общ. ред. Ю. Ф. Кваши. Ростов н/Д: Феникс, 2002. С. 52.
2. Ковалев В.В. Права и обязанности человека и гражданина в условиях чрезвычайного и военного положения // Современная научная мысль. 2013. №3. С.123-128.
3. Криминология: учебник /под ред. В. Н. Кудрявцева и В. Е. Эминова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2009. С. 108.
4. Ли Д.А. Преступность в России: системный анализ. М.: Гелва, 1997. С. 12–17.
5. Зорина Т.А. Виды преступлений совершаемых в условиях природных бедствий или техногенных катастроф // Право и практика. 2013. №2.
6. Щербинина А.В. Психологические характеристики экстремальных ситуаций в управленческой деятельности. М.: МААН, 1997. С. 46.
7. Мусеилов А.Г. Взаимосвязи теории предупреждения преступлений с психологией и педагогикой // Общество и право. 2008. № 2.
8. Турицын А.В. Отдельные проблемы принудительного прекращения права собственности на земельные участки // Современная научная мысль. 2013. №2. С.133-140.
9. Хатыпов Р.Н. Уголовно-правовая характеристика корыстно-насильственной преступности в современной России: учеб. пособие. Уфа: УЮИ МВД России, 2002. С. 44.

10. Об установлении величины прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения в целом по Российской Федерации за 4 квартал 2010 г.: постановление Правительства РФ от 16 декабря 2010 г. № 1020 // Российская газета. 2011. № 69.

11. Фомин А.А. Роль правосудия в обеспечении юридической безопасности личности // Российский судья. 2005. №9. С. 32.

Зорина Т.А. - старший преподаватель кафедры гуманитарных и правовых дисциплин филиала Адыгейского государственного университета в г.Белореченск (chess.queen@yandex.ru)

Zorina, T.A. - Senior Lecturer, Department of Humanities and legal disciplines branch of Adyge State University in Belorechensk

УДК 342.97

ЛУКОВ М.М.

ОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЕ НА СОСТОЯНИЕ ОПЬЯНЕНИЯ В СИСТЕМЕ МЕР АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ

Ключевые слова: освидетельствование, медицинское освидетельствование, состояние опьянение, административное правонарушение, алкотестер

В статье автор анализирует законодательство, регулирующее вопросы освидетельствования на состояние опьянения, приходит к выводу о том, что факт опьянения должен устанавливаться только соответствующим медицинским работником, то есть должно проводиться медицинское освидетельствование.

LUKOV, M.G.

EXAMINATION FOR INTOXICATION IN THE SYSTEM OF MEASURES OF COERCION ADMINISTRATIVE

Keywords: examination, medical examination, intoxication, an administrative offence, the breathalyzer

In article the author analyzes the legislation regulating the examination for intoxication, comes to the conclusion that the fact of intoxication should be installed only by a health care worker, i.e. - should be a medical examination.

Исследование нормативных правовых актов административного законодательства показывает, что деятельность по определению наличия состояния опьянения, принято именовать «освидетельствованием на состояние опьянения». Само слово «освидетельствование» в словаре русского языка

означает «подтверждать, доказывать, осматривать с целью определения чего-нибудь» [1, с.625]. Тем не менее, ни современное административное законодательство, ни ранее действовавшее не содержат определения понятию «освидетельствование на состояние опьянения».

Впервые термин «освидетельствование на состояние опьянения» применительно к административному праву нашел отражение в Положении о Государственной автомобильной инспекции, утвержденном Советом Министров СССР в 1978 году [2, с.124]. Этот документ предоставлял инспекции право использовать в установленном порядке технические средства для определения состояния опьянения водителей транспортных средств или направлять водителей в необходимых случаях для этих целей на освидетельствование в медицинские учреждения (п. 7).

Далее об освидетельствовании на состояние опьянения было сказано в приказе Минздрава СССР от 4 января 1983 года № 3 (приложение 7) [3], а также в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 15 марта 1983 года «Об административной ответственности за нарушения правил дорожного движения» (п.9) [4, с.174]. Эти документы также предусматривали проведение освидетельствования только в отношении водителей транспортных средств, если имелись достаточные основания полагать о нахождении их в состоянии опьянения.

В последующем освидетельствование на состояние опьянения в отношении водителей транспортных средств (судоводителей) было закреплено в Кодексе РСФСР об административных правонарушениях (ст. 245), а затем и в КоАП РФ (ст. 27.12). Причем оба кодекса отнесли освидетельствование в качестве одной из мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях.

Несмотря на широкое применение освидетельствования на состояние опьянения, в законодательстве отсутствовало четкое правовое регулирование этой деятельности, а также ее методическое обеспечение. И только развернувшаяся в середине 80-х годов прошлого столетия государственная политика, направленная на борьбу с пьянством [5, с.155], вызвала необходимость в детальном регулировании порядка освидетельствования. Это было связано с тем, что устанавливалась дисциплинарная и административная ответственность за появление в общественных местах в пьяном виде, оскорбляющем человеческое достоинство и общественную нравственность, за распитие спиртных напитков на производстве и пребывание на работе в нетрезвом состоянии.

Наряду с этим, была установлена административная ответственность за доведение несовершеннолетнего до состояния опьянения, и оговаривались условия помещения в медицинский вытрезвитель лица, находящегося в средней и тяжелой степени опьянения. В результате нового курса, 1 сентября 1988 г. сразу тремя ведомствами СССР (МВД, Минздрав, Прокуратура) принимается, можно сказать, основополагающий нормативный правовой акт – Временная

инструкция медицинского освидетельствования для установления факта употребления алкоголя и состояния опьянения. Для конкретизации порядка проведения освидетельствования Минздравом СССР утверждаются Методические указания «Медицинское освидетельствование для установления факта употребления алкоголя и состояния опьянения».

Указанные документы, в какой-то степени, урегулировали порядок установления факта употребления алкоголя и состояния опьянения в случаях, когда законом предусматривалась дисциплинарная или административная ответственность за потребление алкоголя либо пребывание в состоянии опьянения, за распитие спиртных напитков на работе. А также в случаях, когда состояние опьянения могло быть расценено как грубая неосторожность потерпевшего, содействовавшая возникновению или увеличению вреда, и способная повлечь полную материальную ответственность за причиненный вред (ущерб) в связи с исполнением трудовых обязанностей и т.п. Однако в неудовлетворительном состоянии осталось правовое обеспечение освидетельствования на состояние опьянения, вызванного употреблением наркотических (одурманивающих) веществ. Вместе с тем, следует привести основанное на результатах изучения правоприменительной практики мнение некоторых авторов о том, что освидетельствование на состояние опьянения проводилось не всегда достаточно компетентными лицами и по несовершенной методике [6, с.97].

Анализ законодательства, регулирующего вопросы освидетельствования на состояние опьянение, привел к выводу о том, что факт опьянения должен устанавливаться только соответствующим медицинским работником, т. е. – должно проводиться медицинское освидетельствование.

Переходя к вопросу об отношении освидетельствования к административному принуждению, необходимо отметить, что данную процедуру относят к мерам обеспечения производства по делам об административных правонарушениях. В свою очередь производство по делам об административных правонарушениях – это совокупность административно-правовых норм, определяющих порядок всестороннего, полного, объективного и своевременного выяснения обстоятельств каждого дела об административном правонарушении, разрешения его в соответствии с законом, а также обеспечения исполнения вынесенного постановления.

Для обеспечения производства по делам об административных правонарушениях законодательство устанавливает определенные меры. Целью таких мер, согласно ч. 1 ст. 27.1 КоАП РФ, является пресечение административного правонарушения, установление личности нарушителя, составление протокола об административном правонарушении при невозможности это сделать на месте выявления правонарушения, обеспечение своевременного и правильного рассмотрения дела об административном правонарушении и исполнения принятого по делу постановления.

Меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, как в целом [7], так и отдельные из них [8], не раз становились предметом научного исследования на монографическом уровне. Основным предназначением данных мер является принудительное обеспечение соответствующей правовой процедуры – производства по делам об административных правонарушениях.

Освидетельствование на состояние опьянения как мера обеспечения производства по делам об административных правонарушениях предусмотрена ст. 27.12 КоАП РФ. В частности в п. 1¹ этой статьи говорится, что «лицо, которое управляет транспортным средством соответствующего вида и в отношении которого имеются достаточные основания полагать, что это лицо находится в состоянии опьянения, подлежит освидетельствованию на состояние алкогольного опьянения При отказе от прохождения освидетельствования на состояние алкогольного опьянения либо несогласии указанного лица с результатами освидетельствования, а равно при наличии достаточных оснований полагать, что лицо находится в состоянии опьянения, и отрицательном результате освидетельствования на состояние алкогольного опьянения указанное лицо подлежит направлению на медицинское освидетельствование на состояние опьянения». Из этого положения следует, что освидетельствование применяется только в отношении лиц, управляющих соответствующими видами транспортных средств.

Между тем, как уже отмечалось, КоАП РФ, а также законодательство субъектов РФ об административных правонарушениях предусматривают установление состояния опьянения и в ряде других случаев, однако проведение освидетельствования для таковых не предусмотрено. Поэтому до сих пор остается не ясным, каким образом, и на каком основании следует устанавливать состояние опьянения в следующих случаях [9].

1. При совершении правонарушений, выразившихся в допуске к управлению механическим транспортным средством лица, находящегося в состоянии опьянения (ст. 12.32 КоАП РФ). Субъектом таких правонарушений является должностное лицо, ответственное за техническое состояние и эксплуатацию соответствующих транспортных средств. Объективная сторона правонарушения выражается в допуске к управлению транспортным средством водителя, находящегося в состоянии опьянения. Под допуском понимается разрешение указанного должностного лица на выполнение водителем функций по управлению транспортным средством. Иными словами, для привлечения субъекта правонарушения к ответственности не требуется, чтобы водитель непосредственно приступил к управлению транспортным средством, привел его в движение (начал эксплуатировать); здесь достаточно установить состояние опьянения водителя (судоводителя) и факт разрешения должностного лица о допуске его к управлению транспортным средством. Однако, правовые основания для направления водителя на освидетельствование на состояние

опьянения отсутствуют, поскольку непосредственно к управлению транспортным средством он еще не приступил.

2. При выявлении правонарушений, предусмотренных ч. 2 ст. 12.29 КоАП РФ (управление мопедом, велосипедом, гужевым транспортом лицом, находящимся в состоянии опьянения, а также нарушение ПДД, совершенное в состоянии опьянения другим лицом, непосредственно участвующим в процессе дорожного движения).

Необходимо отметить, что при управлении в состоянии опьянения мопедом (велосипедом, гужевым транспортом) КоАП РФ не содержит правовых оснований даже для отстранения от управления соответствующего водителя, а также для задержания этих транспортных средств.

В настоящее время более или менее урегулирована процедура освидетельствования на состояние опьянения и ответственность за отказ от его прохождения в области безопасности дорожного движения, хотя как видно из вышесказанного проблемы существуют. Но в современной правоохранительной практике все чаще встает вопрос о привлечении к административной ответственности лиц, находящихся в общественном месте в состоянии опьянения. Ведь для того чтобы подвергнуть наказанию, например, по ст.ст.6.9,20.2, 20.22 КоАП РФ одних показаний свидетелей становится недостаточным, необходимо обеспечить наиболее полную доказательственную базу. А как это осуществить?

Процедура освидетельствования на данный момент не прописана в КоАП как обязательная, а является добровольной и вследствие чего применение вышеуказанных норм становится невозможным. Законодатель должен четко регламентировать действия сотрудника полиции по осуществлению процедуры освидетельствования, а также установить правовые последствия за отказ от её прохождения.

Сейчас идет активное обсуждение инициативы МВД России, которое нашло свое отражение в проекте Федерального закона «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» [10], расширяющего права полицейских. Данная инициатива МВД вызвала со стороны правозащитников и как следствие граждан волну недовольства и критики. По их мнению, полиция пытается создать новый репрессивно-коррупционный инструмент, получить право приставать ко всем прохожим с алкотестером, чтобы либо наложить штраф, либо получить взятку. Но это далеко не так.

Как следует из текста документа, предлагается тестировать на алкоголь отнюдь не всех без разбора, а лишь тех, кто совершил правонарушение. Речь при этом идет о любом административном проступке, хотя в законопроекте отдельно – и совершенно логично – упоминается статья 20.21 КоАП («Появление в общественных местах в состоянии опьянения, оскорбляющем человеческое достоинство и общественную нравственность»). Суть проведения освидетельствования выражается в установлении факта совершения

ПРАВО

административных правонарушений в состоянии опьянения. Ведь совершение действий противоречащих закону в состоянии опьянении является наиболее опасным для окружающих, так как пьяный человек не контролирует своих действий и его тянет на «подвиги». Со слов первого заместителя министра внутренних дел Александра Горового «За последние пять лет число преступлений, совершенных гражданами в состоянии опьянения, увеличилось вдвое» [11]. Из смысла статьи видно, что достоверно установить факт опьянения может лишь освидетельствование. Причем, этот момент, согласно логике КоАП, принципиально важен и при разбирательстве абсолютно всех прочих правонарушений, поскольку, согласно статье 4.3, «совершение административного правонарушения в состоянии опьянения» относится к числу отягчающих обстоятельств. В тексте Проекта прямо указано, что освидетельствование на предмет опьянения (то есть, предварительное исследование с помощью алкотестера) [12] проводят уполномоченные на то сотрудники полиции. Если же гражданин отказывается пройти эту процедуру или не согласен с ее результатами, об этом составляется соответствующий протокол, после чего нарушитель «подлежит направлению на медицинское освидетельствование». Спорным становится вопрос: «Насколько обоснована и справедлива подобная юридическая конструкция с точки зрения соблюдения прав человека»? На сегодняшний день введение данной нормы является необходимостью, так как у полицейских нет никаких законных оснований проводить освидетельствование гражданина даже в том случае, если он действительно в стельку пьян и ведет себя неадекватно.

И наконец, в правоприменительной практике освидетельствование, медицинское освидетельствование в отношении лиц, не являющихся водителями транспортных средств, осуществляется в соответствии с Временной инструкцией о порядке медицинского освидетельствования для установления факта употребления алкоголя и состояния опьянения Минздрава СССР от 1 сентября 1988 г. №06/33-14. То есть в правоотношениях с пьяными гражданами сотрудники полиции руководствуются документом несуществующего ведомства и государства и невольно встает вопрос, может ли инструкция быть приравнена к закону. В данном контексте инициатива МВД считается целесообразной и правильной. И если в Проекте и есть на что обратить внимание законодателя, то только на те проблемы, которые связаны с критериями оценки стадии опьянения, а также неясность формулировки «достаточных оснований полагать, что гражданин находится в пьяном виде» и правовые последствия для граждан, отказавшихся от освидетельствования.

Литература и источники

1. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Рус. яз., 1981. С. 625.
2. СП СССР. 1978. № 20. ст. 124.

3. Приказ Минздрава СССР от 04.01.1983 №3 «О профилактике дорожно-транспортных происшествий и совершенствовании системы оказания медицинской помощи пострадавшим при дорожно-транспортных происшествиях»
4. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 15 марта 1983 г. // Ведомости ВС СССР. 1983. № 12. ст. 174.
5. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 16 мая 1985 г. // Ведомости ВС СССР. 1985. № 10. ст. 155.
6. Проблемы борьбы с пьянством, алкоголизмом и наркоманией на региональном уровне (по материалам конкретно-социологического исследования) // Советское государство и право. 1988. № 1. С. 97.
7. Попугаев Ю.И. Административно-процессуальные меры, применяемые в связи с совершением правонарушения (по материалам деятельности советской милиции): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: МВШМ МВД РСФСР, 1991; Дворяк А.И. Меры административно-процессуального пресечения, применяемые милицией: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: МЮИ МВД России, 1996; Макаров Д.В. Правовые и организационные вопросы применения мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях в сфере дорожного движения. Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2003; Хвастунов К.В. Меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, применяемых милицией: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск: Южно-Уральский государственный университет, 2004; Карагодин А.В. Применение органами внутренних дел мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: МУ МВД России, 2006. - С.16.
8. Кудрявцев В.П. Административное задержание (Правовой и организационно-тактические аспекты): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: ВНИИ МВД СССР, 1983; Мягков А.В. Досмотр как мера административного принуждения, применяемая милицией: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск: Омская академия МВД России, 2004; Каплунов А.И. Административное принуждение, применяемое органами внутренних дел (системно-правовой анализ): Дис. ... докт. юрид. наук. М., 2005.
9. Колиева А.Э. О сущности судебного контроля над исполнением административных взысканий // Современная научная мысль. 2014. №2. С.83-88.
10. Проект Федерального закона от 25.01.2013 г. «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях»
11. <http://polit.ru/news/2013/12/03/sanctions/>
12. Согласно пояснительной записке, МВД планирует дополнительно закупить 11,4 тыс. приборов для определения алкоголя в организме человека. Из них 4,5 тыс. приборов предназначается для сотрудников ППС, 3,9 тыс. - для дежурных частей органов внутренних дел, 2 тыс. - для подразделений вневедомственной охраны, 1 тыс. - для подразделений ППС, работающих на транспорте. Всего для

закупки оборудования потребуется 572,5 млн. руб. На приобретение алкотестеров в федеральном бюджете предусмотрены ассигнования в объеме 90 млн руб. ежегодно// Пояснительная записка к проекту федерального закона от 25.01.2013 г. «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // regulation.gov.ru

Луков М.Г. – преподаватель кафедры конституционного и административного права Краснодарского университета МВД России. Россия, Краснодар (тел. 8-9615389409)

Lukov, M.G. – Lecturer of Constitutional and Administrative Law of the University of Krasnodar Russian Ministry of Internal Affairs. Russia, Krasnodar

УДК 34.028

МАКСИМОВ Г.Б. ФОРМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА

Ключевые слова: формы реализации права, правоприменение, правореализационные формы

В статье рассматриваются вопросы реализации норм права, анализируются формы реализации права: соблюдение, исполнение, использование, правоприменение. Автор обосновал вывод о том, что полная реализация норм объективного права невозможна без осуществления закрепленных в них субъективных прав и юридических обязанностей, а практическое воплощение прав и обязанностей в фактическом поведении предполагает одновременную реализацию соответствующих управомочивающих и предписывающих (обязывающих) юридических норм.

MAKSIMOV, G.B. FORMS OF REALIZATION OF THE RIGHT

Keywords: forms of realization of rights, enforcement, proreligion form

The article deals with the implementation of the rule of law, analyzes forms: compliance, enforcement, rights, enforcement. Author substantiate the conclusion that the full realization of the objective rules of law is impossible without the implementation of their subjective rights and legal responsibilities and the practical implementation of rights and obligations in the actual behavior involves the simultaneous implementation of appropriate prescribing and authorizes the (binding) legal norms.

ПРАВО

Современный подход к изучению проблемы правореализационного процесса связан с рассмотрением функциональных особенностей каждой формы осуществления права (соблюдение права, исполнение правовых норм, использование и применение юридических предписаний), а уж затем - с определением эффективности правореализационного процесса в обществе.

Соблюдение права предполагает отказ со стороны субъектов права от совершения действий, запрещенных юридическими нормами [1]. Участники правовых отношений при указанной форме реализации права ведут себя пассивно, воздерживаясь от совершения нежелательных с правовой точки зрения поступков. Исполнение права - совершение субъектом права активных действий, направленных на реализацию возложенных на него юридических обязанностей. Использование права предусматривает активные действия управомоченного лица, которые нацелены на осуществление субъективных прав и свобод, предоставленных указанному лицу правовыми нормами.

Действительно, разграничение ординарных форм реализации права (или форм непосредственной реализации прав) на виды можно произвести по характеру реализуемых норм: исполнение - для реализации обязывающих норм, соблюдение - для реализации запрещающих норм, использование - для реализации управомочивающих норм. Однако учитывая, что деление правовых норм на управомочивающие, обязывающие и запрещающие являются достаточно условными и проводятся исходя из того, как сформулирована норма в нормативно - правовом акте, на что сделан акцент - на субъективное юридическое право или на субъективную юридическую обязанность. В действительности же все эти нормы имеют представительско-обязывающий характер, т.к. они и представляют права и возлагают обязанности [2].

Однако в юридической литературе высказано мнение, что степень (уровень) активности субъекта вряд ли может быть положена в основу деления процессов непосредственной реализации норм права на формы, поскольку различные формы осуществления юридических норм (исполнение, использование) могут предусматривать активное поведение субъектов [3, с.53]. Кроме того, заявлено, что не совсем удачным в качестве критерия определения форм правореализации представляется деление осуществляемых норм на виды – управомочивающие, запрещающие и предписывающие (обязывающие).

Выдвигаются следующие аргументы. Во-первых, за рамками указанного деления остаются правовые нормы, которые по своему содержанию не могут быть отнесены к управомочивающим, запрещающим или предписывающим (обязывающим), но, в то же время, содержат в себе определенные возможности (дозволения) либо ограничения. А, во-вторых, многие правовые нормы имеют в своем содержании различные способы правового регулирования, поэтому отнесение правовой нормы к числу управомочивающих, предписывающих (обязывающих) либо запрещающих носит во многом условный характер и определяется преобладанием в диспозиции нормы соответствующего способа правового регулирования [3, с.55].

ПРАВО

Предлагается соотносить ординарные формы реализации не непосредственно с нормами, а с правами и обязанностями субъектов. Обязанность в своей реализации требует также двух форм, т.к. это обусловлено существованием двух видов правовой обязанности: активного и пассивного содержания.

Например, В.Н. Протасов писал: «Деление правовых норм на управомочивающие, обязывающие и запрещающие является достаточно условным и проводится, исходя из того, как сформулирована норма в нормативно-правовом акте, на что сделан акцент: на субъективное юридическое право или на субъективную юридическую обязанность. На самом деле все эти нормы имеют предоставительно-обязывающий характер: они и предоставляют права, и возлагают обязанности. Поэтому правильное соотношение названные формы реализации не непосредственно с нормами, а с правами и обязанностями субъектов. Так, использование - форма реализации субъективного юридического права, исполнение и соблюдение — формы реализации субъективной юридической обязанности» [4].

Исполнение предполагает правомерные действия субъекта, а соблюдение - воздержание от действий, запрещенных юридической обязанностью. Использование - означает, что управомоченный субъект извлекает из процесса реализации необходимые ему полезные свойства, блага, удовлетворяет свой интерес. Наличие интереса является мощным стимулом к реализации субъективных юридических прав. Вместе с тем и здесь требуется наличие ряда условий. Прежде всего, субъекты должны знать о том, что у них есть определенные права. Далее, они должны быть информированы о том, как реализовать свое право и как его защитить, при наличии естественного существования таких механизмов.

Соотносить формы непосредственной реализации, именуемые как ординарные формы реализации права (исполнение, соблюдение, использование), с субъективными юридическими правами и обязанностями, правильно еще и потому, что это позволяет вести о них речь не только как о формах реализации нормативно-правовых актов и содержащихся в них норм, но и как о формах реализации индивидуальных юридических актов и содержащихся в них конкретных указаний на права и обязанности субъектов [5].

Отсюда можно предположить сделать и еще один вывод, о том, что ординарные формы (или формы непосредственной реализации права) в любом случае завершают процесс реализации права. Даже в тех случаях, когда в процесс реализации права была включена стадия правоприменения. Таким образом, изложенный подход позволяет: с одной стороны, уточнить место применения права именно как стадии, а с другой - оценить значение форм непосредственной реализации права (или ординарных форм реализации права). При этом следует иметь в виду, что исполнение, соблюдение и использование,

будучи формами реализации субъективных юридических прав и обязанностей, в то же время являются и формами реализации правовых норм.

Некоторые авторы не согласны с делением правореализации на такие формы, как соблюдение, исполнение, использование и применение. В частности, А.В. Осипов считает, что правильно было бы говорить о существовании только трех форм реализации права: соблюдении, использовании, применении - и не проводить грань между соблюдением и исполнением правовых норм. По мнению названного автора, нельзя ограничивать соблюдение права только реализацией запретов, поскольку, требуя определенного поведения, законодатель рассчитывает не только на воздержание от запрещенных действий, но и на активные действия субъектов, совершение ими конкретных волевых актов [6].

Позиция А.В. Осипова основана на признании общей «обязательной» сущности как запрещающих, так и обязывающих правовых норм. В то же время запрещающие и обязывающие правовые нормы содержат в себе определенную юридическую обязанность, которая имеет различные способы осуществления. Применительно к запрещающим нормам это будет обязательное поведение, направленное на воздержание от совершения определенных поступков, а в отношении обязывающих норм - активное обязательное поведение. Именно характер правореализующих действий, совершаемых при реализации запрещающих и обязывающих норм, положен в основу разграничения соблюдения и исполнения права. В противном случае между запрещающими и обязывающими правовыми нормами вообще было бы трудно найти какое-либо различие, поскольку обязанность совершения активных, определенных действий можно представить как запрет на несовершение этих действий, и наоборот.

Ю.Х. Калмыков утверждает, что существуют только две формы реализации права: применение, предполагающее совершение активных действий, направленных на урегулирование общественных отношений, и соблюдение, характеризующееся общим юридическим воздействием на поведение людей. Указанный подход к определению и пониманию форм реализации права приводит ученого к выводу о том, что применение норм гражданского законодательства «... осуществляется не только компетентными органами государства и общественности, но и гражданами. Суть правоприменения состоит в совершении активных действий по претворению юридических предписаний в жизнь. Не имеет существенного значения субъект правоприменительной деятельности - им может быть гражданин, организация-юридическое лицо или государственная организация, наделенная властными полномочиями. Важно, чтобы активные действия указанных лиц или организаций вели к урегулированию определенных отношений путем привлечения к этому процессу соответствующих правовых норм» [7].

Недбайло П.Е. также считает, что граждане могут выступать субъектами применения права в части осуществления дозволительных

(управомочивающих) норм. Однако это объясняется своеобразным пониманием со стороны ученого правоприменительной деятельности как специфической деятельности, которая сопряжена с организацией осуществления правовых норм в правоотношениях и воздействием на обязанных лиц в этих отношениях [8].

Позиция Ю.Х. Калмыкова является весьма спорной и поэтому была подвергнута в юридической литературе обоснованной критике. Ю.С. Решетов, не соглашаясь с мнением ученого, справедливо утверждает, что расширение круга субъектов правоприменения лишит правоприменительную деятельность властного характера, который присущ ей во всех случаях [9].

С.С. Кузакбердиев в своем диссертационном исследовании считает целесообразным выделение самостоятельной формы реализации рекомендательных норм, которую он именует следованием. «Таким образом, - пишет автор, - в соответствии с четырьмя способами правового регулирования (запретом, обязыванием, дозволением, рекомендацией) и соответствующими видами юридических норм (запрещающими, обязывающими, управомочивающими, рекомендательными) необходимо различать четыре формы непосредственной реализации норм права: соблюдение, исполнение, использование и следование» [10].

Думается, что такой самостоятельной формы реализации норм права, как следование, не существует. В том случае, когда лицо не следует указаниям рекомендательной нормы, данная норма не реализуется вовсе. Если же лицо придерживается положений рекомендательной нормы, то указанная норма приобретает для него обязательный характер. В обозначенной ситуации рекомендательная норма реализуется либо в форме соблюдения, когда лицо согласно рекомендации воздерживается от нежелательного поведения, либо в форме исполнения, когда данное лицо согласно рекомендации совершает определенные активные действия.

По утверждению М.Ф. Орзиха, наряду с применением, исполнением и соблюдением правовых норм, «... другим видом (и одновременно формой) является реализация субъективного права» [11]. Как указывает Л.С. Явич, необходимо различать такие способы реализации права, как: 1) соблюдение правовых норм; 2) исполнение юридических обязанностей; 3) использование (приобретение и реализация) субъективных прав; 4) применение норм права [12]. Представляется, что мнение названных ученых требует уточнения, поскольку, указывая на формы правореализации, в одних случаях они говорят о реализации юридических норм, в других - об осуществлении субъективных прав и обязанностей.

При рассмотрении реализации права в качестве правомерного поведения многочисленных индивидуальных и коллективных субъектов, завершающего процесс правового регулирования общественных отношений, никаких принципиальных недочетов в словах М.Ф. Орзиха и Л.С. Явича нет. Связано это с тем, что полная реализация норм объективного права невозможна без

осуществления закрепленных в них субъективных прав и юридических обязанностей, а практическое воплощение прав и обязанностей в фактическом поведении предполагает одновременную реализацию соответствующих уполномочивающих и предписывающих (обязывающих) юридических норм.

В то же время, если говорить не о формах реализации права, включающих в себя только правомерное поведение, а о процессах перевода нормативных установлений в общественную практику в широком смысле, то между реализацией норм объективного права и осуществлением субъективных прав и юридических обязанностей знак равенства ставить нельзя. Воплощение в социальной практике норм объективного права включает в себя не только реализацию субъективных прав и юридических обязанностей в правомерном поведении субъектов, но и возникновение указанных прав и обязанностей.

Наиболее близкой к истине и отражающей необходимые особенности правового воздействия на поведение людей является традиционное для юридической науки мнение о делении правореализации на четыре формы: исполнение, соблюдение, использование и применение юридических норм [13].

Литература и источники

1. Дубинин М.Г. Содержание понятия права в рамках индивидуального судебного регулирования // Современная научная мысль. 2014. №4. С.178-186.
2. См.: Алексеев С.С. Эффективность правовых норм. М., 1986. С.22-29; Плахов В.Д. Социальные нормы: философские основания общей теории. М., 1985; Решетов Ю.С. Механизм правореализации в условиях развитого социализма. Казань, 1980. С. 89-96.
3. Сенников И.Е. Использование права как форма непосредственной реализации юридических норм. Дисс. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2003.
4. Протасов В.Н. Теория права и государства. Проблемы теории права и государства. М., 2001. С. 202.
5. Протасов В.Н. Правоотношение как система. М., 1991. С. 76-77.
6. Осипов А.В. Соблюдение норм советского права как форма их реализации. Дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1980. С.17.
7. Калмыков Ю.Х. Вопросы применения гражданско-правовых норм. Саратов, 1976. С.14.
8. Недбайло П.Е. Применение советских правовых норм. М., 1960. С. 137, 155.
9. Решетов Ю.С. Реализация норм советского права: Системный анализ. Казань, 1989. С.100.
10. Кузакбердиев С.С. Формы реализации норм права в деятельности органов внутренних дел. Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1996. С.47.
11. Орзих М.Ф. Формы реализации норм социалистического права // Советское государство и право. 1968. № 2. С. 102.
12. Явич Л.С. Формы реализации (осуществления) советского права // Общая теория советского права / Под ред. С.Н. Братуся и И.С. Самощенко. М., 1966. С. 264.

13. См.: Максимов Г.Б. Применение права – особая форма реализации права // Право и практика. 2013. №1.

Максимов Г.Б. - преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Российского государственного университета правосудия (г. Краснодар)

Maksimov, G.B. - Lecturer, Department of State and legal disciplines of the Russian State University of justice (Krasnodar)

УДК 343.195.3

ЛАРИН В.А.
**СОСТОЯНИЕ И СТРУКТУРА ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
СОВЕРШАЕМЫХ В СИТУАЦИЯХ ОСТРОЙ СОЦИАЛЬНОЙ
НАПРЯЖЕННОСТИ**

Ключевые слова: острая социальная напряженность, криминологический аспект, нарушение общественного порядка, совершение общественно опасных действий, массовые беспорядки, стихийные формы протеста, неоказание помощи больному, локальные конфликты, общественные бедствия

В статье осуществлен криминологический анализ преступлений, совершаемых в ситуациях острой социальной напряженности и определяемых как самостоятельный вид преступности. Автор исследует специфику преступлений экстремистской и террористической направленности на Северном Кавказе в 1990-2000-е годы, показывает трудности, возникающие при расследовании уголовных дел данной категории.

LARIN, V.A.
**STATUS AND STRUCTURE OF CRIMES
COMMITTED IN SITUATIONS OF ACUTE SOCIAL CRISIS**

Keywords: acute social tensions, criminological aspect, disturbing public order, a socially dangerous acts, riots, natural forms of protest, failure to render aid to the patient, local conflicts, social distress

The article presents the analysis of criminological crimes committed in situations of acute social tensions and defined as a separate type of crime. The author investigates the specifics of crimes of extremist and terrorist nature in the North Caucasus in 1990-2000-ies, indicates difficulties in the investigation of criminal cases in this category.

Социальная напряженность и высокий уровень политизации являются неотъемлемыми атрибутами российского общества в современном мире.

Нестабильность экономической и политической сферы, тревожный террористический фон и антитеррористические операции на Кавказе в сочетании со снижением уровня жизни и потерей системы социальных гарантий прошлого периода находят свое отражение в умонастроениях всего населения страны [1].

Понятие острой социальной напряженности обладает рядом характеристик. В частности, они сопровождаются нарушением работы органов государственной власти и, как следствие, снижением эффективности управления, обострением нужды, ослаблением факторов социального контроля, беспомощностью населения, страдающего от социальных конфликтов, появлением большого количества бездомных и безработных граждан.

Ситуации острой социальной напряженности бывают причиной и следствием преступной деятельности, порождая ее разнообразные характеристики, новые формы проявления. Такие ситуации возникают, как правило, внезапно, развиваются стремительно и не всегда, особенно на начальных стадиях, поддаются предупреждению и контролю. При этом они могут сохраняться в течение длительного периода, изменяясь по внешним и внутренним параметрам и криминогенной обстановки. Соответственно, ситуации острой социальной напряженности вызывают необходимость выработки специфических мер противодействия [2].

Криминологический аспект изучаемой проблемы состоит в определении:

- правового режима ситуации острой социальной напряженности;
- тенденций и закономерностей состояния преступности;
- детерминант, ее порождающих;
- обеспечение правовой основы профилактических и иных мероприятий.

Как правило, ситуации острой социальной напряженности сопровождаются трудно прогнозируемыми тяжелыми последствиями, часто по своему характеру являющимися общественным бедствием. Они существенно изменяют степень общественной опасности преступлений, качественно осложняют прогностическую, правоохранительную и профилактическую деятельность.

Состояние изучаемых преступлений предопределяется анализом основных элементов обстановки острой социальной напряженности, которые обуславливают их характерные особенности, уголовно-правовое содержание, внутреннюю структуру.

К основным элементам обстановки совершения преступлений в ситуациях острой социальной напряженности мы относим:

- материально-физические объекты (транспортные средства, производственные механизмы, технологическое оборудование, здания и иные подобные сооружения и т. п.);
- поведение лиц со своим психофизическим состоянием и социально-правовым статусом;

ПРАВО

- виктимологическую составляющую (поведение потенциальных потерпевших).

В этой связи, обстановка острой социальной напряженности определяет возникновение, развитие и изменение степени общественной опасности преступления, совершаемого в данной ситуации, а также его отличие от деяния в состоянии крайней необходимости.

Преступность в ситуациях острой социальной напряженности представляет собой сложную совокупность преступлений, совершаемых как умышленно, так и неосторожно. Они вызываются социальными факторами, последствия от которых по своему характеру могут носить форму локальных конфликтов или общественного бедствия, качественно осложняющих прогностическую, правоохранительную и профилактическую деятельность на определенной территории за определенный период времени.

Все преступления, совершаемые в ситуациях острой социальной напряженности, по характеру обстоятельств, их создающих, можно разделить на две категории.

К первой относятся преступления, совершаемые в очагах социальной напряженности, которые проявляются в нарушении общественного порядка, совершении общественно опасных действий, сопряженных с посягательствами на жизнь и здоровье граждан, их права и свободы, собственность и т.д. К ним, на наш взгляд, относятся массовые беспорядки, стихийные формы протеста, имеющие тяжкие последствия (в виде вооруженных мятежей, несанкционированных митингов, этнических столкновений, неуправляемых шествий и т.д.). Отметим также побеги из-под стражи, мест лишения свободы, действия, дезорганизирующие работу учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества (голодовки и т.д.).

К особой зоне социальной напряженности сегодня, в частности, относится территория Северо-Кавказского Федерального округа (СКФО). Общая социально-политическая, экономическая, военная ситуация в СКФО оказывает непосредственное влияние на криминологически значимую обстановку. Там отмечался и отмечается высокий уровень тяжкой преступности. Так, по данным МВД России, за 1995 год на территории СКФО было совершено свыше 5 тыс. преступлений, из которых 82% - тяжкие. Раскрываемость была значительно ниже общероссийского уровня (около 30%, а убийств - всего 3%). При этом уровень латентности всех видов преступности необычайно высок.

В числе зарегистрированных преступлений отмечались: терроризм; умышленные убийства; причинение тяжких телесных повреждений; изнасилования; разбои и грабежи; уничтожение имущества; хищения; незаконное ношение оружия; угоны автотранспорта и т.д. На протяжении 1996-1999 гг. криминальная ситуация на территории СКФО сохраняла негативную тенденцию, ухудшаясь в качественном и количественном отношении. Государственный контроль за ситуацией был в значительной мере утрачен. В

результате этого незаконные вооруженные формирования совершили в августе - сентябре 1999 г. вторжение с территории Чечни на территорию Республики Дагестан. Органами прокуратуры были возбуждены и закончены расследованием уголовные дела по ст. 279 УК РФ (вооруженный мятеж), ст. 208 УК РФ (организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем), десятки уголовных дел об умышленном убийстве, причинении тяжкого и иного вреда здоровью, незаконном обороте оружия и взрывчатых веществ [3].

В 2007-2013 гг. в СКФО граждан боязнь стать жертвой террористического акта оказалась более распространенной по сравнению с боязнью стать жертвой иных преступлений. СКФО в указанный период стал полем активной многоаспектной криминальной деятельности вооруженных преступных формирований, интенсивно функционирующего криминального рынка (оборота оружия, людей, наркотиков и т.д.) [4], совершения экономических преступлений, в том числе связанных с финансированием террористической деятельности.

В СКФО проводилась антитеррористическая операция, которая представляла собой комплекс специальных мероприятий, осуществляемых федеральными органами исполнительной власти и направленных на прекращение деятельности незаконных вооруженных формирований и устойчивых вооруженных групп (банд) на территории Чеченской Республики, Республик Ингушетия, Северная Осетия, Дагестан, Ставропольского края и в других регионах. Деятельность сотрудников правоохранительных органов и военнослужащих по борьбе с преступностью в данных регионах, по сути, осуществлялась в условиях боевых действий.

Преступники владеют навыками изготовления самодельных взрывных устройств с использованием часовых механизмов и средств радиосвязи. Взрывные устройства закладываются у обочин дорог и в мусорных баках, обычно изготавливаются из материалов, которые находятся в свободной продаже (аммиачная селитра, алюминиевая пудра, болты, гайки и т. д.). Преступления по способу совершения очень схожи, что обусловлено доступностью подготовки, хорошей технической и финансовой оснащенностью преступных групп. Совершение подрывов стало наиболее эффективным способом посягательства на жизнь и здоровье сотрудников полиции.

Данные преступления вызывают большой общественный резонанс, влияют на общественное мнение о работе, прежде всего, сотрудников полиции регионов, создают обстановку страха, паники и нестабильности, деморализуют сотрудников правоохранительных органов.

Преступления в «горячих точках», совершаемые в ситуациях острой социальной напряженности в отношении сотрудников правоохранительных органов, как правило, заранее подготавливаются и планируются с предварительным отслеживанием их дислокации, постоянных маршрутов передвижения нарядов ППСМ, а также при следовании сотрудников на службу и возвращении с нее.

ПРАВО

Производство по уголовным делам о преступлениях, совершенных в ситуациях острой социальной напряженности, прекращается в 32 % случаев по основаниям смерти подозреваемых, обвиняемых в ходе непосредственного совершения посягательств или в ходе проводимых спецопераций по их задержанию, когда лица оказывают вооруженное сопротивление. Приостановление уголовных дел производится в 47 % случаев либо в связи с неустановлением места нахождения обвиняемых, либо в связи с неустановлением лиц, подлежащих привлечению в качестве обвиняемых. В 21 % случаев производство по уголовным делам возобновляется в связи с поступлением новой оперативной информации, требующей проверки путем проведения следственных действий.

Для расследования преступлений экстремистской и террористической направленности создаются совместные следственные группы из числа наиболее подготовленных и квалифицированных сотрудников СУ СК при прокуратуре РФ по Республике Дагестан, МВД и ФСБ.

Большинство преступников при задержании оказывают вооруженное сопротивление и уничтожаются, а задержанные всю вину за совершенные деяния в своих показаниях переводят на уничтоженных членов незаконных вооруженных формирований [5].

При расследовании уголовных дел данной категории возникают трудности, связанные с тем, что многие свидетели не желают давать показания, боясь мести со стороны экстремистов, а сами преступники, если и дают показания, то в последующем отказываются от них ссылаясь на то, что в отношении их применялось физическое насилие со стороны сотрудников правоохранительных органов. И это несмотря на то, что такие показания ими давались в присутствии защитников, и в ходе досудебного разбирательства жалобы на незаконные методы расследования не поступали.

Ко второй группе относятся преступления, связанные с профессиональной деятельностью специалистов (полицейских, пожарников, охранников, спасателей, медицинских работников и других субъектов), обеспечивающих безопасность жизни, здоровья, собственности и иных ценностей граждан. Их действия не всегда явно, порой скрыто проявляются в ситуациях острой социальной напряженности, детерминированы информационными перегрузками, сверхнормативными нагрузками эмоционально-волевой и интеллектуальной сфер их личности.

К примеру, характеристика ситуаций отстрой социальной напряженности в профессиональной деятельности опрошенных сотрудников правоохранительных органов состоит в том, что она осуществляется в неблагоприятных в психологическом и материально-техническом отношении условиях. Это проявляется, прежде всего: в недостаточной организации труда и профессиональных взаимодействий (42 %); в условиях часто возникающих труднопрогнозируемых социально напряженных ситуаций и действий (45 %);

доминировании стрессовых состояний из-за нестабильности и неуверенности в завтрашнем дне (56 %).

Распространенным преступлением, совершаемым в социально напряженной ситуации, со стороны специалистов является неоказание помощи больному. Наиболее уязвимы в причастности к данному преступлению работники здравоохранения и, как показало исследование, сотрудники полиции. Так, в Городищенском районе Волгоградской области во время пожара пострадало несколько человек, получив ожоги различной степени тяжести. В ходе расследования было установлено, что житель данного района - гражданин М., участвуя в тушении пожара, получил ожог рук и спины, однако, продолжал тушить пожар. Подойдя к ближайшему водоему, чтобы набрать очередную порцию воды в ведро, потерял сознание, захлебнулся, но нашел силы выбраться и позвал на помощь. Находящиеся неподалеку врач гр. Я и сотрудник полиции гр. Т. приняли гр. М. за нетрезвого и помощь ему не оказали. По их показаниям, они были задействованы в ликвидации последствий тушения пожара. В результате неоказания помощи больному, потерпевший М. скончался [6].

Криминологический анализ преступлений, совершаемых в ситуациях острой социальной напряженности, позволил определить их как самостоятельный вид преступности. А именно, как сложную совокупность преступлений, совершаемых умышленно или неосторожно, посягающих на различные объекты уголовно-правовой охраны, вызываемых социальными факторами, влекущих последствия, часто принимающих форму локальных конфликтов или общественных бедствий, качественно осложняющих прогностическую, правоохранительную и профилактическую деятельность, совершаемых на определенной территории, за определенный период времени.

Литература и источники

1. Пирогов И.В. Социальная напряженность: Теория, методология и методы измерения. Дисс. ... канд. социол. наук. Иваново: ИГУ, 2002. С. 3.
2. См.: Михайлов Э.М. Проблемы координации деятельности прокуратуры и органов исполнительной власти в сфере противодействия терроризму и экстремизму // Право и практика. 2012. №2. С.40-45.
3. Криминология: учебник /под ред. А. И. Долговой. – М.: Норма: Инфра-М, 2005. – С. 891.
4. Криминология: учебник /под ред. А. И. Долговой. – М.: Норма: Инфра-М, 2005. – С. 892.
5. См.: Ларин В.А. Динамика преступлений совершаемых в ситуациях острой социальной напряженности // Право и практика. 2014. №1.
6. Архив суда Городищенского района Волгоградской области: уголовное дело № 1-361/10.

Ларин В.А. - аспирант Санкт-Петербургского юридического института (age 1955@yandex.ru)

Larin, V.A. - Graduate of the St. Petersburg Institute of Law

УДК 340.114.5:122

**АДАМЕНКО И.Е.
К ВОПРОСУ О ПРАВАХ ЛИЧНОСТИ,
КАК СПОСОБЕ РАЗРЕШЕНИЯ ПРАВОВЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ
В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ СФЕРЕ**

Ключевые слова: права человека, право, религиозные ценности, культура, нравственность, уголовное право, уголовный процесс

В статье на примере американского народа показано, как уголовно-правовые нормы обуславливаются доминирующими культурными стандартами народа, его фундаментальными ценностными ориентациями и религиозными представлениями. Автор приходит к выводу о том, что наблюдаемый исследователями конфликт между уголовным правом и уголовно-процессуальным правом в американской правовой системе имеет не содержательный, а формальный характер.

**ADAMENKO, I.E.
TO THE QUESTION OF THE RIGHT OF PERSONALITY,
AS A WAY OF RESOLVING LEGAL CONTRADICTIONS
THE CRIMINAL PROCEDURE SPHERE**

Keywords: human rights, law, religious values, culture, morality, criminal law, criminal procedure

In the article on the example of the American people shows how criminal law are caused by dominant cultural standards of the people, their fundamental value orientations and religious beliefs. The author concludes that the researchers observed the conflict between criminal law and criminal procedure law in the American legal system is not meaningful and formal.

Права личности лежат в основе современного права и обеспечиваются в различных областях жизни [1]. Рассмотрение уголовно-процессуального права в качестве единственного основания уголовно-процессуальной деятельности способна привести к ее неясности и неопределенности. Неясность и неопределенность уголовно-процессуальной деятельности, порожденные противоречивостью связи правового основания уголовно-процессуальной

деятельности, приводят к ситуациям, «когда некоторые явные преступники остаются безнаказанными» [2].

Противоречивость связи как элемента правового механизма оснований уголовно-процессуальной деятельности приводит к тому, что в некоторых ситуациях нормы уголовного закона оказываются ничем и никем необеспеченными декларациями. Причем такая ситуация является характерной не только для правовой системы России [3], но и других стран, к примеру, США. Возникает вопрос. Почему такое возможно в правовой системе США, которую некоторые российские процессуалисты избрали в качестве образца для подражания?

Ответ на поставленный вопрос не может быть однозначным и однолинейным. Ведь конфликт между уголовным правом и уголовно-процессуальным правом американцами осознан. Такое осознание позволяет нам сказать: «Конфликт между уголовным правом и уголовно-процессуальным правом разрешается не просто в пользу последнего, а ради иных жизненных ориентиров американского общества». Скорее всего, их совокупность в содержательном плане терминологически обозначена словосочетанием «права личности».

Термином «права личности» в анализируемом источнике обозначается не правовой феномен, а иное явление, вполне возможно, содержательно включающее в себя ценности американского общества. Поэтому с такой вполне объяснимой легкостью американская правовая доктрина жертвует порядком в пользу беспорядка. На самом деле тут ситуация несколько иная. Конфликт между материальным правом и уголовно-процессуальным правом разрешается в пользу вышестоящей системы. В роли вышестоящей системы в американском обществе выступает культурно-социальная система американского народа. Вовне она проявляется в особенностях его менталитета и мировоззрения.

В основе менталитета и мировоззрения американского народа лежит протестантская культура, со свойственной ей практичностью. «США до сих пор, - отмечает Е.В. Галкина, - остаются одним из самых религиозных государств среди индустриально развитых стран мира. Показательна высокая степень проникновения религии во многие области общественной, политической и культурной жизни государства и ее влияния на формирование мировоззрения американцев... Америку уместнее всего рассматривать как страну, отмеченную знаком протестантизма» [4].

В наши дни анализ исследований американских социологов показывает, что США остаются христианской протестантской страной, а «большая часть американцев заявляет о важности религии в их жизни, определяя свое сознание как религиозное» [5]. Религиозное сознание американского народа тесно связан с его пуританской нравственностью (моралью). Она основывается на протестантизме и проявляется в образе жизни американского народа, для которого характерны крайняя строгость нравов и аскетическое ограничение

потребностей, расчетливость и бережливость, трудолюбие и целеустремленность [6]. Пуританская нравственность оказывает серьезное влияние на поведение самих американцев. Так, за время пребывания в Америке отдельные наши социологи не видели людей, бурно проявляющих свои эмоции в общественных местах, на отдыхе, на зрелищных мероприятиях. В этом они усматривают влияние пуританской морали, «которая в больших мегаполисах еще не утрачена» [7].

Существенное влияние пуританской культуры на образ жизни американцев дает основание утверждать о том, что разрешение конфликта между уголовным правом и уголовно-процессуальным правом разрешается и в пользу ценностей пуританской нравственности (морали). Разрешение конфликта на уровне социокультурной системы американского народа между уголовным правовом и уголовно-процессуальном правом обусловлено также практической целью – обеспечением фундаментальных ценностей, которые своими истоками опираются на пуританскую нравственность. Однако не только на нее. Своими истоками фундаментальные ценности американского народа опираются также на религиозность. Социолог Х.В. Дзудев указывает на том, что 90 % населения США - верующие люди. В основном американцы являются католиками и протестантами, в меньшей мере исповедуют ислам, иудаизм, буддизм и другие конфессии. Особенно показательным является то обстоятельство, что «высокая религиозность проявляется как на бытовом уровне, так и в общественной жизни» [7].

Фундаментальные ценности американского народа обуславливаются его культурой. Иными словами. Фундаментальные ценности американского народа представляют собой «культурные стандарты, отталкиваясь от которых, люди определяют благо, добродетель и красоту и которые в широком смысле являются нормативами жизни в обществе» [8, с.110].

Ценности американского общества - это «утверждения о должном с позиций культуры» [8, с.110]. Ценности американского народа являются одним из основных источников формирования образа жизни. Они вбирают в себя все смысловые аспекты жизни. В этом отношении является важным нижеследующее обстоятельство. Американцы твердо убеждены в том, что выживание людей гарантируется только тогда, когда они опираются не «на инстинкт, а на культуру [8, с.104]. Таким образом, ценности американского общества определяют смысл должного в американской культуре, которая по убеждению американцев гарантирует им выживание.

Произведенные нами размышления об особенностях нравственности, религиозного вероисповедания, ценностях и культуре американского народа осуществлены не ради удовлетворения праздного любопытства исследователя. Наши размышления по поводу этому наделены определенным смыслом. Его сущность состоит в том, что наблюдаемый исследователями конфликт между уголовным правом и уголовно-процессуальным правом в американской правовой системе имеет не содержательный, а формальный характер. Исходя из

ПРАВО

этого, в американском обществе конфликт между уголовным правом и уголовно-процессуальным правом мыслится как формальный. Отсюда его разрешение осуществляется содержательно: с позиции фундаментальных ценностей американского общества, нашедших свое воплощение в термине «права личности».

Права личности американским народом рассматриваются не в качестве абстрактного положения. В значительной своей части в американской правовой системе словосочетанием «права личности» обозначается совокупность духовно-нравственных ценностей американского народа. В его бытие эти духовно-нравственные ценности образуют своеобразную нормативную матрицу для правовой системы. Поэтому, когда в самой американской правовой системе наблюдается формальный конфликт между уголовным правом, стремящимся установить рационализированный порядок, и уголовно-процессуальным правом, целенаправленным на обеспечение прав личности, речь идет не о конфликте между указанными отраслями права, а о несоответствии в некоторых ситуациях уголовного права духовно-нравственным основам бытия американского народа. В этом смысле уголовно-процессуальное право в американском обществе выступает в качестве своеобразного мостика, связывающего правовую систему с его духовно-нравственным бытием.

Наделение в американской правовой системе уголовно-процессуального права статусом, позволяющим обеспечивать связь правовой системы с его духовно-нравственным бытием, подталкивает нас к следующей мысли. Уголовно-процессуальное право содержит в себе потенциал, который способен в себе возбудить механизмы, которые к правовой системе, если имеют какой-либо отношение, то самое опосредованное. Ведь духовно-нравственное бытие американского народа, впрочем, как и другого народа, не подлежит правовой регламентации.

Вполне возможно, что наши внимательные оппоненты для себя обнаружат более удачное видение потенциала уголовно-процессуального права, способного породить механизмы связи правовой системы американского народа с его духовно-нравственным бытием. Со своей стороны, мы хотели бы сказать о том, что системообразующей основой этих, в своем большинстве мыслимых, механизмов являются воплощенные в тексте уголовно-процессуального права положения, которые терминологически обозначаются «правами личности». При этом необходимо учитывать следующий факт. Американское общество, с одной стороны, высоко религиозно и нравственно, а с другой – в нем предпочтение отдается правовому прецеденту. В такой ситуации положения, связанные с правами личности, без каких-либо нелинейных отклонений, непосредственно (без посредничества правовых отношений) реализуются в соответствующих действиях и решениях должностных лиц, которых американцы на то наделили правом. Американский исследователь пишет: «Даже в тех случаях, когда применяется правило об исключении доказательств с целью не допустить неконституционно

полученные показания обвиняемого к рассмотрению судом как доказательства его вины, такие показания все равно могут быть использованы стороной обвинения при перекрестном допросе обвиняемого... чтобы процессуально опорочить обвиняемого перед присяжными в тех случаях, когда обвиняемый решил дать показания в суде и делает какое-либо заявление, которое противоречит показаниям, данным до суда и исключенным из рассмотрения как полученные неконституционно...» [9].

В приведенном суждении американского исследователя нас в большой мере интересует то, что конституционные положения американского народа о недопустимости использования показаний обвиняемого, полученные неконституционным образом, пасуют перед возможностью быть процессуально опороченными перед присяжными [10]. «Это означает, в частности, - отмечает В.Т. Томин, - что в случаях получения от обвиняемого признательных показаний с нарушением правил, установленных Верховным Судом США в своем решении по широкому известному не только американским юристам делу Миранды, такое нарушение в определенных ситуациях не исключает их оглашения перед присяжными (то бишь до присяжных содержания источников доказательств, самим судом признанных недопустимыми» [11].

В таком контексте опасность быть процессуально опороченными перед присяжными заседателями фактически означает перевод исследования доказательств из правовой плоскости в контекст духовно-нравственного бытия американского народа. Скажем прямо: «перед духовно-нравственным бытием американского народа пасуют не только положения, связанные с недопустимостью доказательств, но фактически положения конституции США».

Литература и источники

1. См. напр.: Коваленко Н.В. Особенности формирования муниципально-правового статуса личности в современной России // Современная научная мысль. 2013. №1.
2. Криминология / Под ред. Дж. Ф. Щели... С. 51.
3. Антохина А.Б. Институт мер уголовно-правового характера как форма реализации уголовной ответственности // Современная научная мысль. 2012. №1. С.61-67.
4. Галкина Е.В. Американский протестантизм: традиция и современность // Образование и наука в третьем тысячелетии / Под ред. В.И. Степанова. Барнаул, 2002. Вып. 4.
5. Иванова Е.А. Протестантизм в США: анализ теоретических и эмпирических исследований американских социологов религии конца XX – XXI века: Автореф. дис... канд. социолог. наук. М., 2012. С. 5-7.
6. Емельянов Ю.В. США - империя зла. М., 2010. С. 18-20.

ПРАВО

7. Дзуцев Х.В. Американский образ жизни глазами социолога // Северная Осетия. 2010. 17 сентября.
8. Масионис Дж. Социология. 9-е изд. СПб., 2004.
9. Бернам У. Правовая система США... - С.471.
10. См.: Адаменко И.Е. Право на наказание как основание уголовно-процессуальной деятельности: проблемы теории // Право и практика. 2013. №1.
11. Томин В.Т. Уголовный процесс: актуальные проблемы теории и практики. М., 2009. С. 68.

Адаменко И.Е. - кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса Краснодарского университета МВД России, Заслуженный юрист Кубани (adamenkoie@mail.ru)

Adamenko, I.E. - PhD in Law, Associate Professor, Department of Criminal Procedure of the Krasnodar University of the MOI of Russia, Honored Lawyer Kuban

УДК 340.115

**БЕРЕТАРЬ Н.Г.
КРИЗИСНЫЕ ЧЕРТЫ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ И
АКТУАЛЬНЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ**

Ключевые слова: научное знание, предмет и метод философии, методология, глобальный кризис, мировоззрение

В статье рассматривается вопрос о характере развития философии как метанауки в условиях углубления глобального кризиса. Ставя вопрос как о собственно философии, так и о субъекта философствования, автор доказывает, что кризис может помочь философу поставить и решить вопросы смысла, как его занятия, так и его самого.

**BERETAR, N.G.
CRISIS FEATURES OF SOCIAL DEVELOPMENT AND CURRENT
PHILOSOPHICAL PROBLEMS**

Keywords: scientific knowledge, subject and method of philosophy, methodology, the global crisis, world

The article deals with the question of the nature of philosophy as meta in the deepening of the global crisis. Raising the question as to the actual philosophy and philosophizing about the subject, the author argues that the crisis can help a philosopher to formulate and solve questions of meaning, as his studies and his own.

Множество мыслителей утверждали, что суть философии заключается в удивлении. И в самом деле философия рождается из природного стремления человеческих существ интересоваться собой и миром. Миром, в котором они живут. Вместе с тем, в качестве рефлексии и любви к мудрости, философия учит нас мыслить о мысли, исследовать фундаментальные истины, выверять посылки и строить собственные выводы.

В течение веков в различных культурах философия рождала концепции, идеи и труды по обоснованному анализу и закладывала основу критическому, независимому и творческому мышлению. Актуальность в настоящей статье понимается как в широком смысле, то есть, как нечто важное и существенное для настоящего времени, так и в специальном смысле - как нечто, представляющее философский акт творческого генезиса. При этом содержание философского творчества актуально, первично и превосходит время и место.

Говоря об актуальных проблемах той или иной гуманитарной науки, в том числе права, отталкиваются от необходимости рационального обоснования

ФИЛОСОФИЯ

ее роли в обществе, влияния на формирование мировоззрения, на социальную ситуацию, в том числе – на политику и экономику как ее элементы.

Например, В. А. Лекторский, характеризуя научное знание, как наиболее совершенный образец рациональности, полагает: «научное знание – это, прежде всего сила, позволяющая человеку поставить себе на службу природные и социальные явления, преобразовывать окружающий мир в человеческих интересах» [1, с. 32]. Таким образом, гуманитарные науки являются рычагами социального развития, как другие науки суть рычаги развития технического. Влиять же на ситуацию в обществе можно, только предварительно изучив наличное его состояние, что делает политические, социальные и культурные проблемы актуальными.

Проблема философии на данный момент в том, что ее считают одной из гуманитарных наук, метанаукой или вспомогательной методологической дисциплиной, соответственно – вынуждают легитимировать свое существование общими с научными предметом и задачами участием в разрешении социальных проблем. И здесь уместно вспомнить предостережение М. Хайдеггера о том, что «возможно, измерение ценности философии идеей науки есть уже фатальнейшее принижение ее подлиннейшего существа» [2].

Если же философия не есть наука, то и актуальные проблемы у нее не совпадают с научными. Вероятно, фундаментальным отличием философского познания от научного есть сотворение собственного дискурсивного поля; наука же не творит свое поле, а пребывает в нем. И если, например, политология ставит вопрос о политике, а физика пытается изучить естественные закономерности природы и сконструировать картину мира, то философия, прежде всего, должна делать предметом исследования саму себя. Хотя бы потому, что и сама она, и субъект, ею занимающийся, являются частью того всеобъемлющего объема понятия, который и есть объект ее изучения. То есть и философия, и философ, как субъект, – часть предмета философии, наряду с предельными основаниями исследуемого дискурса. Поскольку философия и субъект философствования – суть предметы философского исследования, наиболее актуальной проблемой философии будет обоснование собственного бытия, актуальности своего присутствия в общественном сознании.

Таким образом, возможность философии и актуальность обращения к ней – первоочередные проблемы философствования. И как раз период глобального кризиса является наиболее удачным временем для таких вопросов, поскольку это пора переосмысления ценностей, мировоззренческих ориентиров и инструментов социального прогресса.

XX век в значительной степени был посвящен постановке вопроса и о философии, и о субъекте философствования. Он стал маяком, высветившим нелицеприятные черты сциентистского и прогрессистского курса Нового времени и обильно предлагал варианты развития цивилизации в будущем.

С одной стороны, появился ряд альтернативных общепринятым концепций, предлагавших варианты выхода из тупика мысли, отягченного социальными потрясениями, мировыми войнами, фашистскими режимами. Как говорил Дж. Холтон: «Нас призывают полагаться на всякое без разбору знание, лишь бы только оно обещало лекарство от общественных болезней и возврат общества в здоровое состояние» [3, с. 27]. С другой стороны, были сделаны попытки удержать от разложения дискредитированные институты и сами идеалы Модерна, найти новые пути развития науки, государства, церкви, а также антинаучные тенденции тот же Холтон объявил антисоциальным мракобесием и призвал с ними бороться.

Сегодня кризисные явления существенно усилились [4]. Однако важно видеть, что кризис – это возможность стать на грани обыденности, увидеть пройденный путь и задать вопрос о перспективах, о правомерности надежды на перспективы. Чем острее и всеохватнее кризис, тем меньше у рефлектирующего субъекта путей к отступлению, тем меньше незыблемых оплотов повседневности. Субъект доходит в своей рефлексии до предельных оснований своей экзистенции и может даже поставить вопрос о самом себе, то есть реализовать второй из первоочередных вопросов философии.

Таким образом, кризис может помочь философу поставить и решить вопросы смысла, как его занятия, так и его самого, поставив его в ситуацию, приближающуюся к пограничной, по мере усугубления кризиса. И отличие философии от науки в этой ситуации в том, что она не имеет цели выровнять жизнь, а пользуется возможностью разобраться в самой себе и в своем субъекте, пока наименьшее количество ориентиров, стереотипов и предрассудков обуславливают вынесение решения по основополагающим вопросам. Субъект же выбирает, быть ему прежде философствующим или борющимся за благополучие.

Литература и источники

1. Лекторский В. А. Эпистемология классическая и неклассическая / В. А. Лекторский. М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 256 с.
2. Хайдеггер М. Основные понятия метафизики / Мартин Хайдеггер; [пер. с нем. В. В. Бибихин] // Вопросы философии. 1989. № 9. С. 116-122.
3. Холтон Дж. Что такое «антинаука»? / Дж. Холтон; [пер. с англ. А.Б. Толстова] // Вопросы философии. 1992. № 2. С. 26-58.
4. Турицын И.В. Власть, общество и терроризм: размышления о российской исторической традиции // Современная научная мысль. 2014. №1. С.6-35.

Беретарь Н.Г. – кандидат социологических наук, доцент кафедры гуманитарных и правовых дисциплин филиала Адыгейского государственного университета в г. Белореченске Краснодарского края (beretar@mail.ru)

Beretar, N.G. - PhD in Sociology, Associate Professor, Department of Humanities and legal disciplines branch of Adyghe State University in Krasnodar Krai Belorechensk

УДК 340.114.5

САВИНА С.В.

ДИНАМИКА ВЛИЯНИЯ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ И ИНТЕРНЕТ НА ТРАНСФОРМАЦИЮ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ МОЛОДЕЖИ

Ключевые слова: социальная философия, информационные технологии, масс-медиа, молодежные субкультуры

В статье показано значение влияния масс-медиа на формирование молодежных субкультур, духовных, культурных, нравственных, эстетических и познавательных интересов молодежи. Автор показывает, что это воздействие приводит, порой непроизвольно, вопреки намерениям теле- и радиожурналистов, к формированию девиаций, к примеру, молодежной моды на употребление наркотиков.

SAVINA, S.V.

DYNAMICS OF THE INFLUENCE OF MASS MEDIA AND THE INTERNET ON THE TRANSFORMATION OF SOCIO-CULTURAL VALUES YOUTH

Keywords: social philosophy, information technology, media, youth subcultures

The article shows the importance of the influence of mass media on the formation of youth subcultures, spiritual, cultural, moral, aesthetic and cognitive interests of young people. The author shows that this effect leads, sometimes involuntarily, contrary to the intentions of broadcast journalists, to the formation of deviations, for example, a young fashion on the use of drugs.

Задача повышения эффективности влияния СМИ и Интернет на формирование гуманистических, духовных, культурных, нравственных, эстетических и познавательных интересов молодежи становится еще более значимой по мере демократизации российского общества. Система средств массовой информации, отвечающая требованиям современного общества (плюрализм, независимость, уважение прав человека, обеспечение основных прав и свобод), лишь формируется в России.

Сегодня наблюдается переплетение двух встречных инновационных процессов: с одной стороны, социальная реальность все более символизируется (развитие философии постмодернизма является отражением

этой тенденции), с другой - развитие техники породило особую техническую виртуальную среду, в результате чего «виртуальность» социальных форм начала обретать форму технической виртуальности.

Исследования телевизионной массовой коммуникации способствуют более глубокому раскрытию взаимосвязей между телевидением и различными социальными группами общества, телевизионной информацией и индивидом, а также доказывают необходимость дальнейшего развития социально - философской мысли в условиях приобретения человеческой цивилизацией нового глобального измерения своего единства.

Современное общество характеризуется невиданным ранее увеличением влияния информационной составляющей на социальное бытие. Выработывая нормативные определения действительности, формируя потребности, взгляды, оценки и предпочтения, медиа являются одной из конститутивных составляющих социальной реальности.

Появление новых информационных технологий закладывает прочную основу для развития мирового информационного сообщества. Сегодня стало очевидным первостепенное значение, или, точнее, ведущая роль информационной составляющей деятельности людей по сравнению со всеми другими ее формами и компонентами.

Для полноценного анализа регионального медиарынка рассмотрены стандартные маркетинговые характеристики средств массовой информации. К таким характеристикам относятся: принадлежность к телевизионным/радио сетям, медиакорпорациям; источники телепрограмм/радиопрограмм/печатных материалов; технические характеристики (способ трансляции сигнала, полиграфическое исполнение - для печатных СМИ); зона вещания или географический охват печатного издания; тираж (для печатных СМИ), характеристики массовости; профиль аудитории. В последнее время наблюдается активный рост расширения СМИ.

В каком-то смысле критиком СМИ является каждый из нас. Однако сравнительно немного людей знают реальные ответы на вопросы и проблемы, которые бывает столь легко поставить. Ответы на многие вопросы, касающиеся СМИ, могут дать только серьезные научные исследования.

Легко привлечь внимание к проблеме насилия в СМИ, труднее точно оценить последствия восприятия этого насилия. Легко сетовать на отсутствие семейных ценностей в телевизионных программах, труднее определить, какие же все-таки ценности телевидение проповедует. Наши взаимоотношения со СМИ столь сложны именно потому, что масс-медиа удовлетворяют некоторые из глубочайших психологических потребностей любого человека.

С точки зрения уровня общественного интереса и количества научных исследований, посвященных масс-медиа, телевидение является намного более исследованной областью, чем радио или печатные СМИ.

В настоящее время, когда происходит резкое переосмысление мировых ценностей, медиа начинают приобретать все большее значение во всем

механизме динамично развивающейся культуры. Налицо тенденция роста ориентации молодежи на источники средств массовой информации. А это значит, что их влияние на молодежную культуру становится все более весомым. В целом электронные средства массовой информации контролируют значительную часть досуга молодежи и выступают как важнейший инструмент формирования духовного мира, ценностных ориентаций и социальных установок молодых людей. Тем более, что выбор телепередач чаще всего носит «принудительный» характер, так как выбирать можно лишь из того, что предлагает телевидение (однако, как показывает практика, увеличение числа каналов ведет к реальному расширению возможности выбора, но эта возможность не дана всем, поскольку затрагивает материальные вложения). ТВ для молодежи, особенно – подростков, - один из основных источников информации, дающий в образной форме модели поведения и стереотипы восприятия жизни.

Воздействие СМИ приводит (порой произвольно, вопреки намерениям теле- и радиожурналистов) к формированию своего рода молодежной моды на употребление наркотиков. Так, в качестве одной из мер профилактики наркомании является необходимость уделять больше внимания организации досуга. Итак, банальная скука и серость нашей жизни приводят многих молодых людей в опасный мир иллюзий. Досуг для них оказывается не интересным делом, не лекарством от скуки, а временем, которое надо «убить», в том числе – потребляя алкоголь и наркотики. Но убивая свободное время, они убивают самих себя как личностей. Только культура, заполняя внутреннюю духовную пустоту, может быть противоядием от саморазрушения личности. Поэтому на ТВ лежит существенная доля ответственности за те искажения, которые происходят в сознании и системе ценностей молодых людей.

Информационное общество стоит на пороге нашей истории, и от того, как люди смогут его принять и интерпретировать, зависит характер цивилизации будущего. Медиа опосредуют поток информации о процессах и явлениях, происходящих в обществе. Индивиды используют содержание медиа и межличностных коммуникаций, чтобы определить, какое мнение находится в большинстве, а какое в меньшинстве. Влияние медиа на общественное сознание не достигается как результат единичного побуждения, а накапливается. Вопросы функционирования общественного мнения, а также роли медиа в его формировании имеют отношение к вопросу о власти, и этим, в частности, определяется практический интерес к ним. Иначе говоря, политиков, как и деятелей рекламного бизнеса, интересует, насколько заслуживают доверия и насколько эффективны очевидные попытки с помощью медиа продать те или иные товары или услуги. Для интерпретации социальных событий люди чаще используют те понятия, которые часто активизируются в их сознании, в том числе и при помощи медиа. При этом посредством медиа

формируется не только мировоззрение, но и образ жизни индивидов. Медиа, фильтруя действительность, воздействуют на изменение климата мнений [1].

Современные СМИ носят неоднозначный и противоречивый характер. Каждые обладают своими достоинствами и недостатками.

Нам предоставляется возможность изучить влияние средств массовой информации на сознание молодежи, студентов, выяснить причину популярности тех или иных фильмов, сериалов, программ и т.д.

Рассмотрим положительное и отрицательное воздействие СМИ на молодого человека.

Окружающая нас реальность находится в постоянном развитии: новые знания и навыки, новая информация и новые события каждый день включаются либо в уже созданные ранее структуры, либо образуют новые. Но не всегда мы имеем четкое представление о той или иной области. Тогда на помощь приходят СМИ. Они освещают различные актуальные общественные проблемы, тем самым влияя на мнения и поведение людей, как в обществе, так и лично. Наиболее распространенными инструментами СМИ являются пресса, телевидение, радио, Интернет и реклама. СМИ, через воздействие на общество, влияют на каждого человека в отдельности, формируя определенные эмоции и действия. Например, существует четко сформулированное общественное мнение в отношении таких глобальных общечеловеческих проблем, как предотвращение экологической катастрофы, термоядерной, биологической войны и т.д.

Печать (газеты, еженедельники, журналы, альманахи, книги) приобрела особое место в системе СМИ. Вышедшая из-под печатного станка продукция несет информацию в виде напечатанного буквенного текста, фотографий, рисунков, плакатов, схем, графиков и других изобразительно-графических форм. И в этом есть свои «плюсы». У человека есть возможность самому анализировать информацию. Можно пользоваться возможностями «отложенного чтения», после первичного ознакомления оставить материал для внимательного и подробного прочтения в удобное время и в подходящем месте. Все это возможно потому, что печатные издания легко иметь «при себе» и обращаться к «извлечению» информации в удобное время, не мешая окружающим, и в обстоятельствах, не позволяющих или мешающих слушать радио или смотреть телепередачи (в поезде, метро, автобусе, самолете и т.д.). При этом чтение текста и восприятие изобразительного печатного материала проходит в соответствии с желанием (избирательно, в том порядке, темпе и ритме), которое устанавливает сам читатель. Он может обращаться к одному и тому же произведению несколько раз, хранить нужную информацию, подчеркивать, делать пометки на полях и т.п.

В то же время мы живем в эпоху высоких технологий и, видится целесообразным упомянуть об исследованиях, проводимых компанией DHL в области разработки инновационных продуктов и услуг. Это мир, в котором мечты становятся реальностью, мир, где при помощи систем радиочастотной

идентификации и спутникового наведения пассажир имеет возможность во время перелета войти в сеть Интернет.

Крупнейший авиаперевозчик ОАО "Аэрофлот – российские авиалинии" и первый общероссийский оператор мобильной связи ОАО "МегаФон" подписали договор об установке на бортах воздушных судов ОАО "Аэрофлот" базовых станций ОАО "МегаФон". Аэрофлот и МегаФон первыми в России предоставят авиапассажирам возможность пользоваться мобильной связью и доступом в Интернет во время полетов.

К примеру, Аэрофлот недавно стал лауреатом премии «Крылья России» в номинации «Авиакомпания года – лидер пассажирских симпатий». Тем самым пассажиры подтвердили, что Аэрофлот является лидером по внедрению высокотехнологичных передовых решений в области сервиса. Возможность мобильной связи на борту воздушных судов – это прогресс для российской авиации. Аэрофлот всегда старается идти в ногу со временем. С развитием новых технологий и легкостью передвижений по миру появляется необходимость соответствовать рынку – предоставлять услуги, которые хочет видеть потребитель. Аэрофлотом часто летают деловые люди, для них возможность звонка с самолета не прихоть, а необходимость.

МегаФон как инновационный оператор постоянно расширяет возможности применения услуг мобильной связи в интересах жителей нашей страны. Тем самым партнерство с отечественным лидером авиаперевозок открывает большие перспективы развития еще одного, нового для России направления - мобильной связи на бортах воздушных судов.

Сегодня информационно-коммуникационные технологии предоставляют беспрецедентные возможности также и для детского обучения и творчества. Интернет создан, чтобы развивать способности детей. Например, основная деятельность подростка - учебная, в ходе которой подросток не только осваивает навыки и приемы получения знаний, но и обогащается новыми смыслами, мотивами и потребностями, овладевает навыками социальных взаимоотношений.

Интернет все чаще и чаще становится библиотекой знаний не только для подростков, но и для всех людей, нуждающихся в получении информации. Во всемирной паутине с каждым днем прибавляется тысячи людей. Интернет-аудитория растет, повышается уровень осведомления в тех или иных событиях, что, конечно же, отразилось на обществе. Сеть изменила структуру современного общества. Объединив каждого с каждым, она сделала мир теснее, уничтожив географические барьеры.

Интернет имеет такие уникальные характеристики:

- глобальность - предоставляет немедленный доступ к информации со всего мира;

- отсутствие контроля, который существует в других электронных СМИ, не связанность географическим расположением дает возможность обнародовать информацию вне контроля правительств, монополий;

ФИЛОСОФИЯ

- имеет низкие барьеры к доступу, доступную стоимость создания и распространения информации;
- неограниченную возможность держать информацию;
- позволяет общение одного человека с другим, одного человека со многими людьми, а также множества людей с одним человеком;
- не связанность ни с одной инфраструктурой, кроме телефонной системы.

Благодаря своей биологической природе, человек подвержен внушению, подражательности и заразительности. Сама по себе деятельность СМИ, ставящая задачей внушить что-либо обществу, является негуманной, поскольку люди не могут контролировать направленное на них воздействие и оказываются бессильными перед подобными внушениями.

Одним из отрицательных воздействий является - пропаганда. За многие годы она отработала большое количество приемов для манипулирования общественным сознанием, которые, действительно, эффективны и позволяют влиять на массу определенным образом.

В определенный момент СМИ «подается» информация, часто являющаяся ложью, диффамацией. Как правило, такая информация подается из разных источников и западает в подсознание человека, используется в момент принятия какого-либо важного решения, и когда будет известна правда - цель уже будет достигнута. Таким образом, этот метод довольно эффективен.

Огромное желание общения притягивает человека к своему домашнему другу-вампиру. Не имея обратной связи, человек представляет собой приемник идей. Наслаждаясь картинами убийства, насилия, пошлости, в одиночестве, он не чувствует упреков со стороны, пребывая в состоянии возбуждения. Бессознательно, в состоянии гипноза, человек добровольно передает телевидению управление своими психическими процессами.

Чтобы заинтересовать человека и обратить его внимание на экран используется несколько приемов:

- создание яркого видеоряда с целью образования определенного светового ощущения, и чем оно сильнее, тем сильнее к нему приковывается и внимание;

- новизна и необычность также привлекает к экрану человека, потому что по закону движения и устремления психических процессов монотонность вызывает отвращение;

- показ, крупным планом, лица человека, смотря на человеческое лицо, телезритель сразу проникается к нему симпатией или отвращением.

Эффекты быстрой вспышки, громкого звука, после которых резкое возбуждение нервной системы быстро сменяется торможением. Этот метод можно наблюдать в различных рекламных и программных заставках, а также в теле- и кинофильмах.

ФИЛОСОФИЯ

Прерывание фильмов на самом трагическом месте побуждает телезрителей с нетерпением ждать следующей серии, что делает человека заинтересованным и, вследствие этого, открытым для нового сеанса внушения.

Телевизионная съемка и последующий искусный монтаж могут создать идеальное событие, идеального человека, идеальное государство, и наоборот, т.е. можно обратить правду в ложь, ложь в правду.

Перечисленные методы гипнотического воздействия на человека широко используются во всем мире. Очень важной проблемой при рассмотрении влияния телевидения на массы являются дети. Дети из-за отсутствия у них полного осознания границ реальности, все события, которые происходят перед их глазами, воспринимают как настоящие. Убийство и насилие не вызывают у них чувства страха или отвращения, потому что они, в результате привыкания к телевизионным передачам, для них естественны и реальны.

Интернет в российском массовом сознании предстает, прежде всего, гигантским хранилищем информации. Общество встречает новое увлечение неоднозначно: на фоне восхищения возможностями компьютера сквозит настороженность, а в ряде случаев - прямое осуждение. Создание виртуальных личностей носит возрастной характер и связана с самоопределением. В подростковом возрасте всё чаще происходят кризисы неопределенности, когда собственное «я» представляется подростку размытым.

Реклама является сегодня средством информирования о новой марке, потребительских свойствах товара и т.п. Реклама все чаще вмешивается в жизнь человека, управляя им на осознанном и бессознательном уровнях. При этом она навязывает потребителям систему определенных стандартов, точку отсчета жизненных ценностей, мировоззренческих идей и представлений. Нет четкой статистики того, насколько возрос процент негативной рекламы. Многие исследования показывают, что негативная реклама хорошо запоминается, даже если она не особенно нравится зрителям.

По мнению критиков, телевизионная реклама, обеспечивает пассивность восприятия. С их точки зрения, сочетание текста, образов, музыки и домашней обстановки способствует релаксации, снижает умственную активность и критичность восприятия информации. Очень часто в современной рекламе фигурируют вещи, о которых по законам нравственности публично не говорят. Многократное повторение подобных сюжетов создает угнетенное психическое состояние телезрителей. Особенно велико воздействие рекламы на незащитную психику ребенка. При этом дети, по сравнению со взрослыми, не в состоянии эффективно противопоставлять такому воздействию собственные установки, взгляды, морально-нравственные критерии.

Громадные по объему потоки информации ежедневно обрабатываются на подсознательном уровне. Но кто гарантирует нам их правдивость, оправданность? Десятки, сотни «килограммов» информации, не пройдя должной обработки, провоцируют межнациональные конфликты, разращения

малолетних на почве сексуальных раздражений. Человек, находясь под таким влиянием, больше подвержен психологическому воздействию.

Таким образом, влияние СМИ на молодежь велико, как в положительном, так и отрицательном аспектах. В Российской Федерации это в полной мере выяснилось уже в 1990-е годы [2]. В самое последнее время мы наблюдаем это на примере трагических событий на Украине [3].

Совершенно очевидно, что средства массовой информации в значительной степени определяют жизненный ориентир молодого человека, его поступки, вкусы и интересы, мироощущение и цели в жизни.

Проблемы, связанные взаимоотношением и влиянием обоих явлений - социокультурных приоритетов личности и средств массовых коммуникаций - многочисленны и довольно сложны. В основе их разрешения лежат углубленные социальные и психологические исследования. Основная направленность этих исследований была определена следующими вопросами:

- при каких условиях и в какой степени средства массовой коммуникации ориентируют общественное сознание, мнение и поведение; каково их место в создании, воспроизведении и распространении духовных ценностей;

- в какой степени они участвуют в процессе формирования социальных и индивидуальных потребностей, а тем самым и в процессе формирования ценностной ориентации;

- в какой мере, и каким способом они влияют на выработку социальных установок;

- в какой степени они могут воздействовать на развитие личности;

- каким должно быть это воздействие и каковы способы осуществлять его таким образом, чтобы оно помогало людям стать лучше.

Средства массовой коммуникации - обширные и влиятельные системы, находящиеся в постоянном развитии, прогрессе. Они все чаще и чаще становятся библиотекой знаний не только для подростков, но и для всех людей, нуждающихся в получении информации. Подростки, как самые психологически незащищенные, больше других подвержены влиянию СМИ: сделать их своими «заложниками» не составляет особого труда, всемирная паутина и виртуальная реальность делают их «жителями» других миров. Но с другой стороны, позволяют, объединив каждого с каждым, делают мир теснее, уничтожив географические, социальные и национальные барьеры.

Средства массовой информации и Интернет являются мощнейшим фактором формирования общественного сознания молодежи. Они закрепляют в общественном мнении определенные понятия и стереотипы. Формирование стереотипов происходит, прежде всего, в результате воспринимаемой характерности фиксируемых отличий или особенностей. Например, телевидение воспроизводит гендерные стереотипы, транслирует, внедряет их в массовое сознание, создавая идеал для подражания, соответствующий гендерному стереотипу (см. таблицу 1) [4].

ФИЛОСОФИЯ

Таблица 1.

Отношение студенческой молодежи к устойчивым гендерным стереотипам (%)

Отношение студенческой молодежи к устойчивым гендерным стереотипам (%)	Юноши (745)	Девушки (940)	Всего %
мужчины должны зарабатывать больше, чем женщины	22,1%	22,5%	22,4%
женщина должна уметь вести домашнее хозяйство	7,2%	11,06%	9,4%
Ответственность за финансовое благополучие в семье лежит на мужчинах	16%	18,3%	17,3%
женщина должна всегда хорошо выглядеть	15,7%	13,7%	14,6%
мужчина должен иметь престижную работу	24,7%	21,8%	23%
материнство – основа жизни женщин	13,1%	11,6%	12,3%
Другое	0,5%	0,6%	0,6%
Затрудняюсь ответить	0,6%	0,17%	0,4%

Литература и источники

1. Новая философская энциклопедия: В 4 т. / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; Предс. научно-ред. совета В. С. Степин. М.: Мысль, 2000-2001.
2. См. напр.: Иванова Х.В. Молодежный экстремизм в Российской Федерации: формы проявления, способы противодействия (1991-1999 гг.) // Современная научная мысль. 2013. №3. С.90-94.
3. См. напр.: Карабущенко П.Л. Политические элиты Украины 2000-х годов: «триумф» и крах майданной демократии // Современная научная мысль. 2014. №6. С.116-140.
4. База данных Фонда Общественного Мнения. – режим доступа: <http://fom.ru/story/internet>.

Савина С.В. – кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры гуманитарных и правовых дисциплин филиала Адыгейского государственного университета в г. Белореченске Краснодарского края (ssavin@mail.ru)

Savina, S.V. - PhD in Sociology, Senior Lecturer, Department of Humanities and legal disciplines branch of Adyghe State University in Krasnodar Krai Belorechensk

УДК 159.9.072

**СЁМИК А.А.
СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА
И ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ГРАЖДАНСКОМ
ПРОЦЕССЕ**

Ключевые слова: Судебно-психологическая экспертиза, гражданский процесс, права человека.

В статье рассматриваются проблемы применения судебно-психологической экспертизы в гражданском процессе, обеспечения прав человека при проведении экспертизы в Российской Федерации. Автор показывает, что эксперту-психологу, чтобы быть верно понятым, убедительным в своих выводах, важно уметь разбираться в своеобразии юридической оценки, понимать смысл и контекст употребляемых в юриспруденции понятий.

**SYOMIK, A.A.
JUDICIAL-PSYCHOLOGICAL EXPERT OPERATION
AND ENSURING THE HUMAN RIGHTS IN CIVIL PROCESS**

Keywords: Judicial-psychological expert operation, civil process, human right.

This article discusses the use of forensic psychological examination in civil proceedings, respect for human rights during the examination in the Russian Federation. The author shows that psychological experts to be properly understood, convincing in its conclusions, it is important to be able to understand the uniqueness of the legal assessment, to understand the meaning and context of concepts used in the law.

Судебно-психологическая экспертиза (далее СПЭ), как и всякая судебная экспертиза, представляет собой совокупность особых процессуальных действий, строго регламентированных законом и направленных на получение судебного доказательства - заключения эксперта-психолога.

Как вид самостоятельного экспертного исследования, СПЭ прошла в своем развитии сложный путь: от попыток адаптировать к нуждам юридической действительности данные экспериментальной психологии до создания, примерно после 1960 г., собственной теории судебно-психологической экспертизы [1]. Этот процесс продолжается, он тесно связан с развитием общей и экспериментальной психологии. Необходимо отметить, что в гражданском процессе, в отличие от уголовного, психологическая экспертиза остается малоизвестной.

Отметим, что в зарубежной практике психологическая экспертиза получила значительное распространение не только в уголовном, но и в гражданском процессе. Особенно активно она применяется в таких странах, как Австрия, Венгрия, Германия, Польша, Чехия и Словакия, Швеция. Наибольшее распространение этот вид экспертизы получил при рассмотрении судами дел, возникающих в сфере брачно-семейных отношений, дел с участием в процессе несовершеннолетних, а в Германии - также наследственных споров и некоторых категорий дел, связанных с возмещением вреда. По видам психологических экспертиз наиболее часто используются экспертиза проверки достоверности показаний свидетеля (в Германии, Польше, Чехии и Словакии); диагностика психологических состояний, например аффекта; общая психологическая характеристика участника процесса, т.е. психологический портрет (в Польше, Чехии и Словакии). Некоторый опыт проведения данной экспертизы накоплен и на Украине (по брачно-семейным делам).

Такая ситуация объясняется различными причинами, прежде всего, недостаточностью разработки теории и методологии СПЭ, ее конкретных методик применительно к различным задачам. В том числе тем, которые могут решаться в рамках гражданского процесса. Также сказываются неподготовленность судей, отсутствие специализированных лабораторий такого рода и т.д. [2]

Уяснение вопросов о частных предметах психологической экспертизы, пределах использования в процессе и основаниях назначения позволяет найти общий критерий для определения того, возможно ли в принципе применение такой экспертизы по той или иной категории гражданских дел. И уже затем такая потенциальная возможность, конкретизируясь обстоятельствами данного дела, наличием оснований назначения, становится (или нет) реальной необходимостью.

Прежде всего, следует выяснить наличие в содержании нормы материального права так называемых психологических элементов. При этом следует иметь в виду, что взаимосвязь между психологическим содержанием нормы права и потребностью в психологической экспертизе носит не причинно-следственный, а функциональный характер. Наличие психологических элементов в юридической норме еще не свидетельствует о том, что для их выявления необходима экспертиза.

Нас интересуют такие элементы содержания нормы, в которых психологический критерий обозначен как самостоятельный, требующий отдельного установления. Для этого следует уяснить формы, в которые законодатель облакает психологические обстоятельства, формулируя норму материального права. Тем самым можно определить, придается ли психологическому компоненту самостоятельное юридическое значение. Положительный ответ на данный вопрос означает, что подлежащее установлению, т. е. входящее в предмет доказывания по делу обстоятельство, содержащее психологические компоненты, требует таких средств доказывания, которые могли бы подтвердить наличие или отсутствие указанных компонентов, без чего юридический факт не может быть признан доказанным. Психологическая

экспертиза в подобных ситуациях способна сыграть роль источника получения адекватного средства доказывания, т.е. заключения эксперта.

Формы включения психологических элементов в нормы права могут быть различны. Часто они как бы «пропитывают» все содержание нормы, не выделяясь в отдельном ее компоненте, например, ст. 152 ГК (защита чести, достоинства и деловой репутации, которые являются социально-оценочными категориями и выражают различную взаимосвязь самооценки личности и общественной оценки) [3]. Но в ряде случаев законодатель выделяет психологические критерии, как самостоятельный элемент нормы права. Так, например, в договорном праве, в институте гражданско-правовых сделок, законодатель закрепляет осознанность и полноценность волеизъявления как существенные юридические критерии действительности сделки. Здесь присутствует дифференцированный подход: степень осознанности ставится в зависимость от различных факторов — от возраста участников сделки (ст. 172, 175 ГК), от состояния психического здоровья (ст. 171 ГК), от тех или иных собственно психологических факторов, могущих повлиять и на волеизъявление участников сделки (ст. 177, 178, 179 ГК) [4].

Критерии осознанности и полноценности волеизъявления также могут содержаться в норме права в разных формах:

а) непосредственно формулироваться в тексте закона: «не был способен понимать значение своих действий или руководить ими», «не мог понимать значения своих действий или руководить ими»)[5];

б) опосредованно входить в содержание отдельного юридического понятия в качестве элемента его содержания: «под влиянием заблуждения», «под влиянием обмана, насилия, угрозы», «грубая неосторожность», «степень вины»[6];

в) входить в содержание юридико-оценочной категории как элемент ее содержания, например, понятие «интересы детей» в спорах о детях (ст. 65, 66 и др.) [7].

Можно в целом определить круг гражданских дел, по которым применима СПЭ. К ним можно отнести: дела о признании недействительными сделок с пороками воли; дела о возмещении ущерба, причиненного дееспособным гражданином, но не способным (в момент причинения ущерба) понимать значение своих действий или руководить ими; дела о возмещении ущерба, причиненного гражданину или гражданином, - при решении вопроса о грубой или простой неосторожности как потерпевшего, так и того, кто причинил ущерб; дела по регрессным искам о возмещении вреда и в случаях, когда необходимо выяснить, не действовало ли лицо при обстоятельствах, указанных в ст. 1078 ГК (ограничение составов правонарушений) [8]; дела по спорам о праве на воспитание детей и по другим делам, вытекающим из брачно-семейных отношений.

Анализ оснований отмены судебных решений, вынесенных судами Москвы за два с половиной года [9], показал, что по мотиву необоснованности отменена 1/3

решений вышеназванных категорий. Из них 7% составили решения по делам о признании недействительными сделок с пороками воли, 33% - решения по делам, возникшим из брачно-семейных отношений, 60% - решения по делам о возмещении ущерба. Каждое четвертое судебное решение (25%) из числа всех отмененных отменено по причине невыявления и неучета обстоятельств психологического характера. Более всего по «психологическому основанию» отменено решений по делам, возникшим из личных брачно-семейных отношений, - 65,5% от общего числа отмененных; по делам о возмещении ущерба - 25%. Отмененные решения по делам о признании недействительными сделок с пороками воли составили 9,5% (здесь нужно учитывать и их общую сравнительно небольшую долю в общем числе рассмотренных и разрешенных дел).

Гражданский процесс выступает средством обеспечения реализации принадлежащих человеку и гражданину субъективных гражданских прав - в тех случаях, когда вследствие деформации способности субъективного права к реализации данное право не может нормально осуществиться в рамках материального правоотношения. Судебное решение является специфичной государственной гарантией, обеспечивающей нормальное развитие материального правоотношения, бывшего предметом судебного разбирательства, а в его рамках - и надлежащее осуществление субъективного гражданского права, наличие которого подтверждено судом. По своей природе судебная защита есть главная государственная гарантия реализации субъективных прав, без чего субъективное право как благо теряет свой смысл.

Проведение судебной экспертизы является одним из звеньев, позволяющих обеспечить объективное установление реально существующих юридически значимых обстоятельств по делу, что является основой правильной квалификации спорного правоотношения, а следовательно, процессуальным средством обеспечения защиты субъективного права. Это относится и к проблемам СПЭ (критериям выбора вида экспертного исследования, определению оснований и поводов назначения, объекта и частных предметов, грамотной постановке экспертной задачи, соблюдению пределов использования, правильной оценке заключения эксперта).

Гарантии процессуальных прав участников процесса при осуществлении правосудия по гражданским делам возможны только тогда, когда гражданский процесс строится в соответствии с требованиями соблюдения прав человека. Сами процессуальные права выступают гарантиями прав человека в процессе. Но чтобы эти гарантии были работающими, нужен механизм обеспечения их реализации. Это, в первую очередь, право на неприкосновенность личности и частной жизни, уважение достоинства человека, недопустимость насилия или иного обращения, унижающего достоинство человека.

Человек имеет право на свободу от государственного вмешательства в его частную жизнь за пределами исполненных человеком, как гражданином, юридических обязанностей. Отсюда вытекает следующий аспект проблемы

гарантий: обеспечение собственно прав человека в гражданском процессе, в ходе самой деятельности суда и других участников процесса; деятельности, направленной на защиту субъективного гражданского права или охраняемого законом интереса.

Судебная деятельность это особый вид государственной деятельности; более того, - это разновидность государственной власти [10]. Рассматривая и разрешая гражданские дела, суд, как орган государственной власти, вмешивается в частную сферу граждан. Главное назначение суда - играть роль гаранта не только прав, подлежащих защите, но и прав человека, которые, хотя и не являются объектом данного процесса, должны неуклонно соблюдаться в ходе процессуальной деятельности.

Механизм гарантирования прав человека в процессе включает: а) принципы, на которых построен процесс; б) процессуальные права личности — субъекта процесса; в) корреспондирующие этим правам обязанности суда.

Ставя вопрос о проведении СПЭ и об обеспечении прав человека в гражданском процессе, важно понимать, что всякое эмпирическое исследование психического статуса личности, либо его отдельных психических свойств, состояний, процессов, связано с определенным воздействием на личность испытуемого, с вторжением в «частную» сферу. Тем самым в известной степени нарушается неприкосновенность личности. Конституция РФ называет в числе прав и свобод человека и гражданина право на личную неприкосновенность [11], право на неприкосновенность частной жизни [12]. Причем, право на личную неприкосновенность означает право не только на физическую, но и на психическую неприкосновенность. Так в ст. 21 Конституции, направленной на охрану достоинства личности, указывается, в числе других положений, что никто не должен подвергаться насилию, «никто не может быть, без добровольного согласия, подвергнут медицинским, научным или иным опытам».

Оправданным представляется подход с позиции международных актов по правам человека. Однако при этом следует учитывать особенности национального законодательства, интерпретирующего те или иные международно-правовые акты, т.к. каталогизация прав человека и их обеспечение относится к компетенции каждого государства (что предусматривается и Уставом ООН). Конституция РФ в целом соответствует основным международно-правовым актам по правам человека, участницей которых Россия является.

В некоторых странах (Австрия, Германия) проблема охраны и обеспечения прав человека при производстве психодиагностики (в различных, в том числе юридических, целях) рассматривается с точки зрения Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1958 г. В числе прочего данная Конвенция в ст. 8 предусматривает, что каждый имеет право требовать уважения своей частной жизни и что вторжение в эту сферу допустимо настолько, насколько предусмотрено законом и необходимо с точки зрения национальной безопасности, защиты порядка и ликвидации преступности, охраны здоровья и морали или защиты прав и свобод других.

Конституция РФ в целом четко определяет право на неприкосновенность и право на охрану достоинства личности, рассматривая их как отправные начала для регулирования всех других общественных отношений. Однако, т.к. мы рассматриваем обеспечение прав человека при проведении СПЭ в гражданском процессе, то именно в нормах гражданско-процессуального права необходимо опосредовать механизм обеспечения прав человека. Как при реализации всей процессуальной деятельности, так и при осуществлении отдельного процессуального действия или их совокупности (например, при проведении СПЭ, где предметом является психика человека).

Можно выделить в качестве принципов и проанализировать наиболее важные положения, а также определить нормативную форму их существования.

Такие принципы характеризуют общие пределы допустимости разрешаемого государством специального психологического исследования личности. Принципы допустимости СПЭ с точки зрения прав человека [13]:

1. Действительная необходимость исследования для каждого отдельного случая.

Это общее положение в рамках гражданского процесса опосредуется через общее, правовое, основание назначения судебной экспертизы; экспертиза назначается, когда суд приходит к выводу о необходимости использования специальных знаний для установления искомого обстоятельства.

Соответственно, в систему юридических гарантий прав человека при проведении СПЭ могут быть включены нормы ГПК[14]:

а) право участвующих в деле лиц знакомиться с определением о назначении экспертизы;

б) обязанность суда предоставить возможность участвующим в деле лицам ознакомиться с определением о назначении экспертизы;

в) право участвующих в деле лиц обжаловать определение суда о назначении экспертизы;

г) право субъекта процесса, в отношении которого предполагается назначение судебно-психологической (психиатрической, психолого-психиатрической) экспертизы, отказаться от такого исследования;

д) недопустимость принудительного направления на психологическую экспертизу.

2. Принцип добровольности проведения психологического исследования в отношении субъекта юридического процесса.

3. Принцип установления пределов исследования в соответствии с каждой специальной целью и индивидуальной необходимостью (потребностью) исследования.

4. Испытуемый имеет право на нераспространение сведений, полученных в ходе и результате экспертного исследования.

5. Эксперт в своем исследовании ограничен пределами, очерченными судом (узнает об испытуемом не больше, чем позволит суд).

б. Испытуемому должны быть гарантированы безопасные методы проведения специального исследования.

Оценка заключения эксперта судом - важное звено в механизме обеспечения прав человека при производстве психологической экспертизы. Письменная форма заключения, подробное описание проведенных экспертом исследований с указанием специальных методов, ясность и доступность изложения позволяют суду также оценить, допустимы ли использованные методики с точки зрения безопасности для здоровья испытуемого, не противоречат ли они основным принципам, направленным на обеспечение прав человека

Суд должен оценить допустимость экспертных методов с точки зрения обеспечения прав человека, не вторгаясь в оценку их содержания. Чтобы осуществить такую задачу, нужны определенные, формализованные критерии оценки допустимости, среди которых: юридический, этический, гносеологический.

Юридический критерий означает, что данное психологическое исследование проводилось в строгом соответствии с требованиями закона, предъявляемыми к назначению, проведению и получению результатов судебной экспертизы, что примененные (и описанные) экспертом специальные методы и методики не противоречат нормативным положениям о правах человека и гарантиям их осуществления.

Этический критерий позволяет характеризовать нравственную приемлемость использованных экспертом способов исследования.

Гносеологический критерий подразумевает проверку научной обоснованности и надежности примененных экспертом способов и средств воздействия в ходе специального исследования.

Названные критерии имеют прямое отношение и к эксперту, проводящему психологическое исследование [15].

Эксперту, чтобы быть верно понятым, убедительным в своих выводах, важно уметь разбираться в своеобразии юридической оценки, понимать смысл и контекст употребляемых в юриспруденции понятий, в том числе таких, как вина, дееспособность, вменяемость, поведение, ответственность. Так как системы понятий у юристов и юридических психологов и других специалистов в области психологии, психиатрии часто не совпадают.

Названные критерии, в сочетании с принципами допустимости разрешаемого государством психологического исследования (СПЭ), составляют основу оценки судом допустимости применения экспертом конкретных методов исследования. Это важная составная часть оценки заключения эксперта-психолога как судебного доказательства [16], реализуемая в контексте ГПК.

Оценка судом допустимости с точки зрения прав человека примененных экспертом методов носит характер последующего контроля за деятельностью эксперта. Суд, как орган правосудия, выполняющий гарантирующую функцию в

процессе, заинтересован в том, чтобы экспертное исследование с самого начала строилось на должной правовой основе, которая обеспечивала бы надлежащее проведение экспертизы. Отсюда, в контексте рассматриваемой проблемы важное значение имеют все процессуальные действия суда, выполняемые по назначению экспертизы. Для эксперта они формализуются главным образом в определении о назначении экспертизы. От того, насколько профессионально, грамотно составлено определение, во многом зависит правильность направления исследования [17].

Исследование проблем СПЭ в гражданском процессе, гарантий прав человека выводит и на более широкий круг вопросов, связанных с психологическим воздействием на личность в рамках судебного процесса. Заслуживает внимания вопрос о допустимости тех или иных психологических средств воздействия на стороны, третьих лиц, свидетелей при даче ими объяснений и показаний. В рамках гражданского процесса это очень актуально. Важно так же, чтобы судьи учитывали психологическую атмосферу судебного заседания, психологическое воздействие всей конфликтной ситуации, которая привела к судебному процессу.

Литература и источники

1. Колиев В.В. Становление и развитие института судебной экспертизы в России// Современная научная мысль. 2014. №1. С.94-98.
2. См.: Еремина И.С., Карева А.А. Причины и условия совершения судебных ошибок (теоретический аспект) // Современная научная мысль. 2013. №3. С.115-123.
3. Российская газета. 1994. 8 декабря. № 238-239.
4. Гражданский кодекс РФ ч.1. от 30.11.1994 №51-ФЗ принят ГД РФ 21.10.1994 (действующая редакция).
5. п. 1 ст. 177 ГК, ст. 1078 ГК.
6. ст. 178 ГК, ст. 179 ГК, ст. 1083 ГК.
7. Семейный кодекс РФ ст.[по сост. на 30. 05. 2014]
<http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PRJ;n=119683>
8. Статьи №№ 177, 178, 179, 1078,1083, 1079 ГК РФ.
9. Сахнова. Т.В. Основы СПЭ по гражданским делам. М., 1995. С.46.
10. Конституция Российской Федерации: Официальный текст от 12.12.1993 [по сост. на 20 августа 2009г.]. М: «Деловой двор», 2009. С.11.
11. Конституция Российской Федерации. М., 1993. Ст.22.
12. Конституция РФ. Ст.23.
13. Сахнова, Т.В. Основы СПЭ по гражданским делам. ... С.98
14. Гражданско-процессуальный кодекс РФ от 14.11.2002 №138-ФЗ (ред. от 15.06.2012) с изменениями и дополнениями, вступил в силу с 01.09.2012.
15. Сахнова Т.В. Основы СПЭ по гражданским делам. М., 1995. С.101.
16. Сёмик А.А. Юридическая психология.// Учебно-методические материалы. Краснодар: Краснодарская академия МВД РФ, 2003. С.60-63.

17. Шахкелдов Ф.Г. Использование специальных знаний в уголовном процессе // Современная научная мысль. 2014. №1. С.70-75.

СЁМИК А.А. – доктор исторических наук, кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры истории Кубанского социально-экономического института, профессор кафедры публичного права Краснодарского кооперативного института (филиала Российского университета кооперации) (psihologe@yandex.ru)

Syomik, A.A. - Doctor of History, Ph.D. in Psychology, associate professor, professor of the history of the Kuban Social and Economic Institute, Professor of Public Law Krasnodar Cooperative Institute (branch of the Russian University of Cooperation)

УДК 340.114.5

ЗОЛОТОВЕРХОВА Ю.С. КОНСТРУКТ МУЖЕСТВЕННОСТИ В МЕЖКУЛЬТУРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Ключевые слова: гендерные стереотипы, проблемы маскулинности, модели поведения, культ мужественности

В статье рассматривается проблема маскулинности. Автор признает, что в современных сообществах существуют различные понятия мужественности, на которые влияют классовая и расовая принадлежность, возраст, те или иные сексуальные склонности т.д. Вместе с тем, в отличие от стереотипов женственности, которые даются от рождения, мужественность во многих культурах должна быть заслужена и одобрена обществом. Последнее определяется особенностями поведения мужчин, призванными показать их особые качества как воинов.

ZOLOTOVERHOVA, Y.S. CONSTRUCT MASCULINITY IN INTERCULTURAL STUDIES

Keywords: gender stereotypes, issues of masculinity, behaviors, machismo

The article deals with the problem of masculinity. The author acknowledges that in modern societies there are different concepts of masculinity that are affected by class, race, age, or that sex addiction, etc. However, in contrast to the stereotypes of femininity, which are given from birth masculinity in many cultures must be earned and approved by society. The latter is determined specific behavior of men is designed to show their special qualities as soldiers.

Во все времена и во всех культурах одним из самых распространенных способов классификации людей было деление на мужчин и женщин.

Разделенное по признаку мужской/женский, общество перестает быть однородным - возникает стратификация, обусловленная рядом признаков, отражающих различные условия существования мужчины/женщины как представителей социальной группы, его/ее доступа к общественным ресурсам, что не может не повлиять на специфическое восприятие мира человеком и своего места в нем.

Задолго до 70-х гг. прошлого века считалось, что мужественность, принадлежность к мужскому, - это нечто противоположное женственности. В 80-х гг. XX века определение мужской сущности предстало уже не как данность, но как задача, которую необходимо решить. Характер мужественности был поставлен под вопрос, а специалисты, занимающиеся проблемами маскулинности, пришли к выводу о необходимости отказаться от единого понятия мужественности. К факторам мужской дифференциации стали относить классовую и расовую принадлежность, возраст, те или иные сексуальные склонности, поскольку перечисленные факторы во многом определяют особенности поведения мужчин.

Как и другие гендерные категории, «маскулинность» не имеет однозначного определения. Как описательная категория она обозначает совокупность поведенческих и психических черт, свойств и особенностей, объективно присущих мужчинам, в отличие от женщин. Как аскриптивная категория обозначает один из элементов символической культуры общества, совокупность социальных представлений, установок и верований о том, чем является мужчина, какие качества ему приписываются. И, наконец, как прескриптивная категория - это система предписаний, имеющих в виду не среднестатистического, а идеального «настоящего» мужчину, это нормативный эталон мужественности [2].

Сегодня гендерные стереотипы меняются, но по-разному у различных слоев общества. Так стереотип маскулинности изменился определенным образом: традиционно в него входили физическая сила, подавление нежности, функциональное отношение к женщине и, одновременно, несдержанность в выражении гнева и страсти. Современный портрет иной: интеллект ценится выше физической силы, допускается проявление нежности и душевной тонкости, требуется обуздание «грубых» чувств, хотя у менее образованных стереотип маскулинности остается более традиционным (как и у подростков).

Дэвид Гилмор, профессор антропологии Нью-йоркского университета, решая загадку мужественности, проводит огромное кросс-культурное исследование в котором анализирует массу примеров моделей поведения и подчас жестоких ритуалов как современного, так и архаических обществ, связанных с завоеванием этой ценности и подтверждением права на ее обладание. Например, на острове Трак, маленьком атолле в южной части

Тихого Океана, мужчины буквально одержимы своей маскулинностью, которую они почитают большим счастьем. Чтобы приобрести имидж «мужественного», мужчины обязаны рисковать своей жизнью или конечностями и быть поглощенными «сильными», «мужскими» мыслями в их туземном понимании. Соответственно, такие мужчины бросают вызов судьбе, отправляясь рыбачить глубоко в море на утлых челноках, охотиться в безрассудном одиночестве в водах, кишаших акулами. Если кто-либо из мужчин отказывается от подобного путешествия, его товарищи, насмеваются над ним и называют его дегенеративным или инфантильным. Пребывая на земле, молодежь мужского пола на острове Трак проводит время в праздных ссорах, пьянстве и поисках возможностей для сексуальных завоеваний, каковые призваны закреплять ее «мужской» имидж. Если кто-либо проваливается в одном из этих дел, другие насмеются над ним в следующих выражениях: «Ты мужчина? А ну-ка, пойдём, сейчас я заберу твою жизнь!».

Еще одним примером стереотипа маскулинности являются мужчины острова Калимнос, столь же привязанные к морю и живущие ловлей губок на продажу. Мужчины острова Калимнос ныряют на глубину без помощи специального оборудования, наличие которого между тем, подвергается осмеянию. Ныряние за губками является весьма рискованным делом, поскольку множество мужчин на всю жизнь остаются инвалидами из-за кессонной болезни. Однако на это всем наплевать: мужчины одержимы своей драгоценной мужественностью, которая предполагает презрение к смерти. Молодые ныряльщики, которые отваживаются принимать меры предосторожности, высмеиваются как женственные и подвергаются глумлению со стороны своих товарищей.

В Восточной Африке мальчиков из множества занятых разведением крупного рогатого скота племен, включая масаи, рандиль, джи и самбуру – забирают от матерей и подвергают кровавой церемонии обрезания, посредством которой они становятся «настоящими» мужчинами. Мальчики должны вытерпеть процедуру не шелохнувшись и не выказав никаких эмоций под ножом. Если мальчик кричит, когда отрезают его крайнюю плоть, даже если он просто моргает или поворачивает голову, он опозорен на всю жизнь. В этом случае он считается недостойным быть мужчиной и весь его род клеймится позором, как род, который взрастил слабака. После этого достаточно публичного и сурового испытания, мальчики, подвергающиеся инициации, изолируются в специальных домах, расположенных в диких местностях. Там, вооруженные лишь собственноручно произведенными орудиями, они изучают азы ответственной мужественности: учатся красть скот, ездить верхом, убивать, выживать в буше. Если их обучение признается удачным, они возвращаются в общество как мужчины. И только после этого им разрешается брать себе жен.

Другой драматический пример из африканской жизни связан с Эфиопией: амара, племя, разговаривающее на языке, принадлежащем к

семитской группе, занимается сельским хозяйством. Племя амара разделяет весьма страстные представления о маскулинности, которая носит название «wand-nat». Идея маскулинности включает в себя представления об агрессивности, выносливости и дерзком, «смелом действии» перед лицом опасности, что, по сути, означает императив никогда не отступить перед угрозой. Чтобы продемонстрировать свой wand-nat, молодежь племени амара должна принимать участие в церемониальной порке, которая носит название buhe. Во время церемонии порки, в которой должны принимать участие все здоровые юноши племени под угрозой потери репутации, воздух наполняется посвистом розги. Лица становятся обезображенными, уши – оборванными, на теле появляются красные рубцы. Любой знак малодушия встречается насмешками и передразниванием. Если этого недостаточно, юноша амара должен подтвердить свою вирильность посредством истязания своих рук горячими углями. Именно таким грубым образом мальчики актуализируют бытующий в племени амадэа «идеал маскулинности» [3].

Помимо Гилмора, значительное число наблюдателей сегодня склоняются к мнению о том, что культуры скорее тяготеют к сходству, чем к различиям по этому вопросу. Например, обратимся к исследованиям Грегора, посвященным первобытному племени в Амазонии. Грегор сравнил половые идеалы, существующие в этом племени, с идеалами, характерными для современной Америки. Обнаружив массу базовых сходств по вопросу об ожидаемых качествах мужчин и женщин, исследователь пришел к заключению о том, что различные культуры вырабатывают различные способы символического маскирования факта глубокого сходства установок в отношении полов. [2]

В другой работе психолог Лунер вторит этому выводу [3]. Культура, по мнению Лунера, является «всего лишь тонким слоем, покрывающим эссенциальную универсальность» гендерного диморфизма. В своем компаративном исследовании половых имиджей тридцати различных культур Вильямз и Вест также приходят к выводу о существовании «субстанционального сходства», которое может быть найдено «панкультурно в отношении особенностей, присущих мужчинам и женщинам» [2].

Резюмируя сказанное выше можно сделать вывод о том, что мужчиной, не рождаются, им становятся. В отличие от стереотипов женственности, которые даются от рождения, мужественность во многих культурах должна быть заслужена и одобрена. Большинство культур имеют сходные представления о «настоящей мужественности» у мужчин, во всем остальном имеющих малого общего. Существуют аналогичные концепции маскулинности и одинаковые заботы и тревоги.

Обширная феминистская литература за последнее десятилетие значительно продвинула вперед понимание женских социальных и психологических ролей, но совершенно не затронула культы и коды мужественности. Однако существующие на сегодняшний день теории и

ПСИХОЛОГИЯ

интерес к исследованиям Гилберта, Грегора, Лунер, Вильямса и Веста отчасти восполняет этот пробел.

Литература и источники

1. Антология гендерных исследований. Сб. пер. / Сост. и комментарии Е.И. Гаповой и А. Р. Усмановой. Минск: Пропилеи, 2000.
2. Берн Ш. Гендерная психология. СПб.: прай-ЕВРОЗНАК, 2001. 320 с.
3. Введение в гендерные исследования. Ч II: Хрестоматия / Под ред. С.И. Жеребкина. Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. - С. 880-904.
4. Словарь гендерных терминов /Под ред. А. А. Денисовой / Региональная общественная организация "Восток-Запад: М.: Информация XXI век, 2002. 256 с

Золотоверхова Ю.С. – преподаватель кафедры психологии и педагогики Краснодарского университета МВД России (yzol@mail.ru)

Zolotoverhova, Y.S. - Lecturer, Department of Psychology and Pedagogy of the University of Krasnodar Russian Interior Ministry
